

ЛЕНА ЛЕТНЯЯ

МЕНТАЛЬНЫЙ
ФАКУЛЬТАТИВ:
УРОВЕНЬ ТЕМНЫХ

Спасая короля, Лана была вынуждена оставить в субреальности сна Рейна, но с его потерей она не смирилась. Совершенствуя навыки сноходца, она снова и снова опускается на нижний уровень, чтобы найти того, кто стал для нее очень важен. Когда кажется, что надежды больше нет, Лана обнаруживает на нижнем уровне особое изолированное пространство, куда попадают после смерти темные маги – уровень темных. Ей удается вытащить оттуда Рейна, но, возможно, сделав это, она выпускает и нечто зловещее. Мир за Занавесью снова под угрозой, и героям нужно не только разобраться в собственных чувствах и отношениях, но и спасти его. Без помощи старших родственников – Марты Бренон и Марка Аранта – им не обойтись. Заключительная часть дилогии.

- [Лена Летняя](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Эпилог](#)
-
-

Лена Летняя

УРОВЕНЬ ТЕМНЫХ

Глава 1

Вечер тянулся долго, слишком долго. У Марты от фальшивой улыбки, приклеившейся к губам, давно свело мышцы, но она все равно настойчиво пряталась за этой маской. Кавалер – банковский служащий по имени Олаф, свидание с которым ей организовала сердобольная подруга – старался, но заинтересовать ее беседой у него катастрофически не получалось. Он много говорил о работе, что-то о кредитах и процентах по вкладам, что-то о безмозглых обывателях – клиентах и еще более безмозглом начальстве. Создавалось впечатление, что в его картине мира существовал только один разумный человек – он сам.

Марта не знала, почему просто не уйдет. Был вечер среды, и она вполне могла сослаться на важные дела с утра и необходимость рано встать. Но вместо этого сидела за барной стойкой на высоком стуле, крутила в пальцах едва начатый бокал вина, с которым провела весь вечер, и улыбалась, рассеянно кивая собеседнику, но почти не слыша того, что он говорит. Олафа это вполне устраивало: ему, казалось, и не требовалось ее ответов, устраивала роль оратора.

По меркам «Сияния» – ночного клуба, давно облюбованного студентами и персоналом Столичной Королевской Академии, в которой Марта преподавала, – вечер только начинался. Музыка звучала не очень громко, скорее, фоном, танцпол пустовал, разноцветный дым только выползал и пока был почти незаметен. Столики еще занимали люди, пришедшие поужинать, а не танцевать до утра, поэтому свободных мест практически не было.

– И вот я ему говорю: Карл, какой, к демонам, магоцикл? Не пройдет и полгода, как эти штуки запретят: слишком много недовольных. Лучше положили эти деньги к нам, сейчас ставка выше, но предложение будет действовать только пару дней. И он повелся, хотя там всего на полпроцента больше и предложение это мы повторяем через месяц для таких болванов, как он...

Олаф рассмеялся, а Марта вздохнула и все же не удержалась: посмотрела наверх, туда, где формально находилась зона для особых гостей, а по факту каждый вечер заседали члены Темного Ковена, решая с клиентами свои дела.

Он был там. Стоял у перил и смотрел на зал внизу, а точнее – на Марту. Давно ли? Судя по тому, сколько ей печет макушку, – достаточно давно. Черный костюм, темные длинные волосы, темно-карие глаза – Марк Арант, глава Темного Ковена, был словно соткан из тьмы и пропитан ею от головы до пят.

Сердце Марты пропустило удар, когда она поймала его взгляд, а потом забилося как пойманная в силки птица. Марта почувствовала себя той самой птицей, когда поняла, что отвести взгляд уже не может.

И музыка, и голос раздражающего кавалера вдруг показались далекими, приглушенными, словно кто-то окружил ее звуковым пологом. В горле пересохло, и губы – тоже. Марта крепче сжала свой бокал, но так и не поднесла его к губам, чтобы сделать глоток.

Арант всегда смотрел на нее так пронзительно, словно пытался просветить насквозь. Еще полгода назад, заметь она на себе подобное внимание темного, Марта испугалась бы и постаралась больше не появляться в клубе, но за эти полгода столько всего произошло... Многое тоже пугало, но теперь уже совсем иначе.

Внезапно Арант «отпустил» ее: отшатнулся назад, прячась в темноте второго этажа,

прерывая зрительный контакт. Музыка моментально вернулась, хлынула в уши, как вода, в которую погружаешься с головой. Вместе с ней вернулся и голос Олафа.

– Так что скажешь?

Марта моргнула, переводя на него растерянный взгляд. Похоже, от бесконечных банковских баек кавалер все же перешел к какому-то предложению, которое она прослушала. И теперь понятия не имеет, что ответить.

– Я... – голос, которым она не пользовалась почти весь вечер, прозвучал хрипло: в горле по-прежнему было сухо. Марта все-таки сделала глоток вина, чуть откашлялась и виновато призналась: – Извини, я отвлеклась. Что ты сказал?

Олаф улыбнулся, но во взгляде проскользнуло заметное раздражение.

– О том и речь. Говорю: тут становитсялюдно и шумно. Может быть, поедем ко мне? Там поспокойнее.

У Марты даже рот приоткрылся от удивления. Вот так сразу? Несмотря на то, что она за весь вечер не продемонстрировала не то что симпатии, но даже минимального интереса? Она растерялась: давно не была на свиданиях и никогда не умела резко отказывать людям, в том числе мужчинам, предпочитая прятаться за тонной предлогов.

– Ты знаешь, я... – начала Марта, собираясь все-таки разыграть карту с множеством дел и необходимостью рано вставать, но ее внезапно перебили:

– Марта, добрый вечер, – прозвучал за ее спиной голос Аранта.

Ее стул сам собой развернулся: она вдруг оказалась спиной к «банкиру» и лицом к главе Ковена. Последний смотрел только на нее и делал вид, что она тут одна.

– А я все думал: вы это или не вы. Давно к нам не заходили.

– Эм... я... – только и смогла выдавить Марта, застигнутая врасплох.

– Эй, парень, что это значит? – возмутился Олаф. – Мы тут вообще-то общаемся, ты не заметил?

Лицо Аранта не переменилось: оно все еще выражало сдержанную приветливость, обращенную к Марте, но следующие слова определенно прозвучали для Олафа:

– Тебе бы исчезнуть, пока я тебя не заметил.

И лишь после этих слов он на мгновение перевел взгляд на «банкира», выражение лица его при этом стремительно изменилось, из приветливого превращаясь в угрожающее.

– Понял, – тихо обронил Олаф у Марты за спиной.

Не прощаясь, он слез со стула, схватил пальто и исчез: Марта даже толком не успела этого заметить. Зато ей хватило времени прийти в себя и из бессмысленно лепечущей школьницы снова превратиться во взрослую женщину, коей она и была.

– Быстро вы его, – хмыкнула Марта. – Люди всегда делают то, что вы хотите?

Арант улыбнулся. Широкой и открытой эту улыбку назвать было нельзя, но она все равно снова моментально изменила выражение его лица: угроза растворилась, вернулась доброжелательность и даже появилась легкая грусть, которую раньше Марта замечала только тогда, когда они находились у Аранта дома.

– В данном случае я сделал то, чего хотели вы, – возразил он. – Вы просто умоляли о помощи и мечтали избавиться от этого парня. Скажете, не так?

– Не скажу, – Марта вернула ему улыбку. – Спасибо.

– Могу теперь я угостить вас чем-нибудь?

Она быстро качнула головой и отвела взгляд, торопливо соскользнула со стула, снимая с низкой спинки маленькую меховую куртку, в которой пришла.

– Извините, Марк, но мне пора, завтра...

– Много дел, и вам надо рано вставать, – закончил Арант за нее, его улыбка стала снисходительной.

Да, в общении с ним она слишком часто использовала этот предлог.

– Тогда позвольте вас хотя бы проводить.

На этот раз Марта не нашла предлога отказать.

Они вышли из клуба и словно провалились в другую реальность: тишина, никаких цветных огней, переливающихся то тут, то там, никакого дыма. Холодный вечерний воздух был чистым и прозрачным, уличные световые шары разгоняли тьму равномерным желтоватым светом, а с неба сыпались, порхая и танцуя, крошечные редкие снежинки.

Марта и Арант остановились под козырьком крыльца: она поторопилась запахнуть и застегнуть пуговицы меховой куртки, чтобы закрыться от холодных порывов ветра, а он выставил вперед руку, ловя ладонью снежинки.

Одна приземлилась на указательный палец и тут же растаяла, превратившись в прозрачную каплю. Марта, наблюдавшая за судьбой снежинки, непроизвольно подумала, что у ее спутника, должно быть, очень горячие руки.

– Зима все никак не уймется, – пробормотал Арант, не глядя на Марту. Он смотрел в темное небо, сыпавшее снегом. – Скоро смена года, а все еще идет снег.

– Бывает. Но весна все равно наступит. Всегда наступает.

Он кивнул, опуская ладонь и предлагая Марте локоть, как безукоризненный джентльмен. Ему хорошо удавалась эта роль, несмотря на происхождение. Впрочем, кто теперь помнил мальчика из трущоб, каким он был когда-то? Марта и сама не верила, что такое было, хотя Арант сам рассказывал ей об этом. Но то были времена задолго до их знакомства. Даже до ее рождения: Арант был на добрых двадцать лет старше.

– Вы давно не заходили к нам, – заметил он укоризненно, медленно шагая с ней по пустынному тротуару.

Или укор ей только почудился, потому что она сама чувствовала себя виноватой за то, что перестала навещать Рейна? Марта продолжала мысленно называть друга так, хотя и знала теперь, что его настоящее имя Марек. Она понимала, как выглядели со стороны оборвавшиеся визиты: как будто она тоже потеряла надежду и похоронила застрявшего в субреальности сна приятеля.

И ведь не объяснишь, почему на самом деле она избегает визитов в особняк Аранта...

– Было много работы, – вздохнула Марта, понимая, что слова звучат неубедительно. – Конец семестра, сессия – сами понимаете.

– Да, я знаю, Лана говорила, – кивнул Арант. – Но теперь ведь начались каникулы, разве нет?

– Да, уже начались.

Он остановился, поворачиваясь к ней лицом, заглянул в глаза, отчего ее пробрала нервная дрожь, а взгляд сам собой опустился ниже, на его губы. Марта тяжело сглотнула и опустила голову еще ниже, чтобы посмотреть на что-то более безопасное: на пуговицы его пальто, например.

– Мой дом всего в паре минут ходьбы отсюда, вы почти не потеряете времени, если зайдете сейчас.

Его голос прозвучал тихо, но настойчиво, слегка вибрируя и как будто обещая нечто большее. Сердце вновь ударилось о ребра, Марта стиснула зубы, пытаясь унять охватившее

ее волнение. Она почти не смотрела на него, но память услужливо подсовывала ей то его руки, то губы, и Марта понимала, что если все-таки окажется вечером в его городском доме, с ним наедине, то уйдет оттуда только утром. Потому что стоит ему хотя бы раз ее коснуться, привлечь к себе и поцеловать... Остановить его она уже не сможет. Не захочет...

– Марта, вы что, боитесь меня? – Арант по-своему истолковал ее молчание, нежелание смотреть ему в глаза и дрожь, которую ей наверняка не удавалось скрыть. – Разве я когда-нибудь давал вам повод опасаться меня?

– Вы глава Темного Ковена, – с трудом выдавила она. В горле снова пересохло, поэтому голос опять прозвучал хрипло. – Вас все боятся.

– Неправда. Король меня не боится, равно как и королева. И даже ваша сестра меня не боится.

– Король и королева стоят выше вас, а Лана вообще девочка бесстрашная, – смущенно улыбнулась Марта. – Я не такая, как она. Никогда не была такой.

– Я вас не съем, – пообещал Арант с улыбкой. – Но другого случая навестить его и попрощаться может и не быть.

Она вскинула на него удивленный и немного испуганный взгляд. Арант продолжал улыбаться, но только заглянув в его глаза Марта поняла, что улыбка – всего лишь маска, за которой прячется невыносимая боль родителя, безвозвратно теряющего свое дитя. Он кивнул, отвечая на незаданный вопрос:

– Настало время отпустить его. Мы исчерпали все возможности. Лана угробит себя, если продолжит пытаться. А он не хотел бы этого. И не простил бы мне, если бы я продолжил ее поощрять.

Марта почувствовала, как перехватило горло и защипало глаза. Забывая о страхах, что терзали ее секунду назад, она качнулась вперед, сокращая и без того неприлично маленькое расстояние между ними, коснулась рукой его груди в утешающем жесте.

– Марк, мне так жаль, – произнесла искренне дрогнувшим голосом.

«Но я благодарна», – эти слова остались произнесенными, но отразились в ее глазах.

Да, ей было невыносимо больно от мысли, что надежды вернуть лучшего друга больше нет, но она видела, как бесконечные попытки его спасти, неизменно заканчивающиеся провалами, постепенно убивают ее младшую сестру-сноходца. Лане нужно остановиться. И только Арант может ее остановить.

– Так вы зайдете?

– Конечно.

На этот раз она взяла его не под руку, а за руку: через двойной слой перчаток это было достаточно безопасно, но позволяло выразить поддержку, которую она не могла облечь в слова. Арант сжал ее ладонь в своей. Так они и дошли до его дома, держась за руки.

В холле их встретил слуга и, приняв верхнюю одежду, неожиданно сообщил Аранту, что в библиотеке его ждет девушка.

Брови Марты произвольно подскочили вверх, а внутри что-то неприятно кольнуло: что еще за девушка на ночь глядя? Но она тут же одернула себя, напоминая, что это ее не касается.

Арант же только нахмурился: похоже, визитов он не ожидал. Он уже повернулся к Марте, вероятно, чтобы извиниться и предложить ей подняться в комнату его навсегда уснувшего сына самостоятельно, когда двери библиотеки распахнулись и означенная девушка сама появилась в холле, нервно цокая каблучками.

И Марта, и Арант облегченно выдохнули, когда увидели перед собой Лану, но тут же оба непроизвольно напряглись, разглядев ее сосредоточенное и решительное выражение лица. Старшей сестре она только кивнула, а вот у главы Ковена требовательно спросила:

– Арант, что вы утаили от меня о субреальности сна? Какие еще уровни там есть?

Вечер у Ланы предполагался скучным и тихим. Она собиралась поужинать в одиночестве, поскольку сестра ушла на свидание, лечь пораньше и как следует выспаться. На этой неделе она трижды погружалась на нижний уровень, надеясь отыскать там сознание Рейна и еще два раза бесцельно блуждала по верхнему уровню субреальности сна, в глубине души надеясь, что оно может оказаться и где-то здесь. По словам Аранта такого быть не могло, но нижний уровень Лана уже исследовала вдоль и поперек, насмотрелась там всякого, а Рейна так и не нашла, из чего сделала вывод, что его там просто нет. А если его нет там и при этом он не приходит в себя, то вариант оставался только один: он на другом уровне. Которых всего два: верхний – уровень обычного сна и нижний – уровень теней умерших людей.

Она знала, что так часто выходить за пределы своего сна нельзя, но ничего не могла с собой поделать: чувствовала, что время на исходе. Видела это в потухшем взгляде Аранта: он тоже потерял веру, а значит, в любой момент мог решить прекратить поддерживать жизнь в теле Рейна.

К счастью, в последнее время Легион почти не обращался к ней за консультациями. На самом деле, за те три с половиной месяца, что она числилась там гражданским консультантом, она успела поучаствовать не больше, чем в пяти расследованиях. Причем первые два были официальной проверкой, то есть следователи могли справиться и без нее, но господин Варт – ее наставник – решил дать Лане возможность попрактиковаться и проявить себя.

Очевидно, Легион не так уж сильно в ней нуждался, но она все равно была благодарна королю за то, что пристроил ее туда. Это давало право и возможность продолжать развивать запрещенный дар сноходца, а значит, и искать Рейна. Но иногда Лана испытывала странное разочарование: после всего, что случилось в ее жизни, ей нравилось чувствовать себя полезной, а отсутствие заданий лишало ее этой возможности.

Она как раз вытаскивала из духовки картофельную запеканку – единственное блюдо, которое научилась уверенно готовить, – когда в дверь позвонили. Лана не ждала гостей, а Марта еще не могла вернуться, поэтому звонок застал врасплох. Лана едва не выронила горячий лоток с запеканкой, заторопившись.

«Надо было нанять все-таки хотя бы одного помощника», – в который раз подумала она.

Когда король вернул Лане часть капиталов семьи, прислуга снова стала ей по карману, но непривыкшая к посторонним людям дома сестра была против. Лана не стала настаивать. И только в таких ситуациях жалела об этом.

На пороге ее дома неожиданно обнаружился Эрик Варт. На нем не было следовательской формы Легиона, что было само по себе необычно: Лана редко видела его в гражданской одежде. Хотя не могла не признать, что она идет ему ничуть не меньше синей формы.

– Варт? – удивилась она вместо приветствия.

Наставник улыбнулся.

– Добрый вечер, Лана. Можно войти?

Она кивнула и торопливо посторонилась, пропуская его в холл. Варт вошел и, не скрывая любопытства, огляделся: столичный дом семьи Лерой заметно отличался от того, что обычно могли позволить себе легионеры.

– Извини, что врываюсь без приглашения. Надеюсь, я ничему не помешал?

– Нет, – Лана мотнула головой для убедительности, отчего собранные в хвост волосы смешно дернулись из стороны в сторону. – Я собиралась ужинать. Хотите присоединиться? В меню картофельная запеканка с мясом.

– Это совсем не обязательно...

– Я сама приготовила, – не удержалась от уточнения Лана.

Готовить она еще только училась, и каждый маленький успех воспринимала с детским восторгом.

В серых глазах Варта блеснули смешинки.

– Ну, если сама, то не могу упустить случая попробовать.

– Тогда проходите, – поманила она за собой в столовую.

Варт не заставил просить себя дважды, только оставил на вешалке теплую куртку.

Он был чуть старше Рейна Братта. Не такой красивый, но имелась у него какая-то притягательная мужественность, которая Лане нравилась. И не только ей. Однако симпатии самого Эрика Варта для окружающих оставались тайной: он был самым закрытым человеком из всех, кого Лана знала. Даже более закрытым, чем Марта. Поэтому было особенно странно видеть его вечером в обычной одежде и в своей столовой.

Впрочем, причина необычного визита раскрылась уже минут через десять, когда они уселись за стол и Варт попробовал и похвалил блюдо Ланы, чем вызвал у нее довольную улыбку.

– Должен признаться, я по делу, – серьезно заявил он, глядя на Лану через стол.

– О, ну слава древним богам, – усмехнулась Лана. – А то я уж решила, что это романтический визит.

Темные брови Варта удивленно взметнулись вверх, он потянулся к бокалу вина и невинно уточнил:

– Это было бы так ужасно?

– Это... сбивало бы с толку, – призналась Лана, продолжая улыбаться.

Варт хмыкнул и не стал развивать тему. Вместо этого посерьезнел и сообщил:

– У нас убийство Лана, нужна твоя помощь.

Это стало неожиданностью. Для подобных сообщений ее должны вызывать в Легион. Разве что дело очень срочное...

– Что случилось? – поинтересовалась Лана, тоже напуская на себя серьезный вид.

– Погиб темный, что само по себе не редкость: он был членом Ковена, а значит, скорее всего, был замешан в незаконные дела. Имела место магическая схватка: темный след боевых заклятий не успел развеяться.

– Так в чем дело? – удивилась Лана. – Просто отследите второго участника дуэли. Это стандартная процедура, ничего сложного. Зачем вам я?

Варт смотрел на нее, не мигая, как будто боялся пропустить реакцию, когда заявил:

– Второго темного следа нет. Есть только след от заклятий жертвы. Убийца после себя

ничего не оставил.

Лана нахмурилась.

– Разве так бывает? Ведь если второй сражался с помощью светлого потока, шансов победить у него не было...

Она осеклась под пронизывающим взглядом наставника.

– О...

Да, не только светлый поток не оставляет следов. Есть ведь еще и так называемый «серый» – поток энергии Хаоса. Формально им владеет только король, но сам Норд Сорроу уверен, что Хаос стремится к равновесию, а стало быть, рано или поздно снова наградит кого-то такой силой. И этот человек может стать угрозой для всех.

– Вот именно, – согласился Варт, как будто прочитал ее мысли. – Поэтому у нас нет времени на стандартные процедуры расследования. Тебе нужно погрузиться в сознание убитого и увидеть, кто это сделал. Чем быстрее мы найдем этого человека, тем меньше рисков.

Лана согласно кивнула и задала только один вопрос:

– Подушка есть?

Для проникновения в чужой сон – или в опустившееся на нижний уровень сознание погибшего человека – Лане требовалась «точка входа». Обычно она формировалась на том месте, где человек спал более или менее часто, но вполне хватало и подушки, на которой покоилась в такие моменты его голова.

Варт достал подушку через пространство – этому трюку Лана не была обучена, а потому он произвел на нее впечатление. Она сделала еще глоток вина, надеясь, что этого хватит для погружения в сон: прибегать к снадобью, специально разработанному для нее Найтом Фарлагом, исключительным Мастером, не хотелось: оно усыпляло быстро, не мешало проснуться и в долгосрочной перспективе не вредило здоровью, но голова на утро после него бывала ватная.

Лана не стала приглашать Варта в свою спальню, это было неуместно, проводила его в малую гостиную, где имелась вполне удобная кушетка: Лана порой засыпала на ней днем, когда читала, если ночью из-за погружений спала мало.

Наставник пристроился на диване, стоявшем в центре комнаты, спиной к Лане и кушетке, на которой та устраивалась. Во время погружения сноходца часто поджидали опасности, особенно на нижнем уровне, поэтому лучше было не совершать его в одиночестве. Но мешать ей засыпать пристальным взглядом Варт не стал, за что Лана мысленно поблагодарила его.

После вина уставший от недосыпа мозг отключился довольно быстро, сон распахнул свои объятия. Лана с трудом заставила себя выйти за пределы своего «двора»: собственного сна, где можно отдохнуть.

Тренировки последних месяцев сделали субреальность почти идеально послушной. Сны погибшего темного – то, что от них осталось, – раскрылись для нее так же легко, как собственный, но Лану они не интересовали. Требовалось спуститься ниже.

Субреальность подчинилась ее воле. Лана увидела темного: она точно не знала, как он выглядит, но сомнений в том, что это именно тот человек, который ей нужен, у нее не возникло. Он повернулся и пошел прочь, а Лана последовала за ним.

Друг за другом они нырнули в плотный туман. Стало холодно и немного жутко: сколько бы она ни погружалась на нижний уровень, а избавиться от этих ощущений во время

перехода не могла.

Потом туман развеялся, и Лана очутилась в чьем-то доме. И нахмурилась.

Что-то было не так. Она достаточно хорошо знала ощущение нижнего уровня, а сейчас чувствовала другое.

Здесь было... мерзко. Как в самом страшном кошмаре, только во сто крат хуже. Обстановка казалась почти реальной, но стоило присмотреться, как становилась заметна черная гниль на мебели, ноздрей касался тошнотворный запах разложения, а в сознании с каждой секундой поднималось все самое злое и темное, что в Лане когда-либо было: обиды, ненависть, зависть, злость. Задавленные в обычной жизни другими эмоциями, сейчас они стряхивали с себя слои пыли забвения, набирали силу, въедались в мысли и отравляли их.

– Где я, демон меня побери? – пробормотала Лана дрогнувшим голосом.

Нестерпимо хотелось убежать, немедленно проснуться, вырваться отсюда.

Лана почувствовала движение сзади, но не смогла пошевелиться. Воздух вдруг стал таким плотным, что двигаться в нем оказалось тяжелее, чем в воде. И также трудно было вдохнуть.

– Если ты не знаешь, – коснулся ее уха горячий шепот, – то что здесь делаешь? Тебе здесь не место, сноходец. Проваливай!

Ее что-то толкнуло в спину. С такой силой, что Лана не устояла на ногах, повалилась вперед. Успела увидеть, как пол превратился в вязкое темное болото, готовое поглотить ее, затянуть в глубину, где она уж точно не сможет вдохнуть, но прежде, чем рухнуть в смрадное месиво, коснулась броши, приколотой к груди. Точка выхода, созданная для нее Рейном. Она никогда ее не подводила.

Лана дернулась и едва не свалилась с кушетки. Оказавшийся рядом Варт успел ее подхватить.

– Лана? Все в порядке? Ты так стонала, что я уже хотел тебя будить. Увидела что-нибудь?

Тяжело дыша, она покачала головой, но потом уточнила словами:

– Что-то пошло не так, Варт. Я была...

– Где?

– Не знаю... Но это был не нижний уровень. Там я уже освоилась, хоть и не могу им управлять. А тут... Не знаю, что это было.

Варт успокаивающе погладил ее по плечу и мягко произнес:

– Ничего страшного, попробуешь позже. Может быть, тебе нужно сначала отдохнуть. Ты выглядишь уставшей. Наверное, не стоило мне просить тебя сегодня.

Лана ничего не успела ответить: Варт вдруг востропел, отстранился и полез в карман за небольшим зеркалом, которое, судя по всему, звало его. Он коснулся пальцем поверхности и поприветствовал того, кто появился вместо его отражения, дотянувшись до него сквозь зеркальный лабиринт.

– Индира? Что случилось?

Лана поморщилась. Индира Хитрик была напарницей Варта, но в отличие от наставника, относилась к Лане не просто с холодком, а с неприкрытой ненавистью, причины которой были не до конца ясны.

– Эрик? Ты где?

Лана поймала взгляд Варта, страшно округлила глаза и выразительно замотала головой. Если он сейчас ляпнет, что у нее, Хитрик ее со свету сживет.

– Я уже не в Легионе, – уклончиво ответил Варт, заметив и правильно истолковав эту пантомиму. – А что случилось?

– Ты нам срочно нужен, – сообщила Индира. – Новое дело, Мор назначил на него тебя.

– Но у меня уже есть дело, – нахмурился Варт. – Я не могу вести оба.

– Про то забудь, с ним разберутся другие. Это важнее.

– Понял, – коротко и напряженно отозвался Варт. – Сейчас буду.

И он оборвал связь быстрее, чем Индира успела снова поинтересоваться его местоположением.

– Мне нужно идти, похоже, смерть темного я больше не расследую.

С этими словами он забрал с кушетки подушку и сквозь пространство вернул ее на место.

– Если Легион сочтет уместным твою помощь, к тебе обратится другой следователь.

Лана кивнула, даже не обидевшись на формулировку. Сейчас ей было не до Легиона с его расследованиями.

Ей срочно был нужен Арант.

Заседание Совета затянулось на несколько часов. Когда в одной комнате собирается десяток амбициозных мужчин, каждый из которых втайне уверен, что он умнее всех остальных вместе взятых, быстро повестку дня не обсудить. Все жаждут высказаться и, по возможности, продавить свою точку зрения. И даже королевский авторитет не всегда останавливает тех, кто вошел в раж.

Последние полчаса Норд Сорроу устало молчал. Он сидел, подперев подбородок рукой, и переводил взгляд с МакКензи на Штерна и обратно, бесстрастно следя за их перепалкой. Советники были почти ровесниками, оба чуть старше самого Сорроу. Непримириемые соперники, они всегда занимали диаметрально противоположные позиции по всем вопросам и спорили до хрипоты. Даже за круглым совещательным столом занимали места строго друг напротив друга на одинаковом расстоянии от короля.

– Дело даже не в том, что любые послабления для темных – это непопулярная мера, – горячился рыжеволосый МакКензи, отчего его щеки становились такими же огненными, как и волосы. – Мы по-прежнему не знаем всех возможных последствий использования темной магии...

– Первым послаблениям темным уже десять лет, – хладнокровно возражал светловолосый и медлительный по натуре Штерн, слегка растягивая слова. – А небо до сих пор не рухнуло нам на головы...

– Это еще ничего не значит! Никто не знает, что происходит. Может быть, темная энергия копится, и где-то есть предел прочности...

– Во времена Великих Королей темные колдовали без ограничений на протяжении веков, но и тогда ничего не произошло...

Их перепалки всегда были утомительно долгими и, наверное, для ускорения работы Совета и сокращения времени совещаний стоило убрать из состава одного из них, а лучше обоих, но Сорроу не спешил освобождать их от должности. В своем вечном противостоянии они умудрялись каждый раз дойти до крайности и посмотреть на любую проблему с таких точек зрения, на какие никогда не выходили другие члены Королевского Совета. Довольно часто это оказывалось полезно.

Поэтому Сорроу терпеливо слушал, не перебивая, только позволяя тоске отразиться во взгляде. Переводя его с одного Советника на другого, Сорроу вдруг зацепился за выражение лица Алека Прайма, сидевшего почти напротив него. Молодой политик и по совместительству сводный брат Тары Фарлаг, подруги королевы, недавно занявший место в Совете, не смотрел на коллег, а с улыбкой наблюдал за королем. Когда тот поймал его взгляд, Прайм не смутился, только улыбнулся шире, с пониманием и сочувствием. В его глазах читалось: «И так каждый раз? Тогда крайне сочувствую вашему величеству».

Сорроу демонстративно вздохнул, едва заметно улыбаясь Прайму в ответ. И все-таки выпрямился на своем стуле, что для внимательного наблюдателя всегда означало, что терпение короля лопнуло.

Ни МакКензи, ни Штерн наблюдательностью сегодня не отличались, поэтому их перепалку прервал Советник Фаррел:

– Господа, – не столько громким, сколько сильным, хорошо поставленным голосом вклинился он, – я думаю, придется признать, что по этому вопросу Совет сегодня не может

вынести решение, и отложить его до следующего заседания.

Оба спорщика тут же замолчали, метнув сначала раздраженные взгляды на Фаррела, а потом заметив наконец позу Сорроу. Это тут же охладило их пыл: оба предпочли не возвращаться к дискуссии.

– *Спасибо*, господин Фаррел, – подал голос король, сделав ударение на первом слове и выразительно посмотрев на Советника, всегда сидевшего по правую руку от него. – Прошу секретаря пометить в протоколе, что этот вопрос остается нерешенным, и внести его в повестку следующего заседания. А на сегодня, насколько я понимаю, у нас все...

Он уже собирался встать, когда один из Советников остановил его замечанием:

– Вообще-то, у нас есть еще один вопрос, который мы хотели с вами обсудить, ваше величество.

Сорроу вернулся на место, ища глазами того, кто это сказал. Подавший голос Советник, как оказалось, прятался от его взгляда за Штерном. И только теперь наклонился вперед, чтобы его было лучше видно.

Касич. Самый критично настроенный член Совета, которого Сорроу в свое время был вынужден включить в его состав, чтобы договориться, наконец, с элитами, когда-то поддерживавшими последнего канцлера. По факту сейчас он возглавлял оппозицию.

– Что еще? – стараясь не выдавать моментально возникшего напряжения, уточнил король. – В повестке, насколько мне известно, больше ничего нет.

– Мы не стали включать это в официальную повестку, чтобы не произошло утечки, – пояснил Касич, обмениваясь взглядами с парочкой других Советников. Те со значением кивнули, явно зная, о чем пойдет речь.

Сорроу быстро обвел взглядом Совет: четверо, включая Касича, в курсе, Фаррел и Прайм удивлены и сбиты с толку, остальные сидят с непроницаемыми лицами – не разберешь. Король остановил взгляд на Касиче, предлагая ему продолжить.

– Думаю, имеет смысл приостановить ведение протокола, – предложил тот.

Сорроу дал знак секретарю, сидевшему в уголке, веля деактивировать ведущий запись артефакт.

– Если вы хотели меня заинтриговать, господин Касич, то уже своего добились. Можем теперь перейти к сути? Мне ужасно хочется успеть поужинать с семьей.

– Понимаю, ваше величество, – без особого пиетета произнес Касич, – но вопрос важный. Преемственность власти.

Сидевшие с непроницаемыми лицами МакКензи и Штерн синхронно кивнули и, заметив это, одинаково недовольно скривились.

– Вы должны позаботиться о преемнике, – пояснил Касич в ответ на вопросительный взгляд Сорроу, – на случай своей... смерти.

Брови Сорроу сдвинулись к переносице, взгляд стал ледяным.

– Мне кажется, вы несколько торопитесь, господин Касич, похоронить меня. Вы, конечно, моложе лет на десять, но кто из нас на чьих похоронах простудится, – вопрос спорный.

Уголок рта Касича дернулся, едва не искривив губы в ехидной усмешке.

– Я совсем не имел в виду ваш возраст, ваше величество. Но все мы помним недавние события. Они могут повториться.

Сорроу стиснул зубы, вынужденный признать правоту Касича. Да, не так давно, пытаясь закрыть прорыв Хаоса, он едва не распрощался с жизнью. Все сложилось удачно для него, но

на несколько дней мир за Занавесью успел попрощаться со своим монархом. Его сыновья – десяти и тринадцати лет – были еще слишком малы, чтобы полноценно взойти на престол, а старший к тому же был приемным, что несколько запутывало престолонаследование. Сложившейся традиции мир за Занавесью, пять столетий проживший как единая республика, не имел.

– И тем не менее, я не вижу проблемы, – отрезал Сорроу. – В случае моей безвременной кончины править будет королева, пока не решит передать власть одному из наших сыновей. Или дочери.

– При всем моем уважении, – возразил Касич, – для остальных это не так очевидно. Тане будет трудно удержать власть, если вас вдруг не станет. Думаю, все присутствующие это прекрасно понимают.

И действительно многие закивали, даже Штерн и МакКензи вновь согласились друг с другом, на этот раз даже не обратив на это внимания.

– Думаю, вы недооцениваете мою супругу. И Рону Риддик, ревоплощением которой она является.

Упоминание древней королевы, которую мир за Занавесью столетиями почитал как богиню, немного охладил пыл кивающих, но совсем не убедил Касича.

– Таня слишком далека от политики. Не мне вам объяснять, что желающих воспользоваться ситуацией и поставить ее способность править самостоятельно под вопрос будет немало. Как и желающих использовать ваших сыновей и их спорные права на престол для закрепления у власти.

– Да, полагаю, на одного такого человека я как раз сейчас смотрю, – хмыкнул король, выразительно глядя на Касича.

На этот раз тот позволил себе кривую ухмылку.

– Я всего лишь не хочу смуты. И считаю, что вам лучше самому оставить ясные публичные распоряжения на случай преждевременной кончины. Кто из сыновей будет наследником и кто из Совета станет опорой королевы на время его взросления.

– А это обязательно должен быть кто-то из Совета? – демонстративно удивился Сорроу. – Королева еще очень молода, в случае моей смерти, она вполне может сама выбрать себе нового короля, который станет ее опорой.

– И в этом тоже таится определенная опасность, – заметил Касич невозмутимо. – Потому что ее может обольстит недостойный человек, который просто использует ситуацию. И ее саму.

– Очевидно, свои шансы вы оцениваете как невысокие, – не сдержался Прайм, недовольно глядя на Касича, – раз так переживаете об этом.

Касич метнул на него недовольный взгляд, но не успел ответить, поскольку снова вмешался Фаррел:

– Я думаю, это вопрос слишком сложный, чтобы решать его наскоком. Уверен, король вас услышал. Дадим ему время обдумать необходимость такого решения.

– Несомненно, – согласился Штерн.

И МакКензи снова не стал возражать.

Ноги уже несли его в ту часть резиденции, где обитала семья, а мыслями Норд Сорроу был еще на заседании Совета, поэтому не сразу правильно интерпретировал картину, открывшуюся перед ним во внутреннем дворе. Здесь, заняв пяточок свободного пространства между клумбами и небольшим фонтаном, фехтовали на игрушечных мечах его сыновья.

Сначала происходящее показалось Сорроу обычной игрой, и он притормозил, с улыбкой наблюдая за детьми, но постепенно улыбка эта стала таять. Тим – старший, приемный сын, уже вошедший в подростковый возраст, – наносил удары слишком сильно. Правильнее сказать – изо всех сил. Невысокий, худенький Дарен с трудом держал удар и уже испуганно куксился, но все еще не сдавался. Через пару секунд Сорроу понял: он просто боится, что даже если опустит меч, брат все равно нанесет удар.

– Тим, стой! – пискнул Дарен, пятясь назад.

Но Тим не остановился. Он продолжал наносить удары, лицо его искривила злость. Очередным выпадом он выбил игрушечный меч из рук младшего брата, но даже это его не остановило: он снова занес руку для удара.

– Хватит! – не выдержал Сорроу, резко дернув меч из ладони сына магией.

Немного не рассчитал силы от нахлынувших эмоций: меч улетел куда-то в противоположный конец внутреннего двора.

Злость моментально схлынула с лица Тима, уступив место испугу. Но он тут же постарался его спрятать.

– В чем дело, пап? Мы просто играем...

– Это не просто игра, – возразил Сорроу, сверля Тима строгим взглядом и подходя ближе. – Он просил тебя остановиться, потому что ты давил слишком сильно.

– Это ведь поединок... – попытался оправдаться Тим, но Сорроу остановил его взглядом.

– Он еще маленький. И слабее тебя. Если играешь с ним, будь добр это учитывать. Если не можешь сдерживаться, походи поиграй с кем-то, кто больше и сильнее.

Тим раздраженно поджал губы, бросил взгляд на Дарена. Тот стоял, прижав к груди правую руку и поглаживал ее левой: видимо, последний удар все же причинил ему боль, возможно, пришелся по кисти. Губы Дарена дрожали, темные глаза – копия отцовских – слегка поблескивали от собирающихся в них слез.

– Папенькин сынок, – проворчал Тим, резко разворачиваясь и размашисто уходя прочь.

Сорроу окликнул его, но тот не обернулся и не замедлил шаг. Это огорчало, но Сорроу решил, что разберется с Тимом позже: сейчас Дарен нуждался в нем больше.

– Ну как ты? Больно? – спросил Сорроу мягко, опускаясь перед сыном на одно колено и протягивая к нему руку.

Дарен, храбрясь, покачал головой, но одновременно с этим шмыгнул носом и потому все-таки признался тихо:

– Немножко.

– Давай сюда руку, полечу.

Дарен протянул ему ушибленную кисть – действительно, последний удар Тим нанес по пальцам – и снова шмыгнул носом, но все равно старался не плакать.

Сорроу провел рукой над ушибом, мгновенно обезболивая и залечивая его магией, и потом погладил сына по голове.

– Знаешь, нет ничего страшного в том, чтобы заплакать, если тебе больно, – заметил он с улыбкой.

– Короли не плачут, – возразил Дарен, упрямо мотнув головой.

Сорроу вздохнул, готовый вырвать себе язык. Когда-то он так сказал, пытаясь утешить ревущего ребенка. Слова вырвались сами собой, явившись из далекого воспоминания: ночью накануне похорон родителей и брата он рыдал над гробом матери, а заставший его за этим делом Советник только погладил по голове и печально вздохнул.

– Плачьте, ваше высочество, – тихо обронил он, – плачьте, пока есть такая возможность. Завтра вы станете королем, а короли не плачут.

Ему тогда было столько же, сколько сейчас Тиму, и он воспринял слова Советника серьезно: после коронации не позволял себе слез в течение долгих лет. Но ему совершенно не хотелось, чтобы его собственные дети росли с такой же установкой, а вот поди ж ты, сам умудрился навязать им эту концепцию.

– Ты ведь пока не король, сынок, – мягко заметил он, глядя на Дарена с сочувствующей улыбкой. – Тебе пока можно.

Мальчик обвил тонкими руками его шею и уткнулся лицом в изгиб шеи, судорожно вздохнув, но так и не заплакал: боль и страх уже ушли, а вместе с ними и причины для слез. Но Сорроу все равно погладил его по голове, а потом предложил:

– Пойдем поищем маму?

Дарен энергично закивал и побежал вперед, кажется, зная, где ее искать.

Таня обнаружилась в зимнем саду. С его личным секретарем, который развлекал ее какими-то забавными историями: королева заливисто хохотала.

Норд Сорроу никогда не был особенно ревнив, жена просто не давала ему поводов. В ее взгляде всегда читалось обожание, а на других мужчин она даже не смотрела. Пожалуй, до тех пор, пока у короля не появился этот секретарь: ее ровесник, легкий в общении и весьма привлекательный для женщин, насколько Сорроу мог судить.

Он бы, наверное, малодушно понаблюдал за мило общающейся парочкой, если бы с ним не было Дарена. Но тот побежал вперед, зовя маму и раскрывая ей свои объятия. Сорроу не оставалось ничего другого, как пойти следом.

– Арант, что вы утаили от меня о субреальности сна? Какие еще уровни там есть?

Глава Темного Ковена вопросительно уставился на нее, едва заметно хмурясь. Его взгляд красноречиво требовал: «Потрудись объяснить свой вопрос», но Лана считала, что тот и так прозвучал достаточно конкретно.

– Я ничего от тебя не скрывал, рассказал все, что знаю, – сдался Арант после нескольких секунд молчания. – В субреальности два уровня: сны живых и вечный сон того, кто больше не проснется. Ничего другого там нет.

Он явно говорил правду, точнее, верил в то, что говорит, поэтому Лана переменяла позу, сбрасывая с себя возбужденное напряжение, и вздохнула.

– Значит, вы просто ошибаетесь. Там есть что-то еще, – возразила она уже более спокойным тоном. А потом перевела взгляд на Марту и удивленно заметила: – Эй, а ты же не с ним ушла на свидание?

– Нет, мы встретились случайно... – быстро попыталась объяснить Марта, неожиданно занервничав.

– Насколько можно считать случайностью встречу в клубе с его владельцем, – хмыкнул Арант, изображая подобие улыбки.

Марта неловко покосилась на него и замолчала, посчитав за благо не развивать тему. Вместо этого она вернула Лану к той, с которой та пришла:

– С чего ты взяла, что в субреальности есть что-то еще?

Лана переключилась моментально: недавнее открытие интересовало ее гораздо больше любовных походов сестры.

– Ко мне сегодня заходил Варт, хотел, чтобы я погрузилась в сон одного недавно погибшего парня. Кстати, из ваших, из Ковена.

Арант нахмурился сильнее, из чего можно было сделать вывод, что он пока не в курсе недавней потери в своих рядах.

– Он погиб при странных обстоятельствах, и Варт хотел, чтобы я посмотрела, как это произошло. Я погрузилась в сон, нашла там того парня, последовала за ним на нижний уровень, только вот пришла куда-то не туда.

– В каком смысле? – не понял Арант. – Куда не туда и как ты это поняла?

– Послушайте, я уже с полгода регулярно погружаюсь на нижний уровень и ищу там Рейна, – немного раздраженно пояснила Лана, пряча за этой эмоцией ярко вспыхнувшую надежду, продемонстрировать которую боялась. – Я знаю, как ощущается нижний уровень, знаю, как там все выглядит. И пусть я не могу управлять им так, как снами, чувствую я себя там теперь вполне уверенно. А тут... Я не могла пошевелиться, не могла даже вздохнуть. Как в воду нырнула. Там все было... другим. Таким... гадким. – Лана скривилась, когда воспоминания о погружении нахлынули на нее. Подобрать слова, чтобы описать его, оказалось нелегко. – И я сама там была гадкой. Даже хуже, чем год назад, когда отец еще был канцлером, а я творила все, что хотела, зная, что мне ничего за это не будет. Как будто что-то будило и вытаскивало из меня все самое темное, что во мне есть: ненависть, зависть, злость... Я пробыла там секунд пять, но меня чуть не раздавило всем этим. И темный тот... Он сказал: «Тебе здесь не место, сноходец». Где мне не место?

Продолжая хмуриться, Арант задумчиво прошелся по холлу, скрестив руки на груди, и

наконец снова повернулся к Лане, чтобы озвучить свой вывод:

– То, что ты описываешь, похоже на темный поток. Примерно то же самое чувствуешь, когда он проходит по телу. Демоническая сила подпитывается злом, которое есть в каждом из нас. Может быть, тебя накрыло остатком темной энергии того мага?

– Почему я никогда не чувствовала этого раньше? – возразила Лана. – Я погружалась в ваши сны, но ничего подобного там не было. А уж вы, Арант, темнее некуда. Без обид!

– Да какие уж тут обиды? – он усмехнулся. – Возможно, дело в том, что я жив.

Лана задумалась и заметила вслух:

– А тот темный погиб, сражаясь. Думаете, демоническая энергия наполняет его посмертие, потому что он ушел из жизни, призывая ее?

Арант пожал плечами.

– Никогда не слышал про такое, – признал он. – Но не исключено, ведь мы по-прежнему так мало знаем о субреальности и о том, куда могут проникать стихийные сноходцы: за всю историю вас было слишком мало. Я даже не исключаю, что таким образом формируется отдельное пространство в области нижнего уровня, изолированное темным потоком. Эдакий... особый уровень для темных.

Они смотрели друг другу в глаза через все внушительное пространство холла, и от этих напряженных взглядов оно словно электризовалось. Оба понимали, что это может значить, но пока ни один не торопился озвучить.

– Что, если Рейн, отправив меня наверх с королем, все-таки попытался выбраться сам? – наконец решилась Лана. Голос ее прозвучал едва слышно. – Что, если он попытался призвать темный поток, надеясь, что тот даст ему достаточно сил?

– Тогда ты не можешь найти его, потому что не там ищешь, – кивнул Арант.

И в его глазах вновь загорелся огонек надежды, который заставил Лану улыбнуться.

– Ты не там ищешь, потому что светлая и не можешь сама попасть в эту... область, – добавил Арант.

– Даже попав туда, я была бесполезна, – призналась Лана. – Я там как муха, увязшая в янтаре.

– А мне самому не опуститься на нижний уровень и не подняться с него.

– Мы должны пойти вместе.

Арант задумчиво кивнул, продолжая смотреть на нее и явно прикидывая в уме, как именно следует предпринять такую попытку. Наконец он изрек:

– Мне придется применить темный поток в ментальном усилии, а это, как известно, запрещено законом. Легион моментально отследит нарушение. Это пахнет арестом, судом и сроком.

– Я уверена, король не даст вас в обиду, – возразила Лана. – Особенно если нам все-таки удастся разбудить Рейна. Он перед ним в долгу.

– Возможно, но если Легион ворвется сюда в процессе, они могут как минимум помешать.

– Тогда я сейчас постараюсь нас прикрыть.

Лана достала зеркало и провела по его поверхности указательным пальцем, направляя магический поток в зеркальный лабиринт и пытаясь сквозь него дотянуться до Варта. Она не сомневалась, что наставник согласится побыть их щитом от преждевременного вмешательства Легиона, но ее расчет не сработал: зеркало Варта оказалось заблокировано.

– Проклятье, – процедила Лана. – Видимо, что-то серьезное у них там случилось, раз он

недоступен.

– Ладно, – улыбнулся Арант. – Тогда нас прикрою я. По-своему.

С тех пор, как темным дали послабления и для использования их силы не требовалось заранее получать разрешение, дежурства в отделе мониторинга злоупотребления темной магией стали более напряженными. Чем строже запрет и страшнее наказание, тем меньше желающих нарушать. А стоит чуть отпустить поводок, как люди начинают ходить по лезвию ножа, то и дело оступаясь.

Обычно речь шла о мелких нарушениях: небольшом превышении уровня или месячного лимита, что каралось, преимущественно, штрафом или временным ограничением, но в этот раз вышло иначе.

Следящий артефакт полыхнул даже не красным, а темно-бордовым, почти похожим на черный с едва заметным красным отсветом. Дежурный, как раз решивший перекусить, пользуясь временным затишьем, едва не поперхнулся куском бутерброда. Быстро пропихнув толком непрожеванный кусок большим глотком чая, он провел рукой над артефактом, чертя пальцами в воздухе особый знак и создавая в воздухе полупрозрачную модель Аларии, точнее, конкретного района. Бордовым подсвечивался особняк в черте города, в престижном районе.

– Дом Марка Аранта? – удивился кто-то над ухом.

– Проклятый Ковен, все никак не успокоятся, – проворчал пожилой страж, из тех, что начали службу в Легионе еще тогда, когда темная магия находилась под тотальным запретом, а Темный Ковен считался преступным сообществом. – Все им мало!

– Туда надо боевиков брать, стражам они не дадутся, – сказал кто-то еще.

– Судя по всплеску, это единичное применение, – возразил дежурный, чей артефакт сработал. – И дело даже не в превышении уровня, применена ментальная магия.

– Все равно нужно позвать дежурный отряд, – поддакнул пожилой страж. – К темным без боевиков соваться нельзя.

– Надо уведомить Мора, – предложил еще кто-то. – Арант – птица высокого полета, накоротке с королем. Тронем его сами – потом можем иметь бледный вид.

– Мора сейчас нет, только заместитель.

– Тогда его.

Сказано – сделано. Забыв про бутерброд, дежурный страж отправился к заместителю старшего легионера столицы – Клинту Трауту.

Траут внимательно выслушал его доклад, с трудом скрывая нахлынувшее возбуждение. Арант оступился, да еще так серьезно. Если арестовать его сейчас и поднять шумиху в прессе, по репутации Сорроу, дающего послабления темным, будет нанесен заметный удар, а там и новый пакет послаблений придется отложить. И он, Траут, наверняка получит от покровителя бонус за это.

– Вызывайте боевой отряд, – велел Траут, едва не потирая руки. – А лучше сразу два. Это все-таки Ковен.

Не прошло и пяти минут, как два дежурных отряда боевиков вышли через ручной портал практически у самых дверей особняка Аранта. Траут прошел в портал последним, когда

ситуация наверняка была взята под контроль.

Впрочем, брать под контроль оказалось нечего: дом стоял почти темным, световые шары освещали лишь крыльцо и несколько внутренних помещений. Никакого оцепления из темных магов, никаких стычек, никакого движения. Только сонная вечерняя тишина.

На стук в дверь ответил молодой слуга. На его лице отразилось замешательство, когда он увидел количество незваных гостей в синей форме Легиона, но он без вопросов посторонился, пропуская их в огромный затемненный холл.

Навстречу из дверей гостиной вышла рыжеволосая женщина лет тридцати: красивая, но нездорово бледная. Траут смерил ее оценивающим взглядом и пришел к выводу, что она ничего из себя не представляет. С политической точки зрения.

– Добрый вечер, господа, – поздоровалась женщина чуть дрогнувшим голосом. – Чем могу вам помочь?

Ведет себя словно хозяйка дома, мысленно отметил Траут. Должно быть, любовница Аранта.

– Вы можете, во-первых, назвать себя, а во-вторых, сказать нам, где хозяин. Мы получили сигнал о неправомерном использовании темного потока здесь. Если в доме есть другие темные маги, мы также хотели бы увидеть их, чтобы проверить, к кому приведет след.

– Меня зовут Марта Бренон, – сообщила женщина, тревожно оглядываясь на широкую лестницу, ведущую на второй этаж. – И господин Арант действительно использует сейчас темный поток, но тут какая-то ошибка. Его применение санкционировано.

– У нас нет об этом никакой информации, – хмыкнул Траут, оценив ее попытку. – Кем оно санкционировано?

– Его величеством Нордом Сорроу, – без паузы и запинки ответила Бренон.

Траут переменялся в лице и непроизвольно сглотнул. Упоминание имени короля стало для него неожиданностью. Если это блеф, то очень смелый.

– Если вы лжете, то это само по себе преступление, – заметил он, сверля Бренон взглядом. – Легиону ничего неизвестно о такой санкции.

– Я не знаю, почему так произошло, – развела руками та. – Возможно, вам стоит уточнить в королевской канцелярии?

Траут хищно улыбнулся.

– А может быть, вы просто тянете время? Если у вас нет при себе какой-либо бумаги, подтверждающей санкцию короля, мы вынуждены прервать, что бы там господин Арант ни делал, и произвести арест. У вас есть что-то похожее? Хотя бы письмо с королевской печатью?

Бренон тяжело сглотнула, быстро посмотрела сначала на часы, потом оглянулась на приоткрытую дверь гостиной, из которой появилась, и уже не так уверенно пробормотала:

– Я... не знаю... я поищу?

Ничего у нее нет, понял Траут и, улыбнувшись шире, покачал головой.

– Не думаю, что стоит. Нет у вас никакого подтверждения, вы просто зачем-то тянете время...

– Письма у нее действительно нет, – перебил его мужчина, внезапно появившийся на пороге гостиной, – но, надеюсь, вас устроит мое устное подтверждение, господин Траут.

Десяток боевиков за его спиной очень синхронно и очень удивленно втянули воздух, узнав в приближающемся мужчине монарха.

Тот едва заметно улыбался и выглядел более, чем доброжелательно, но у Траута все равно мороз пробежал по коже, как будто он опасался, что Сорроу по глазам прочитает, ради чего он здесь.

– Ваше величество? – зачем-то уточнил он, потупив взгляд. – Да, конечно, просто... Мы ничего не знали.

– Я приношу свои извинения Легиону за ложную тревогу, – улыбнулся король. – Все произошло немного спонтанно, я отправил сообщение Мору с просьбой выписать соответствующее разрешение...

– Его нет на месте, – признал Траут. – Сегодня я за него.

– О, вот поэтому и случилась накладка, – Сорроу развел руками. – Но полагаю, теперь инцидент исчерпан?

Траут заверил его, что это, несомненно, так.

Марта молча наблюдала за тем, как одиннадцать растерянных легионеров покидают дом Аранта, и только когда за последним закрылась дверь, позволила себе шумно выдохнуть и повернуться к Сорроу.

– Спасибо, ваше величество! Вы очень вовремя пришли.

– Хорошо, что мне успели доставить послание Аранта, – заметил тот. – Я открыл портал в ту же секунду, как дочитал его. Но вообще-то он мог бы не рисковать, а сначала все же связаться со мной и получить официальное разрешение. Я бы сразу распорядился, и Легион вас не тревожил бы.

– Надеюсь, вы простите нам этот сумбур. Лана и Марк... Они слишком давно пытаются вытащить Рейна. Когда появилась эта возможность... тяжело было медлить.

– Я понимаю, – кивнул король, пытливо посмотрев на лестницу, ведущую на второй этаж. – Надеюсь, все будет не зря и у них получится. Я ведь действительно должен этому парню.

– Поскольку меня назначили временной хозяйкой дома, могу я что-нибудь предложить вашему величеству? – слегка волнуясь, поинтересовалась Марта, точно не зная, как себя вести с ним.

– Да нет, я предпочту вернуться к жене и детям. Но пусть Арант отправит мне сообщение и расскажет о результате их попытки. Независимо от исхода. И да... – он лукаво улыбнулся. – Этому дому очень пошла бы такая хозяйка, как вы, Марта.

Она почувствовала, как теплеют щеки, и понадеялась, что не слишком заметно покраснела.

Сорроу вернулся в королевскую резиденцию, а Марта осталась ждать в гостиной, то и дело поглядывая на часы. Ей, не спрашивая, подали чай с крошечными канапе, но она лишь сделала несколько глотков горячей жидкости, на еду от волнения даже смотреть не могла.

Арант вошел в гостиную добрых полтора часа спустя. Слегка помятый после лежания в постели прямо в одежде и заметно обессиленный, – погружение на нижний уровень и вторжение в неизведанную область далось ему нелегко, – но счастливый. Это Марта поняла сразу, едва заглянула ему в глаза.

Получилось! Они это сделали... После стольких месяцев Рейн вернулся.

Арант ничего не сказал, да этого и не требовалось. Он только сделал шаг ей навстречу. Остальное расстояние Марта преодолела сама, порывисто обнимая его вопреки всем своим внутренним установкам.

Он прижал ее к себе, зарываясь пальцами в копну рыжих волос, утыкаясь носом в ее висок, вдыхая едва ощутимый запах духов... И по-прежнему не произнося ни слова, чтобы не спугнуть.

А этажом выше едва очнувшийся Рейн Братт выполнял обещание, данное Лане много месяцев назад.

«Как только проснемся, первым делом поцелую тебя, обещаю...»

Вот уже почти неделю Лана отчаянно боялась засыпать. Каждый раз, когда ее голова касалась подушки, она тревожилась, что утром проснется и окажется, что спасение Братта, его пробуждение ей только приснились. Это будет не в первый раз: все эти месяцы она регулярно видела во сне то как забирает его из субреальности вместе с королем, то как находит его там позже. Каждое такое пробуждение и осознание горькой истины немножко убивали ее, заставляя слезы наворачиваться на глаза.

Но время шло, день сменял день, а все оставалось по-прежнему. И теперь каждое утро на ее губах расцветала улыбка.

Братт пока оставался в доме Аранта. Потребовалось три дня и много восстанавливающих снадобий, чтобы поставить его на ноги. За время своего долгого сна он заметно потерял в весе, и теперь большая часть одежды была ему свободна. Но это было поправимо: много хорошей еды и физической активности – и он восстановится полностью.

Лану смущало другое: Братт по-прежнему оставался очень далеким. Когда очнулся, совершенно дезориентированный, он спросил, как долго спал. Она не стала ему врать, в этом не было смысла, все равно он быстро узнает, что из его жизни выпало несколько месяцев. Но Братт, услышав дату, облегченно выдохнул и признался:

– Мне казалось, что прошло гораздо больше времени... Целая вечность.

И Лана его понимала: на уровне темных она пробыла совсем недолго, но даже это короткое время показалось ей бесконечно долгим.

Арант сказал, что Братт со временем отойдет. Ощущение реальности вернется к нему, а все, что произошло на нижнем уровне, забудется как страшный сон, и Лане очень хотелось в это верить. Умом она понимала, что слишком торопится: недели недостаточно, чтобы подобное забылось, но сердце ее было не на месте. Оно было не на месте каждый раз, когда Лане удавалось подсмотреть за Браттом, когда тот считал, что его никто не видит.

Она наблюдала, как он застывает перед зеркалом, глядя на свое отражение, всматривается в заострившиеся черты лица, как будто не узнает их. Видела, как стекленеет его взгляд каждый раз, когда Братт остается наедине с собой, как будто мысленно он снова проваливается туда, откуда с таким трудом выбрался. И каждый раз, когда она становилась свидетельницей таких моментов, сердце ее болезненно ныло в дурном предчувствии.

Спрашивать его, как он и что с ним происходит, не имело смысла: Братт только улыбался и беспечно отмахивался, мол, все в порядке. Лана подозревала, что в субреальности сна он будет более откровенен, но не торопилась прибегать к этому способу, даже старалась не провалиться в его сон случайно, как уже бывало. То ли боялась услышать правду, то ли просто не хотела принуждать, ждала, когда он сам созреет для откровенного разговора.

А пока просто навещала его каждый день, нарочито бодро рассказывая все подряд новости, выводила на прогулки по улицам Аллarii и в пустынные парки: конец затянувшейся зимы мало кого вдохновлял на бесцельное топтание узких дорожек. Братт никогда не отказывался от ее компании, всегда внимательно слушал и даже задавал вопросы об общих знакомых, но постоянно держал дистанцию. Даже предлагая ей локоть во время прогулки, оставался болезненно далеко. Не считая поцелуя в вечер пробуждения, он ни разу не прикоснулся к ней как мужчина, а не просто знакомый.

Лана, чувствуя вину за то, что оставила его в субреальности, не давила и ничего не требовала.

Неделю спустя в дом Аранта пришло приглашение из королевской резиденции. Его и хотелось бы назвать неожиданным, но все так или иначе понимали, что этот день настанет: оставались формальные вопросы, которые требовали решения, ведь Братт находился в мире магов незаконно и под чужим именем. Лана полагала, что король просто даст Легиону распоряжения на этот счет: помилует когда-то напортачившего Марека Кролла и разрешит ему остаться. Но Сорроу, дав Братту время прийти в себя, пригласил на личную встречу.

Лана предложила сопровождать его, и он не стал отказываться.

В означенный день и час в дом Аранта явились legionеры в особой форме: личная охрана его величества. Возражать против присутствия Ланы никто не стал. Они открыли ручной портал, который привел небольшую группу все к той же неприметной калитке в заборе, через которую Лану в свое время вели на «королевский суд». Видимо, это была стандартная практика для полуофициальных визитов.

Как и в прошлый раз, по коридорам дворца их провожали четверо. Братт, оказавшись здесь, заметно занервничал, и Лана ободряюще сжала его ладонь, не совсем понимая причин волнения. Король умел быть благодарным, это она уже усвоила. А Братту он теперь был обязан жизнью, что наверняка стирало все его прежние проступки.

Ей просто не пришло в голову, что Братт может нервничать, потому что когда-то и сам жил в этой резиденции с родителями. Когда его отец был канцлером. Когда канцлером был ее отец, они жили в другом месте.

– Лана? – Оклик заставил ее притормозить и оглянуться.

Братт, руку которого она рассеянно выпустила, тоже остановился, и их сопровождающие были вынуждены сделать то же самое.

– Варт? – Лана удивленно улыбнулась приближающемуся к ней наставнику. – Какими судьбами?

Он дернул плечом и пробормотал что-то о государственной необходимости, но она ничего не поняла: не знала, что следователей могут вызывать во дворец. Варт с интересом посмотрел на Братта, а потом перевел вопросительный взгляд на Лану, и та спохватилась:

– Варт, это Рейн Братт, мой... ну, теперь уже друг, а раньше был моим куратором и преподавателем в СКА. Рейн, это Эрик Варт, следователь Легиона и мой наставник.

– Рейн Братт? – хмыкнул Варт, вежливо протягивая руку. – Полагаю, ваше настоящее имя – Марек Кролл. Наслышан о вас.

– Правда? – холодно отозвался Рейн, сжимая протянутую ладонь нарочито сильно, насколько сейчас мог. – А я о вас совсем ничего не знаю.

– Я рассказывала тебе, – заметила Лана нервно.

Она действительно в разговорах с Браттом никак не акцентировала внимание на наставнике, лишь раз упомянула, что он у нее есть. И теперь Лана сама не понимала, почему так.

– Полагаю, на вас сейчас свалилось много новой информации, – вежливо улыбнулся Варт. – Трудно сразу все охватить.

– Да, пожалуй, – согласился Братт, едва заметно хмурясь.

– Нас... То есть, Рейна ждет король, – поторопилась вклиниться Лана, чтобы поскорее закончить эту неловкую сцену.

– Не будем заставлять его величество ждать долго, – кивнул Варт, уловив намек. –

Увидимся на работе, Лана.

Он махнул ей рукой, еще раз кивнул Братту и стремительно развернувшись, пошел прочь по коридору, по которому они только что пришли.

– Идем, – позвала Лана и потянула Братта в противоположную сторону. – А то опоздаем.

Однако тот еще пару секунд смотрел вслед удаляющемуся легионеру и только потом позволил повести себя дальше.

Его величество Норд Сорроу ждал Рейна Братта, которого в свое время знал под именем Марека Кролла, в рабочем кабинете. Лану внутрь не пустили, поэтому Братт вошел к нему один.

Сорроу встретил его, сидя за рабочим столом, перед которым стояло кресло для посетителя: в прежние времена на аудиенциях у короля садиться было не принято, но теперь монарх придерживался более демократичных взглядов.

Однако Братт остановился в двух шагах от приготовленного ему кресла и остался стоять даже тогда, когда Сорроу предложил ему сесть. Король только удивленно вскинул бровь.

– Столько лет прошло, а ты все еще предпочитаешь играть по своим правилам? – улыбнулся он.

Братт равнодушно пожал плечами и промолчал, но Сорроу и так все понял.

– Злишься на меня за казнь твоего отца, я полагаю. Понимаю. И тоже до сих пор злюсь на некоторые твои поступки. Чтобы между нами не оставалось недомолвок: переступи ты тогда с Таней черту, никогда не получил бы моего прощения, даже если бы спас мне жизнь несколько раз.

Получив напоминание о нападении на Таню во время их совместной учебы в Орте, Братт не выдержал взгляда короля и опустил глаза.

Сорроу вздохнул и неожиданно поднялся с места сам, все-таки оказавшись с Браттом на равных.

– Но ты не переступил, – добавил он уже более мягким тоном. – А потому я считаю себя в долгу перед тобой. И перед Ланой. Но с ней я уже рассчитался, как мог. А ты... Я не могу вернуть тебе отца. И не мог тогда оставить его в живых. Моя семья всегда была бы под угрозой. Древние боги свидетели, не хотел я доводить до такого, но он не оставил мне выбора. Все, что я могу предложить тебе, – это официальное помилование и разрешение остаться с нашей стороны Занавеси. Ты также волен выбрать то имя и то лицо, которые тебе больше нравятся.

– Я хотел бы остаться Рейном Браттом, но вернуть свою внешность. Постоянно поддерживать иллюзию – весьма утомительно.

– Ты мне-то не рассказывай, – хмыкнул Сорроу, который провел под куда более серьезной иллюзией тринадцать лет. – Я прекрасно понимаю твой выбор. Если есть что-то еще, что я могу для тебя сделать, говори.

Братт задумался ненадолго и качнул головой.

– Мне ничего от вас не нужно. Я просто хочу вернуть свою жизнь... Ту, что у меня была до всей этой истории.

Сорроу снова понимающе кивнул и заверил:

– Этому я точно не собираюсь препятствовать. Если это все...

– Вообще-то есть кое-что еще, – признался Братт, сверля короля тем стекленеющим взглядом, который так пугал Лану. – Я кое-кого встретил там... на уровне темных, как это называли Лана и Арант. И этот человек просил передать вам кое-что. Позвольте процитировать дословно?

– Очень меня обяжешь, если скажешь без купюр, – кивнул Сорроу, настороженно хмурясь. Признание Братта явно застало его врасплох.

– Ты будешь низвергнут и сгоришь в проклятом пламени, а вместе с тобой вся твоя семья, когда наследник Гордона Геллерта все же взойдет на престол, – без запинки выпалил Братт.

В кабинете повисла колючая тишина. Король молчал, глядя на гостя непроницаемым взглядом. Слова то ли напугали его, то ли разозлили: понять было невозможно. Братт смотрел на него также спокойно, как будто совсем не боялся возможных последствий.

– Гордон Геллерт был светлым, а значит, не может находиться на уровне темных, – наконец произнес Сорроу. – Кто просил это передать?

– Геллерт Ротт. Настоящий отец вашего старшего сына, которого вы убили, как и моего.

Норд Сорроу никогда не хотел править страной. Он не хотел этого пять столетий назад, когда был принцем, вторым в очереди на престол. Он не хотел этого тогда, когда создал Первую Республику с выборной властью. Не хотел, когда судьба забросила его в будущее, где он долгое время жил под чужим именем и прятал истинное лицо под иллюзией. И даже десять лет назад, когда под влиянием момента, удрученный политической ситуацией в мире за Занавесью, объявил о возрождении монархии, он тоже не хотел править.

Не хотел, но стал. То, за что другие дрались до крови, за чем шли по головам и трупам, выгрызали зубами, он воспринимал как бремя. Утомительное и калечащее.

Пять столетий назад он был вынужден взойти на престол еще мальчишкой, свергнуть регента и править самостоятельно: это был вопрос торжества справедливости и его собственного выживания. Взрослеть пришлось стремительно, но еще долгие годы он оставался испуганным мальчишкой, в одно мгновение потерявшим всю семью. Страх стал причиной довольно жесткого, порой до откровенной жестокости, поведения, которого, по-настоящему повзрослев, Сорроу втайне стыдился. Снова став королем, он твердил себе, что больше не позволит страху управлять собой.

Он казнил последнего канцлера не из страха. Этого просто требовала ситуация, требовала справедливость. По крайней мере, так Сорроу считал. Ему было свойственно сомневаться и копать в себе, но в некоторых поступках он оставался уверен даже годы спустя. Он не жалел о том, что убил на честной дуэли Геллерта Ротта. Не жалел, что казнил Дангеста Кролла. Но Сорроу всегда знал, что однажды эти решения могут ему аукнуться.

И вот время пришло.

После весьма тревожного разговора с Браттом Сорроу долго не находил себе места: не мог сосредоточиться на документах и разговорах, поэтому в конце концов отменил все другие встречи и велел секретарю перекроить его расписание с учетом того, что сегодня он

больше не намерен заниматься делами. Секретарь вздохнул, но, конечно, ни задавать вопросов, ни спорить не стал.

Отложив все дела, Сорроу отправился разыскивать Тима. У него было стойкое ощущение, что недавняя агрессия приемного сына в адрес родного как-то связана с мрачным предсказанием, которое передал ему Братт.

Тим нашелся в классной комнате, где с ним занимались наставники: оба принца были на индивидуальном обучении.

Наставник к прерванному занятию отнесся спокойно. Кажется, был даже рад сделать паузу и позволить королю поговорить с сыном. А вот Тим восторга не выказал. Когда Сорроу сел напротив него, занимая место оставившего их наедине наставника, он старательно смотрел в раскрытую перед ним тетрадь, избегая отцовского взгляда.

После странной «игры», свидетелем которой Сорроу стал, он так и не нашел времени поговорить с Тимом. Не нашел или не захотел найти – наверное, последнее было более справедливо. Тим не жаждал разговоров по душам и избегал оставаться с отцом наедине, а сам Сорроу делал вид, что слишком занят, потому что не знал, как правильно начать этот разговор.

Но теперь откладывать было уже некуда, и он не стал ходить вокруг да около.

– Я хотел поговорить с тобой о том случае, когда ты ударил Дарена во время игры. Я не собираюсь тебя ругать или наказывать, но я хочу понять, почему ты вдруг так разозлился на брата. Вы ведь всегда ладили. Он тебя обидел перед этим? Или чем-то задел?

Тим, насупившись, молчал, продолжая смотреть в тетрадь перед собой. Его руки были под столом, вероятно, сцеплены на коленях, поэтому оценить степень напряжения Сорроу не мог. Он запоздало подумал, что для подобного разговора садиться напротив, через стол, было не лучшей идеей, но менять положение не стал.

– Кто-то другой тебя обидел? Или случилось что-то, что тебя расстроило?

Тим молчал и сидел, не шевелясь. Только тяжело сглотнул, как будто проталкивая вставший в горле ком.

– Тим? – позвал Сорроу мягко, но даже это не заставило сына шелохнуться. – Ты злишься на меня? За что?

Последние вопросы попали в цель: мальчик поднял на него слегка туманящийся от слез взгляд. Тот действительно полыхнул яростью.

– А разве не за что? – хрипло уточнил он. – Ты ведь убил моего отца. Моего *настоящего* отца. И мою мать тоже. Поэтому я остался сиротой.

Он не спрашивал – утверждал, но нотки неуверенности в тоне все равно проскальзывали. Может быть, следствие затаенной надежды, что все не так.

Сорроу знал, что однажды услышит эти слова. Даже готовился к этому, но полностью подготовиться так и не успел. Он надеялся, что подробности тех событий Тим узнает много позже, когда станет старше. Уж точно не в подростковом возрасте, когда гормональный бунт способен создать трагедию на пустом месте. А не на пустом тем более. Но когда шел сюда после разговора с Браттом, Сорроу уже чувствовал, что день настал.

– Кто тебе это сказал? – как можно спокойнее, хотя внутри все перевернулось, поинтересовался он.

– Какая разница, если это правда? – уже более агрессивно выплюнул Тим. – Ты оставил меня сиротой, а потом взял в свой дом, типа ты такой добренький! Называл меня сыном – зачем? Чтобы контролировать? Или иметь возможность убить и меня тоже, когда придет

время, чтобы я, не приведи древние боги, не стал королем?!

– Если бы я хотел убить тебя, то сделал бы это десять лет назад, – очень спокойно заявил Сорроу, отчего гнев Тима задохнулся: парень явно не ожидал такого жесткого и хладнокровного ответа. – Будь я таким, как тебе рассказали, зачем бы я стал тратить время? Я не убивал твою мать, я лишь пытался остановить ее, когда она собиралась уничтожить меня. Ее обманули, натравили на меня, и именно тот человек отдал приказ убить ее. Он казнен за свои преступления. Что касается твоего отца... Он тоже пытался меня убить. И не только меня, а сразу несколько дорогих мне людей. У нас был честный поединок, я просто оказался сильнее.

Тим сжал зубы и слегка поморщился, сбитый с толку. По всей видимости, кто-то долго и старательно капал ему на мозги, это происходило уже какое-то время. Как он мог это проглядеть? *Кто* это мог быть?

– Ты лжешь и выгораживаешь себя! – наконец крикнул Тим, вскакивая с места. – Ты лицемер! Ненавижу тебя!

– Тим, давай не будем... Тим!

Парень не стал слушать: смел со стола тетрадь и книги, едва не опрокинул на Сорроу сам стол, но от этого удержался и просто выбежал из класса.

Сорроу не стал его догонять и продолжать разговор. Сын был на грани слез и точно так же не любил их показывать другим. Пусть спокойно выплачется. Его версию он услышал, пусть обдумает.

А у короля имелась более срочная задача. Вернувшись в кабинет, он вызвал к себе главу службы королевской безопасности.

– Кто-то из тех, кто имеет свободный доступ в резиденцию, рассказал моему старшему сыну о его родителях, настроил его против меня. Тим не говорит, кто это сделал, но я должен знать. Это надо выяснить как можно скорее.

Глава службы безопасности – господин Чоу, имевший весьма необычную для мира за Занавесью внешность, – только посмотрел на короля раскосыми глазами, на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Большинство из тех, кто имеет доступ во дворец, или проживает здесь, обладает неприкосновенностью, – спокойно заметил он. – Это может затормозить расследование.

Сорроу покачал головой, сверля Чоу взглядом.

– Вы меня не поняли. У нас тут зреет заговор. Неприкосновенных больше нет.

Лана не сразу поняла, что что-то не так. Сначала она чувствовала радость и облегчение от возвращения Рейна, потом переживала из-за его зыбкого положения и странного состояния после пробуждения. Когда Сорроу подтвердил, что Марек Кролл может остаться Рейном Браттом и вернуться к прежней жизни, она снова обрадовалась. И в результате только через пару дней после посещения дворца заметила, что какая-то непонятная тоска гложет ее все это время.

Потребовалось еще два или три дня, прежде чем Лана смогла разобраться в ее причинах, а осенило ее весьма неожиданно: утром в начале недели, когда, проснувшись, она не сразу нашла в себе силы встать, хотя ничего не болело и чувствовала она себя как обычно.

Просто Лана не знала, зачем вставать и что дальше делать. Учебу она бросила еще весной, в Легионе ее талант пока толком не использовали, а Братта она уже нашла и вернула. Лана так долго этого ждала, так отчаянно к этому стремилась, что полностью растворилась в своей цели. И достигнув ее, вдруг снова оказалась лишена смысла жизни. А Лана отчаянно в нем нуждалась.

Хотя официально она состояла на службе в Легионе в качестве гражданского консультанта, с тех пор, как сдала Варту все необходимые зачеты, огромное, уродливое в своей скучности здание в центре города навещала только тогда, когда ее привлекали к расследованию. Раньше ее вполне устраивало, что происходило это редко, но теперь все изменилось. И Лана, откинув в сторону одеяло, твердо решила, что изменит и свое положение в Легионе.

К формальному началу рабочего дня она, конечно, опоздала, но это едва ли можно было считать проблемой: многие приходили и уходили тогда, когда этого требовало дело.

Варт, например, судя по кружке с еще теплым чаем на краю стола, успел уже не только прийти, но и куда-то убежать. К тому моменту, как Лана устроилась за своим столом в их общем маленьком кабинете, он как раз вернулся. Стремительно влетел в кабинет, едва не споткнулся на ровном месте, увидев Лану, и почему-то с тревогой посмотрел на свой стол, на котором лежали в беспорядке какие-то папки.

Да, оставлять рабочую документацию на столе было против правил, даже если выходишь из кабинета на минутку, но все так делали. Можно подумать, Лана могла рыться в ней в его отсутствие! Стало даже немного обидно, что он так подумал.

– Лана, доброе утро! Какими судьбами?

– Так ведь я здесь работаю, – напомнила она, обезоруживающе улыбнувшись. – Вы не особо меня загружали все это время, пока я осваивала процедуры, тренировалась в снохождении и... искала Братта, но теперь я готова ко всему и в полном вашем распоряжении. – Она широко развела руки в стороны, демонстрируя эту готовность. – Так чем займемся?

Варта ее энтузиазм заметно смутил. Он нахмурился, подошел к своему столу гораздо медленнее, чем собирался, если судить по скорости появления в кабинете, и принялся складывать папки в стопки. То ли просто не зная, куда деть руки, то ли все-таки не хотел, чтобы Лана увидела какую-то из них, неосторожно брошенную в свободном доступе.

– Честно говоря, я не уверен, что в настоящий момент у нас есть подходящая задача для тебя.

– Но, Варт, не обязательно же использовать меня только в сложных случаях! – Улыбка Ланы не дрогнула, хотя сама она испытала разочарование. – Я могу помочь практически в любом расследовании.

– Проблема в том, что не во всех расследованиях тебя можно использовать, – осторожно признался наставник. – Сама понимаешь: ментальное вмешательство нарушает ряд гражданских прав. Поэтому обычно мы используем твой дар в случае убийств для проникновения в сознание того, кого уже нет. А я сейчас расследую кражу.

Лана перестала улыбаться и посмотрела на него, подозрительно прищурившись.

– Кражи – это ведь не ваш профиль, Варт. Обычно вы занимаетесь более... серьезными делами.

– Все зависит от того, что и у кого украли, – криво улыбнулся наставник, наконец закончив собирать папки и спрятав их в сейф. Лане показалось, что он едва заметно выдохнул с облегчением, когда это произошло.

Она тут же вскочила со стула и переместилась на край стола, чуть ближе к Варту, пытливо глядя на него.

– А что, у нас обворовали короля? – поинтересовалась, заговорщицки понизив голос.

Варт произвольно дернулся.

– С чего ты взяла?

– С того, что мы столкнулись в королевской резиденции. – Лана только пожала плечами, считая ответ очевидным. – И кого еще нужно было обокрасть, чтобы этим занялся следователь вроде вас?

Наставник рассмеялся, качая головой, и расслабленно опустился в кресло. От его не то испуга, не то смтения не осталось и следа.

– Лана, мне очень приятно, что ты столь высокого мнения о моей квалификации и положении в Легионе, но все гораздо прозаичнее. К сожалению, я не имею права рассказать тебе, как именно: тайна следствия, сама понимаешь. Но и взять тебя в свою группу не могу: не положено тебе погружаться в сны живых, даже если это ускорит расследование кражи.

– Да? Жаль... – заметно сникла Лана. Но быстро сдаваться она не привыкла, поэтому тут же предложила другой вариант: – А как насчет того темного, в сон которого я погружалась по вашей просьбе? Мне ведь так и не удалось выяснить, кто его убил. Кто расследует это дело теперь? Может быть, вы порекомендуете меня в их группу? Я бы попробовала погрузиться снова...

– Мне жаль, Лана, – перебил Варт, изображая сочувствующую улыбку. – Но то дело закрыто.

– Seriously? – удивилась она. – Уже нашли убийцу?

– Не было убийцы. Потому и не было второго темного следа. Парень, судя по всему, сошел с ума или что-то в этом роде. Он сражался с вымышленным соперником.

– С чего это взяли? – нахмурилась Лана. – Звучит как-то... Как отписка!

– Он погиб от собственного темного заклятия, – пояснил Варт. Улыбка окончательно исчезла с его лица. – Нелепый рикошет. Никто не видел, как кто-нибудь приходил или уходил, следящие чары, наложенные самим темным, ничего не зафиксировали: ни визитов пешком, ни открытие порталов. Все выглядит так, словно ему что-то померещилось или приснилось, и он слетел с катушек.

Лана скрестила руки на груди, нахмурившись еще сильнее.

– За ним подобное уже наблюдалось? Или он принимал какие-то наркотики?

Варт пожал плечами и равнодушно обронил:

– Не все сходят с ума долго, иногда это случается стремительно.

– Но если нет явных свидетельств...

– Лана, дело закрыто, – с нажимом повторил Варт, несколько резче, чем позволял себе обычно.

И тут же виновато улыбнулся, встал и подошел к Лане, неожиданно коснулся ее плеча, чего тоже никогда раньше не позволял себе делать.

– Мне жаль, но сейчас у нас нет для тебя работы. Отдохни. Ты несколько месяцев трудилась на износ, пусть и не на благо Легиона. Можешь позволить себе перерыв. Как только что-то будет, обещаю, я сразу тебя вызову. А сейчас иди домой.

Он вышел из кабинета, снова куда-то заторопившись. Возможно, его вызывало зеркало, но он не захотел говорить при Лане. Она прислушалась, стараясь уловить его голос за дверью, но звуковой полог, наложенный практически на каждый дверной проем в Легионе, ничего не дал ей услышать. Да и вряд ли Варт станет говорить прямо под дверью, если Лана может из нее выйти.

– Отдохни, – передразнила она наставника и состроила закрытой двери недовольную рожицу. – А если я не устала?

Лана сердито вздохнула. Она всегда сердилась, когда что-то шло не так, как она задумала, но в этот раз ее разозлило еще и отношение наставника. Эти несколько месяцев он во многом был ее поддержкой и опорой: хвалил, когда у нее с первого раза получалось сдать зачет, утешал, когда не получалось, уверял, что ее талант может оказаться очень полезен. А сейчас как будто торопился выгнать и услать подальше.

Интересно, почему?

Ее взгляд зацепился за абсолютно пустую поверхность стола Варта, потом прыгнул на сейф. Что такого он боялся ей случайно показать? Что за странную кражу расследует? И почему вдруг убийство темного, из-за которого Легион сначала так всполошился, теперь просто списали на нелепый несчастный случай?

Лана оттолкнулась от края стола и медленно дошла до сейфа, в который Варт спрятал документы, устояла на его дверцу так, словно могла увидеть содержимое сквозь нее. Может быть, она сейчас придумывает от скуки, но ей казалось, что все три вопроса связаны между собой. Лана расплела скрещенные на груди руки и коснулась дверцы сейфа, уже жалея, что не подглядела в папки на столе Варта хоть одним глазком.

Распахнувшаяся дверь заставила ее нервно подпрыгнуть на месте и отдернуть руку, однако вместо наставника на пороге показалась женщина с очень темными глазами и волосами и немного более смуглой кожей, чем у самой Ланы.

Уж лучше бы вернулся Варт.

– Индира! – Лана попыталась изобразить широкую улыбку, но и сама поняла, что получилось крайне фальшиво.

Индира Хитрик слегка прищурилась, увидев ее, и, конечно, обратила внимание на то, что Лана стоит у сейфа.

– А Варта нет, он только что вышел, – сообщила Лана, неторопливо перемещаясь к своему столу.

Индира моргнула, но не шелохнулась. Она была не очень-то разговорчива, зато умела метать убийственные взгляды. И один такой как раз атаковал Лану.

– И я, кстати, тоже ухажу, так что можешь подождать его здесь, – добавила Лана,

схватив свою сумку и бодро зашагав к двери.

У порога ей пришлось притормозить и повернуться бочком, чтобы протиснуться между дверным косяком и застывшей в проеме Индирой. Та посторонилась уже в последний момент, давая пройти.

А потом ее взгляд какое-то время жег Лане спину, пока та торопливо удалялась по коридору.

В доме Аранта Лану давно встречали как свою и выполняли любые просьбы, возводя их в ранг распоряжений. Вот и сегодня никто не стал спорить, когда она сказала, что хочет навестить Братта, но просит не докладывать ему о ее приходе. Ей только сообщили в ответ, что Братт находится в своей комнате.

Лана поднялась на второй этаж и приоткрыла дверь в нужную комнату с большой осторожностью, чтобы случайно не скрипнуть петлями. Она надеялась снова подглядеть за бывшим куратором, узнать, как он ведет себя наедине с собой сейчас.

Однако не увидела ничего интересного: Братт не стоял перед зеркалом, недоуменно разглядывая себя, и не сидел в кресле с остекленевшими глазами. Он собирал вещи.

Это очень удивило Лану, и она не стала тратить много времени на подглядывания, а вошла и поздоровалась, обнаруживая свое присутствие.

– Привет, – широко улыбнулся Братт в ответ. – Очень рад, что ты зашла. Я и сам собирался с тобой связаться и пригласить на обед.

Лана удивленно приподняла брови. Неужели? Свидание? Она уж и не чаяла дожидаться...

– Вас с Мартой, – уточнил Братт, опуская ее с небес на землю.

– О, вот как...

– Да, хотел отметить с вами мое полноценное возвращение к жизни.

Лана проследила взглядом за тем, как он засовывал в небольшой саквояж стопку рубашек. По всей видимости, саквояж был с увеличением внутреннего объема.

– Ты съезжаешь от Аранта? – поинтересовалась она, предполагая, что это и подразумевается под «полноценным возвращением к жизни».

– Возвращаюсь в свою комнату в академии, – пояснил Братт все с той же улыбкой. – И на работу. Учебный год уже скоро начнется, в СКА готовы взять меня на прежнее место. Арант очень добр ко мне, но я не могу пользоваться его гостеприимством целую вечность. Пора и честь знать.

Лана подошла к креслу, на сиденье которого стоял собираемый саквояж, и присела на его ручку.

– А мне кажется, он был бы не против, – заметила она. – Арант очень привязан к тебе, хотя я и не знаю почему.

Братт, как раз снова вернувшийся к креслу с очередной порцией мелких вещиц, замер, задумавшись.

– Я и сам не знаю. Но я ему благодарен, что бы о нем ни говорили. Если бы не он, не представляю, где бы я сейчас был. И был бы вообще... По-моему, родной отец никогда так обо мне не заботился, как он.

– Возможно, ты напоминаешь ему его собственного сына? – предположила Лана. – Он как-то обмолвился, что он есть, но его вырастил другой человек, которого он считает своим отцом. Может быть, ты стал для Аранта... своего рода заменой...

Лана осеклась, заметив на лице Братта удивление. Неужели ему Арант никогда не говорил о том, что у него есть сын?

– Я не знал об этом, – подтвердил ее догадку Братт. – Но это неплохое объяснение.

Он уже засунул все принесенные безделушки в саквояж, но не торопился отправиться за новой порцией вещей. Может быть, уже все собрал, а может быть, слова Ланы заставили его задуматься.

– Когда я был *там*, – неожиданно тихо признался Братт, – мне иногда как будто... *снилось*, что Арант и есть мой отец. Во всяком случае, он порой являлся мне в такой роли.

Лана затаила дыхание, слушая. Это был первый раз, когда Братт упомянул, что с ним происходило... *там*, на «уровне темных». Она надеялась, что он расскажет что-то еще, но Братт тряхнул головой, словно прогоняя наваждение, и снова с улыбкой посмотрел на нее.

– А как насчет тебя? Не собираешься вернуться к учебе, которую бросила?

Лана скривилась.

– Не думаю. Желание быть журналистом у меня пропало окончательно, да и начинать последний год с начала... Нет уж, я как-то свыклась с мыслью о карьере в Легионе. Правда... – она вздохнула. – Кажется, у самого Легиона другие планы на этот счет.

– В каком смысле?

Лана пожала плечами, рисуя кончиком пальца по ткани кресла замысловатые узоры и внимательно наблюдая за этим процессом.

– Кажется, в Легионе мне не очень-то доверяют. Я почти не принимала участия в расследованиях. Пока я искала тебя, меня это устраивало, а сейчас... Попыталась влиться в стройные ряды следователей, но мне указали на дверь.

Братт убрал саквояж на пол, сел на освободившееся место и накрыл руку Ланы своей, пытаясь заглянуть ей в глаза. И Лана снова затаила дыхание, потому что в другие дни он никогда сам не касался ее. По крайней мере, *так*.

Она встретила его взгляд, позволяя взять себя за руку.

– Не стоит пытаться влиться в их ряды, Лана, – неожиданно заявил Братт. – Легион не для таких, как ты. Они всегда будут косо смотреть в твою сторону и напоминать, кто ты есть. Дочь осужденного коррупционера. Они всегда будут искать подвох в твоих действиях и никогда не подпустят близко к чему-то важному. Ты никогда не станешь для них «своей».

Лана нахмурилась.

– Почему? Я не отвечаю за действия своего отца! И уже доказала, что могу быть полезной. Варт не раз мне это говорил...

– Варт? – перебил Братт. Тон его заметно похолодел. – Это тот самый, кто не упустил возможности ткнуть меня лицом в мое настоящее имя?

Он убрал руку, и Лану это задело. Как и слова о наставнике.

– Варт ни во что тебя не тыкал, – возразила она резче, чем собиралась. – Он не такой!

– Тогда зачем он напомнил мне то, что я и так знаю? В приличном обществе людей принято называть тем именем, которым их представляют или которым они представляются сами.

– Он просто... – Лана осеклась, не зная, как объяснить поведение наставника. – Просто хотел показать, что знает тебя.

– Да, и заодно знает, что я сделал, – огрызнулся Братт, стремительно поднимаясь, отворачиваясь от нее и отходя на пару шагов.

Их момент кончился, не успев начаться, что расстроило Лану еще сильнее. И как это часто бывало, почувствовав обиду, она поспешила обидеть сама:

– Ну, уж в том, что ты там сделал, Варт никак не виноват!

Братт все еще стоял к ней спиной, когда услышал это, поэтому Лана не увидела выражения его лица, но заметила, как напряглись под рубашкой мышцы, как чуть ссутулились плечи, и почувствовала то, чего никогда не чувствовала раньше: агрессивный выпад в адрес другого человека уколол прежде всего ее саму. Как будто она ткнула шпилькой не его, а себя! Это было так странно, так непривычно... Но зато моментально лишило ее желания развивать зарождающуюся ссору.

Лана тоже поднялась, тихонько приблизилась к Братту и коснулась рукой его плеча.

– Прости, я не хотела. Что бы ты там ни сделал, все в прошлом. Прощено и забыто.

– Я в этом не уверен, – глухо возразил Братт. – Стоило снять иллюзию и снова услышать в свой адрес прежнее имя, как все вернулось. Словно я проснулся после приятного сна, который успел начать считать реальностью. Теперь я всегда буду ждать встречи с очередным Вартом, который решит напомнить мне, кто я есть. Наверное, стоило попросить у короля разрешение взять новое лицо и имя. И просто исчезнуть, начать все с начала.

– Это было бы очень нечестно, – возразила Лана. – И по отношению ко мне, и по отношению к Марте. И к Аранту. Здесь немало людей, которые тебя любят...

Он повернулся так стремительно, что у Ланы едва не закружилась голова от резкого движения перед глазами. Братт, казалось, заметил это: его руки осторожно легли ей на талию, придерживая. Или просто не давая ей возможности отодвинуться? Дышать сразу стало труднее, сердце отчаянно забилося в груди, но Лана и сама не знала, чего больше в ее реакции: волнения или страха, что момент снова закончится, не успев начаться.

– Любят? – переспросил Братт тихо, глядя ей в глаза.

– А по-твоему почему я день за днем, месяц за месяцем погружалась на нижний уровень? – чуть охрипшим голосом ответила Лана. Если, конечно, можно считать ответом встречный вопрос.

– Чувство вины? – предположил Братт еще тише. – Или банальное упрямство?

Ей вновь захотелось его стукнуть: время от времени Братт рождал в ней такое желание, но Лана не успела. Он привлек ее ближе, накрыл губы своими, не давая больше ничего сказать или сделать.

Лане оставалось сделать только одно. И этот ответ у нее получился гораздо красноречивее.

Было еще довольно рано, поэтому музыка в «Сиянии» пока не оглушала, а на первом этаже хватало свободных мест. Круглая стойка, опоясывающая бар, и вовсе пустовала, всего двое одиноких гостей то ли кого-то ждали, сидя на высоких стульях, то ли просто не хотели занимать место за столиком, пропуская наедине с собой вечерний бокал вина, пива или коктейля.

На втором этаже, в зоне для особых гостей, напротив, былолюдно и шумно: столь многочисленные собрания Ковена в нынешние времена случались редко. Звуковой полог защищал от шума внизу, но не от споров, разгоревшихся здесь.

Арант слушал, находясь на своем любимом месте: чуть в стороне, у перил, откуда прекрасно просматривались бар и часть танцпола. Со стороны могло показаться, что он вообще не участвует в собрании. Пока темные братья ожесточенно спорили по поводу нового запроса, он со скучающим видом опирался на поручень и разглядывал пока еще жидкую толпу внизу. Его взгляд против воли искал рыжеволосую макушку, но сегодня Марта Бренон не почтила визитом его клуб.

Однако на самом деле Арант слушал. Слушал и слышал каждое слово, а заодно то, что оставалось произнесенным, пряталось между строк, передавалось многозначительными взглядами.

Он слышал даже то, что его более молодые и более горячие братья не понимали. Видел риски, которые для других оставались незаметны.

– Если мы согласимся на эту авантюру, мы можем нарушить баланс политических сил, – заметил Кайл Экхарт, один из его прямых заместителей, которым Арант частенько доверял решать вопросы от его имени.

Таких было всего трое, и сейчас, услышав сомнение в голосе Экхарта, Арант с удовольствием отметил про себя, что не ошибся в этом молодом, амбициозном, но необыкновенно умном темном.

– Какое нам дело до политики? – горячо возразил Адам Вайс – один из главных резонеров на большинстве собраний.

Такой же молодой и амбициозный как Экхарт, он не обладал аналогичными дальновидностью и разумностью, зато самомнение у него было до небес. И потому он заметно злился на то, что Арант приблизил именно Кайла, хотя в Ковен Адам вступил на год раньше.

– Сорроу понимает и принимает нас, – с нажимом заявил Экхарт. – При нем мы перестали быть вне закона. Он дал нам определенную степень свободы...

– Он кинул нам кость, чтобы держать в узде, – перебил Пьер Ле Съен, еще один заместитель Аранта. Из старой гвардии, один из тех, с кем Арант начинал тридцать лет назад. Вечный оппозиционер, считающий, что темные должны править миром. Лучше всего – он сам. – А вы и рады ее грызть, носитесь с ней, словно он вас облагодетельствовал.

– А разве нет? – возразила Фелиция, одна из немногих женщин, входящих в ближний круг, принимающий решения.

Она была ненамного младше Аранта и Ле Съена и растила двоих детей, которым скоро надлежало идти на учебу в университет, а потому была рада, что источники ее доходов больше не вызывают вопросов.

Это знал и понимал не только Арант: Ле Съен презрительно фыркнул. Фыркнул, но промолчал.

– Ле Съен прав, – снова взял слово Вайс. – Король нам не благодетель. Он преследует свои цели, а не заботится о нас. Он именно кидает нам кости, пока ему это выгодно, и моментально пойдет против нас, как только ветер переменится. Не вижу причин, по которым мы не можем поступать так же.

– Если все вскроется, – подал голос Виктор Коэн, – нам грозит обвинение в государственной измене. Мы подставим весь Ковен.

– Если бы Ковен всегда боялся подобного, он никогда и не образовался бы, – заявил кто-то из молодых и горячих, кого Арант по голосу не узнал. – Мы всегда стояли в стороне от власти, мы всегда нарушали законы – в этом и была сила Ковена, поэтому к нам и шли. За риски нам и платят такие деньги.

Сразу несколько человек одобрительно зашумели, из чего Арант сделал вывод, что так считают многие. Их можно понять: они молодые и голодные, дерзкие и отчаянные, у них еще нет того, чего они боялись бы потерять. Многие из них на что-то обижены и пришли в Ковен и на темную сторону силы ради самоутверждения. Когда-то и он был таким. Долгих тридцать лет назад.

Спикеры выдохлись, поэтому, когда гул одобрительных голосов стих, за спиной Аранта воцарилось напряженное молчание.

– Арант, что вы скажете? – наконец спросил Экхарт.

Арант оттолкнулся от перил, выпрямился и медленно повернулся к собранию. Скользнул острым взглядом по лицам, убедился в том, что правильно оценивал расстановку сил: она была не в пользу разумной версии. Придется давить авторитетом.

– Мы не возьмемся, – спокойно и уверенно заявил он.

Увидел, как облегченно выдохнула Фелиция, как понимающе кивнул Коэн и улыбнулся одними уголками губ Экхарт, но их реакция потонула в возмущенном ропоте других. Выругался Вайс, снова презрительно фыркнул Ле Съен. С десятков других лиц нахмурились, голоса что-то недовольно забубнили.

Арант поднял руку, заставляя их замолчать, давая понять, что еще не закончил. Ропот моментально стих.

– Дело не в лояльности к нынешнему королю или страхе перед законом. Правы те, кто говорит, что Ковен всегда стоял в стороне от закона и прежде всего действовал исходя из собственных интересов. Но дело в том, что это не в наших интересах. То, что нам предлагают, нам не по зубам. Есть двери, которые нельзя открывать, есть вещи, которые стоит похоронить на дне самого глубокого колодца и навсегда забыть об их существовании. Мы темные, потому что были достаточно смелы, чтобы связаться с демонами ради силы. Каждый из нас платит за это свою цену. Но между смелостью и глупой самонадеянностью есть разница. Первое ведет тебя вперед, невзирая на преграды, второе губит. Быстро и неотвратно. Я не глуп и не самонадеян. И рисковать нашими людьми не стану. Это не в интересах Ковена.

– Но, Арант... – попытался возразить Вайс, однако моментально был остановлен взглядом.

– Вопрос закрыт, – отрезал Арант.

Он пересек зал, опустился в свое любимое кресло и с тоской посмотрел на пустой бокал.

– Если на этом у нас сегодня все, то давайте уже позовем официантов, – улыбнулся Арант, чем вызвал противоречивую реакцию: несколько участников, включая Вайса, раздраженно развернулись и ушли, другие, напротив, расслабились и рассредоточились по столикам. У каждого имелись свои дела и проекты помельче, но зато понадежнее того, что им предлагали.

Вместе с официантами в вип-зону поднялись девицы, всегда разбавляющие их преимущественно мужское общество. Красивые и раскованные, они прошились между столиками, выбирая, к кому присоединиться. Те, что попроще, просто ждали приглашающего жеста или взгляда, другие, посмелее и понаглее, предлагали себя сами тем, кого считали наиболее выгодными спутниками.

– Они этого так не оставят, – заметил Ле Съен, перемещаясь за столик Аранта и опускаясь в кресло по правую руку от него.

– Не думаю, что они решатся на какие-то необдуманные действия, – возразил Экхарт, садясь по левую. – Побухтят и успокоятся.

Арант промолчал. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, поглядывал на девиц, и потягивал виски, позвякивая льдинками в бокале.

Одна девица была хороша. Рыжая, пышногрудая, с четко очерченным порочным ртом. От одного только взгляда на нее кровь быстрее бежала по венам, а в голове не оставалось связных мыслей, кроме вполне понятных фантазий.

Она поймала его взгляд и улыбнулась. Если очень постараться, в ней можно было разглядеть черты, напоминающие Марту Бренон, хотя девица была куда проще, доступнее и моложе. В глазах ее сверкала алчность, а не блестящий ум. Когда-то Аранту нравились такие. Их можно поманить или прогнать, они знали свое дело и, как правило, хорошо чувствовали границы дозволенного, не претендуя на важное место в его жизни.

Рыжая оказалась из смелых. Несмотря на то, что они с подругами уже выбрали себе столик, заметив взгляд Аранта, решительно встала и направилась к нему. Игнорируя Экхарта и Ле Съена, грациозно опустилась на подлокотник кресла главы Ковена. Подол и без того короткого платья при этом задрался почти до неприличия, полностью открывая идеальные, чуть загорелые, несмотря на конец зимы, бедра.

Не отводя от его глаз призывного взгляда, девица взяла из рук Аранта бокал и сделала демонстративный глоток. Чуть скривилась, показывая, что виски ей не очень нравится.

– Не хочешь угостить меня игристым? – предложила она, возвращая бокал.

Арант хотел. И еще не так давно обязательно угостил бы. А потом отвел бы рыжую в свой кабинет. Домой – нет, это слишком. По крайней мере, не сразу.

Но сейчас он качнул головой.

– Не сегодня, детка.

Она изобразила разочарование, но без фанатизма и явных «обидок». Просто грустно улыбнулась и тихо заметила:

– Тогда я буду ждать завтра.

Поднялась с подлокотника и медленно направилась обратно, призывно покачивая бедрами, чтобы Арант прочувствовал, от чего отказался.

Арант чувствовал и сам себе удивлялся. Не понимал, когда вот этого всего ему стало мало, но сделать с собой ничего не мог. Его мысли моментально обращались к другой женщине, и никакая замена не подходила.

Ле Съен и Экхарт, молча наблюдавшие за этой сценой, только переглянулись, но никак

не прокомментировали.

Зато вопрос возник у Аранта:

– А где Крофт? Почему его сегодня не было?

Его третий заместитель обычно не пропускал таких крупных собраний. На то должны были быть очень веские причины.

Экхарт только молча пожал плечами, а Ле Съен озвучил:

– Понятия не имеем, он нам не докладывал. Я его уже пару дней не видел.

– Странно, – отозвался Арант, все еще поглядывая на рыжую, а потом решительно встал. – Как появится, передайте, что я хочу его видеть. Но только не сегодня. Сегодня я домой.

Оба заместителя только кивнули, но никаких дополнительных вопросов задавать не стали.

Еще только открыв дверь своего дома, Арант сразу услышал голоса и веселый смех и против воли улыбнулся. Если бы кто-то из Ковена сейчас увидел эту улыбку, то авторитет главы в его глазах определенно пошатнулся бы. Не может страшный и великий Марк Арант так улыбаться, если он такой, как о нем говорят.

Однако улыбку эту увидел только спешащий навстречу слуга, принимая у хозяина дома пальто и перчатки. Арант уточнил у него про гостей и отдал распоряжения насчет ужина, после чего направился к дверям гостиной, но торопиться заходить не стал.

Он остановился на пороге, привалившись плечом к дверному косяку, чтобы понаблюдать за болтающей и смеющейся компанией. Рейн – мысленно Арант называл сына только так, уважая его выбор и не желая ассоциировать с фамилией «Кролл», под которой тот вырос, – сидел на диване вполоборота, в дальнем углу, положив руку на спинку и закинув ногу на ногу. Он улыбался. По-настоящему улыбался, а не этой странной холодной вежливой улыбкой, что приклеилась к его губам после пробуждения. Та улыбка наводила на Аранта ужас и тоску, а эта рождала в груди приятное теплое чувство.

И чувство это только усиливалось, когда он видел сидящую рядом с Рейном, практически в его объятиях, Лану, лучащуюся такой же улыбкой. Девушка ему нравилась: своенравная, но умная, упертая, но преданная. И что было гораздо важнее: она нравилась его сыну. Арант определенно не стал бы возражать, если бы у них все сложилось, хотя его мнение едва ли станут спрашивать, в этом он не обманывался. И сознательно оставался для Рейна просто старшим другом и покровителем. Какое теперь кому дело до их кровного родства? Только Марта и догадалась обо всем...

Арант перевел взгляд на третью гостью. Та сидела в кресле, почти спиной к нему, но он, конечно, сразу ее узнал. Сердце привычно дернулось от одного только звука ее голоса, возвращая Аранта во времена, когда он был молодым и глупым.

Впрочем, нет, тогда он был не только глупым, но еще и обиженным, обозленным, жаждущим всем чего-то показать, доказать, указать... Несколько лет его сердце выжигала обида, горечь потери и предательства, а потом он просто разучился чувствовать, как ему казалось. Значение имел только Ковен, деньги, власть, интриги. Желание подгадить Дангесту Кроллу, хотя тот сознательно ничего ему не сделал: просто взял в жены

беременную от него женщину по договоренности с ее родителями. О том, что Арант настоящий отец его ребенка, Кролл наверняка даже не знал.

И только с изгнанием Рейна – тогда еще Марека – все изменилось. Повинуясь странному инстинкту, о существовании которого Арант до того момента не знал, он нашел его в мире за Занавесью, предложил помощь, окружил заботой. И оказалось, что в выжженном сердце что-то еще теплится. Со временем этот уголек зажег новый огонь, но уже не уничтожающий, а наоборот – исцеляющий.

За эти десять лет успокоились обиды, унялось желание кому-то что-то доказывать. Может быть, Арант просто сам наконец повзрослел и перерос свои обиды. Может быть, постарел, хотя он совсем не чувствовал себя старым. А может быть, его изменило общение с сыном, его восхищение и благодарность, которые Арант чувствовал постоянно. Оказалось, что давать бывает так же приятно, как получать или забирать силой.

Потом в окружении Рейна появилась Марта и, обратив на нее внимание в первый раз, Арант сразу понял, что пропал. Это будоражило и пугало одновременно. После всех этих лет, когда женщины, не трогая его сердца, служили просто услугой телу, он растерялся как мальчишка. И до сих пор чувствовал себя растерянным.

Рейн заметил его, прерывая поток мыслей и заставляя выпрямиться и спрятать блуждающую на губах улыбку. Неловко махнул рукой в приветствии. Вслед за ним на Аранта обратили внимание и девушки: Лана приветственно улыбнулась, а Марта сначала тревожно обернулась, поймала его взгляд, смутилась и опустила глаза.

Последовал обмен дежурными любезностями, после чего Рейн пояснил, что Лана сначала помогала ему с перевозом вещей, а потом они зацепили Марту и вместе обедали.

– И уже так и не смогли расстаться, – добавил он смущенно. – Вот решили дождаться тебя вместе.

– Но нам с Ланой уже пора, – тут же засуетилась Марта, поднимаясь с кресла.

– Почему? – не поняла ее Лана.

– Думаю, теперь очередь господина Аранта провожать Рейна в самостоятельную жизнь, – заявила Марта, пытаясь что-то показать младшей сестре выражением лица и взглядом.

Лана намек не уловила, зато его уловил Арант: Марта хотела оставить его наедине с сыном в их последний вечер под одной крышей. Очевидно, она была более высокого мнения о его сентиментальности. Сам Арант не испытывал подобной потребности, ведь Рейн никуда не исчезал из его жизни, даже не уезжал из города.

– А мне кажется, мы могли бы поужинать все вместе, – предложил Арант. – Я уже распорядился накрыть на четверых.

– Я только за, – обрадовался Рейн.

– И я, – бодро поддержала его Лана.

Арант перевел вопросительный взгляд на Марту, и ему не понравилось то, что он увидел: она выглядела затравленно, словно вокруг нее захлопывается ловушка, из которой не выбраться.

– У вас другие планы на этот вечер? – с грустью подсказал он. Удерживать ее против воли ему не хотелось. Он жаждал, чтобы она сама захотела остаться.

– Да... – схватилась Марта за предложенную помощь. – У меня... м-м-м... срочные дела.

– Неужели? – удивленно нахмурилась Лана. – Ты не говорила. Что-то серьезное? Я могу

помочь?

– Нет, – отмахнулась Марта, явно не желая пугать сестру. – Ничего такого... просто... мне нужно сделать это сегодня.

– Что ж, не смею вас задерживать в таком случае. Придется ужинать втроем, – вежливо улыбнулся Арант. – Я вас провожу.

В такой малости он не смог себе отказать, хотя и заметил, что она снова испугалась. Но не проводить гостью было бы грубостью, которую и Рейн, и Лана заметили бы.

Марта попрощалась сестрой и попросила ее не задерживаться, а потом очень быстро пошла к выходу. Арант предложил остающейся парочке подождать его в столовой, а сам пошел вслед за Мартой.

Та, немного нервничая, уже стояла у дверей, ждала, когда ей подадут пальто. Слуга уже нес его, но Арант успел перехватить. Отправив лакея из холла, он сам подержал пальто, пока Марта, чуть замешкавшись, скользнула руками в рукава.

– Надеюсь, в другой раз у вас будет больше времени, – тихо предположил Арант, задерживая ладони на ее плечах. – Мне очень хотелось бы как-нибудь с вами поужинать, Марта. Можно и без второй пары.

Он отступил назад, протянул ей перчатки, но она не торопилась их забрать. Только смотрела на ладонь, на которой они лежали.

– Я не думаю, что это будет уместно, господин Арант.

– Вы уже звали меня Марком, – напомнил он. – Зачем возвращаться к этому официозу?

Она нервно закусилась нижней губой, и Арант с трудом сдержал желание коснуться ее губ большим пальцем... А лучше сразу собственными губами, но он видел, что это будет «неуместно», как она выразилась.

– Марта, неужели я вам совсем не нравлюсь? – неожиданно для самого себя прямо спросил он.

Это прозвучало как-то отчаянно и немного жалко. Зато Марта наконец подняла на него взгляд. И ему снова не понравилось то, что он там увидел: тоску и отчаяние.

– Марк, проблема как раз в том, что вы мне очень нравитесь, – также неожиданно ответила она, возмущенно удивив саму себя.

Он снова сделал шаг вперед, убивая расстояние между ними, придержал ее за локоть, когда она попыталась сделать шаг назад. А когда Марта снова опустила взгляд, коснулся пальцами ее подбородка, деликатно вынуждая поднять лицо.

– Но чем же это плохо? Ты мне нравишься, я тебе нравлюсь – по-моему, звучит как взаимность. И мы оба свободны.

– Все это так, – согласилась она, виновато улыбаясь. – Но... Марк, вы темный. Вы глава Темного Ковена!

– И что с того? – почти разозлился он, потому что нечто подобное в его жизни уже было. – Мы больше не вне закона. Уже почти десять лет знак на моем теле – это не пятно позора и не клеймо преступника.

– Моего жениха убил темный, – объяснила Марта.

– Но это же был не я... И даже не кто-то из моих людей!

– Я знаю, – кивнула она, продолжая виновато улыбаться. – Но я... не могу, понимаете? Простите...

Она высвободила локоть, впрочем, Арант и не попытался его удержать. Отрывисто попрощалась и выскочила за дверь, оставляя его в холле одного.

Когда Лана вернулась домой, а она, как сестра и просила, не стала задерживаться, хотя потребовалось огромное усилие воли, чтобы оставить Рейна так рано, она обнаружила Марту в библиотеке. Та сидела на кушетке у разожженного камина, куталась в плед, читала книгу и держала в руках бокал с вином насыщенного рубинового цвета. Удивленно приподняв бровь, Лана заметила:

– Я смотрю, со всеми своим срочными делами ты разобралась довольно быстро...

Марта подняла на нее слегка виноватый взгляд и пожала плечами, снова опуская глаза в книгу, но, скорее всего, уже совершенно не видя строчек.

Лана пересекла скромное помещение библиотеки и плюхнулась на кушетку, Марта едва успела подобрать ноги, чтобы освободить ей место.

– Эй, поговори со мной, – попросила Лана, глядя на сестру и заметно хмурясь. – Что происходит? У тебя же были прекрасные отношения с Рейном, куда что делось? Ты как будто избегаешь его с тех пор, как он очнулся.

– Я избегаю не его, – тихо отозвалась Марта, крепко сжимая в руках бокал и продолжая пялиться невидящим взглядом в книгу.

– Не его? – удивилась Лана. Секунду подумав, она уточнила: – Аранта? Чего он тебе сделал? Прикольный мужик. Нет, мне самой пару раз хотелось его придушить, но это все в прошлом. И в общем-то, оказалось, что в те разы он был прав. Он что, тебе что-то сказал неприятное? Сделал?

Марта вздохнула, отложила книгу на маленький столик у кушетки, сделала большой глоток вина и посмотрела на сестру. В глазах ее плескалось отчаяние.

– Дело не в том, что он сделал. Или не сделал... Дело в том, что я ему нравлюсь. Как женщина, понимаешь?

– Оу... – выдохнула Лана, точно не зная, как на это реагировать. – Вот дает старичок... Он что, приставал к тебе?

– Да нет, что ты, – отмахнулась Марта. – Он хорошо воспитан. По крайней мере, ведет себя как хорошо воспитанный человек.

– Это да, этого у него не отнять.

Лана пытливо всматривалась в сестру, пытаясь прочитать по выражению ее лица, в чем суть проблемы, но ей не удавалось. Марта прятала взгляд в бокале, а лицо ее оставалось бесстрастным. Оно было непривычно бледным, но совершенно невыразительным.

– Тебе неприятно его внимание? – предприняла еще одну попытку Лана.

– Да нет, почему же? – снова вздохнула Марта. – Он привлекательный мужчина. Из тех, кого возраст не портит, а кажется, только украшает. В этом и проблема. Он мне нравится. Нравится очень... сильно. С тех пор, как погиб Виктор, меня ни к кому не тянуло так, как к нему.

– Та-а-ак, – протянула Лана растерянно. – Тогда я совсем ничего не понимаю. Если вы нравитесь друг другу, то... совет да любовь.

– Лана, он глава Темного Ковена. Да, формально они больше не вне закона, но как быть с тем, что происходило двадцать лет до этого? И я уверена, происходит до сих пор, просто со всеми послаблениями для темных это стало труднее отследить и доказать. Пойми, я ведь любила легионера, среди них у меня много друзей, а их отношение к темным и к Ковену

вполне определенное. Мне сложно переступить через это. И потом... ты с Рейном. Разве не странно будет, если...

Она вдруг осеклась, по лицу ее пробежал испуг, который она тут же попыталась скрыть, но Лана успела его заметить. Непонимающе нахмурившись, она поинтересовалась:

– Не странно ли что? О чем ты? Они друзья, да, но что же тут такого странного? Люди часто сходятся через друзей, общение в одной компании.

– Да... Нет, извини, я ерунду сказала. Конечно, это вполне естественно.

Лана подозрительно сощурилась.

– Нет уж, сестренка, давай объясняй, что ты там имела в виду, когда сказала «не странно ли будет». Что странно?

Марта потерла лицо рукой, явно досадуя на себя за оговорку, но отпираться больше не стала. Снова подняла взгляд на Лану и немного грустно улыбнулась.

– Неужели ты сама не поняла? Ты же мне все и рассказала, из чего я сделала единственно возможный вывод. Арант отец Рейна.

У Ланы вырвался странный звук: то ли сдавленное восклицание, то ли слишком звонкое оханье. Она открыла рот, чтобы возразить, сказать, что такого не может быть, но не смогла произнести ни звука. Ведь действительно: ей были известны все факты, которые просто кричали об этом. Даже сам Рейн это подсознательно чувствовал, потому и видел такие странные картины в своем «сне».

– Вот же демон меня раздери, – выдохнула Лана. – Почему он ему не скажет? А ты давно знаешь?

– Поняла примерно тогда, когда ты рассказала мне, что у Аранта где-то есть сын, который вырос под именем другого мужчины. А почему не скажет?.. Сама не знаю. Думаю, боится его гнева, обиды... Может быть, еще чего-то. Ты только Рейну не говори, ладно? Будет некрасиво, если он узнает от нас.

– Да, пожалуй, – согласилась Лана. – Я не скажу.

Она замолчала, глядя на огонь в камине и размышляя обо всех свалившихся на нее откровениях, а потом снова повернулась к сестре и улыбнулась.

– И все равно мне кажется, что ничего особо странного в этом нет. Даже здорово было бы: мы бы стали одной такой большой семьей. Конечно, если дело дойдет до официальных браков, а правда откроется, то получатся довольно запутанные семейные связи, но... – Она глубоко вздохнула и широко улыбнулась. Улыбка эта лучилась счастьем. Впервые с тех пор, как они с сестрой познакомились и начали общаться. – Я так хочу, чтобы у всех нас наконец все было хорошо. У меня с Рейном, у вас с Арантом... Вместе или порознь. Все наконец наладилось. И хочется, чтобы все были счастливы.

Марта улыбнулась, невольно заражаясь энтузиазмом сестры. Она как минимум была счастлива за нее.

Проводив Лану, Рейн собирался отправиться в академию. Вещи он уже перевез, но заново обустроиться в комнате преподавательского общежития ему только предстояло. Однако торопиться было некуда, и, видимо, именно поэтому ноги принесли его обратно к дому Аранта.

Хозяин еще не собирался ложиться, он только переместился из столовой в гостиную на первом этаже, где теперь сидел в полном одиночестве, потягивая столь любимый им виски и о чем-то размышляя.

Возвращению Рейна он удивился, но и заметно обрадовался. Тот согласился составить ему компанию за выпивкой, и Арант лично смешал для него в бокале лед и виски, а потом подал, не тревожа прислугу.

– Я вернулся, потому что так и не поблагодарил тебя как следует, – признался Рейн, перекатывая в руках бокал. – За все, что ты для меня сделал.

– Пустое, – отмахнулся Арант. – Ковен всегда заботился о своих. Даже если они в какой-то момент покидали его ряды.

Рейн кивнул, почувствовав укол разочарования. Ему нравилось думать, что в заботе Аранта о нем есть нечто большее, чем обычное внимание главы Ковена к его членам. Он сам не знал, зачем ему это. Возможно, в нем говорил обиженный, недолюбленный в детстве ребенок.

– Мне показалось или у вас с Ланой все закрутилось? – улыбнулся тем временем Арант, хитро поглядывая на него поверх своего бокала. – Мне ждть нового приглашения на свадьбу?

Рейн смущенно рассмеялся и неловко пожал плечами.

– Мы пока так далеко не заглядывали. Все и так слишком быстро.

– Возможно, для тебя, – возразил Арант. – Но не для нее. Ты проспал большую часть вашего с ней романа.

– И мне надо это все наверстать сначала.

– Понимаю, но не тяни. Нерешительность не красит мужчину. И для нее это были долгие несколько месяцев, во время которых она продолжала жить и... общаться.

Рейн слегка помрачнел, вспомнив столкновение с Эриком Вартом в коридорах королевской резиденции. То, как он смотрел на Лану, как Лана смотрела на него. Пока он спал, Варт был рядом с ней. Обучал, поддерживал. В общем, делал все то, что прежде делал сам Рейн, пока был куратором Ланы в СКА.

Но Лана сказала, что любит его, а не Варта. Об этом пришлось себе напомнить, когда кровь в венах неприятно ускорилаь, закипая, вытаскивая из потаенных уголков сердца то темное, что когда-то уже едва не погубило его. После возвращения с «уровня темных» дистанцироваться от этого стало труднее, как будто поставленная Легионом печать перестала работать.

Рейн мотнул головой, прогоняя неприятные мысли и снова посмотрел на друга, наставника и покровителя.

– Кстати, о нерешительности, – улыбнулся он, стремясь переменить тему. – Не хочешь поговорить о Марте?

Вопрос прозвучал иронично, как дружеская подначка, но Арант все равно помрачнел.

– Нет, не хочу, – отрезал он. – Она не тот случай, когда решительность и настойчивость сослужат добрую службу.

– Почему?

– Потому что есть женщины, которых нужно завоевывать, поскольку именно этого они от тебя и ждут. А есть те, кого нужно просто приручить, дать почувствовать себя комфортно и уверенно рядом с тобой. Потому что любой напор с твоей стороны будет воспринят как агрессия и нападение, что заставит ее либо бежать, либо защищаться. Но ничто из этого мне

не нужно.

– Значит, с Мартой у тебя все идет по плану? – хмыкнул Рейн.

Арант улыбнулся уголками губ и пожал плечами.

– Я не загадываю так далеко, – повторил он слова Рейна, – но сегодня услышал от нее то, что меня очень обнадежило.

– Тогда что тебя тревожит? Я же видел, с каким лицом ты тут сидел, пока был один. Ты думал о чем-то... неприятном.

– Это связано с делами Ковена, – попытался отмахнуться Арант, но Рейн не дал ему так легко соскочить с темы:

– Так поделись. Пусть я больше не часть Ковена, может быть, я могу чем-то помочь?

Арант помолчал, перекатывая в бокале почти растаявшие льдинки и глядя то ли в пустоту перед собой, то ли куда-то глубоко в себя, и все-таки решил рассказать:

– Ковену поступил заказ. Очень щедрый и очень опасный. Не хочу вдаваться в подробности, чтобы в случае вопросов от Легиона тебе не пришлось врать, но если в общих чертах, то нам заказали воспроизвести один древний опасный артефакт. Где его взяли, понятия не имею, я думал, это легенда, а оказалось, что он существует. Дублировать его едва ли вообще возможно, а нам заказали не меньше двух десятков копий. За каждую из которых заказчик... естественно, анонимный, готов заплатить маленькое состояние. Учитывая политическую обстановку, я могу предположить только одно применение этого артефакта: свержение Сорроу. Или, как вариант, принуждение его к определенным действиям. Но скорее, его полное физическое уничтожение. Его и, наверняка, всей королевской семьи. Подавляющее большинство высказалось за то, чтобы взяться за заказ. Одних соблазняет вызов их мастерству, другие ослеплены стоимостью контракта. Я, конечно, заблокировал его, но не думаю, что заказчик успокоится на этом. И боюсь, что кто-то из наших может взяться наперекор мне. А хуже всего то, что даже в единственном экземпляре артефакт, если только владельцу удастся заставить его работать, сам по себе несет угрозу Сорроу. И надо бы его предупредить, но это нарушит все базовые принципы Ковена, которые я же сам и прописал на заре его создания.

Арант замолчал, и в гостиной воцарилась тишина, поскольку Рейн не знал, что на это сказать. Он понимал, что для Аранта значат правила Ковена. И само созданное им сообщество.

– Пусть Сорроу сам выпутывается, – наконец тихо произнес Рейн. – Его благополучие не твоя забота.

Арант удивленно приподнял брови.

– И это говорит человек, едва не сгинувший в недрах Хаоса ради спасения короля?

Рейн улыбнулся. Криво и печально.

– Это было под влиянием момента. Сложно отрицать, что Сорроу своими поступками производит впечатление. Он неплохой человек, нравился мне еще в Орте, когда был куратором нашего курса. Хотя и бесил порой. И да, не могу не признать, что Республика... то есть, теперь уже Королевство при нем расцвело. Но как бы там ни было, а он убил моего отца. Он может называть это казнью и правосудием, но суть от этого не меняется. Он лишил жизни человека, который мне ее дал. И простить такое невозможно.

Арант едва заметно нахмурился, но ничего на это не сказал. Только снова приложился к почти пустому бокалу.

Ложась спать, Лана не имела намерений погружаться в сон Рейна. Она думала о нем, успела начать скучать и даже хотела перед сном дотянуться до него сквозь зеркальный лабиринт, но побоялась, что может быть уже слишком поздно. Ей не хотелось тревожить его или быть слишком навязчивой, она всегда считала, что девушке излишняя демонстрация влюбленности не идет, а ее парня – расслабляет.

Не было в ее сердце и тревог, а в голове – дурных мыслей. Поэтому сон удивил ее.

Нет, то, что в нем оказался Рейн, было нормально. Лана достаточно хорошо научилась контролировать свой дар, поэтому непроизвольно в чужие сны не проваливалась, особенно, если спала на своей подушке, но Рейн – это особый случай. И не только потому, что их сны переплелись уже давным-давно. Просто она слишком много времени потратила, отыскивая его сознание на нижнем уровне. Ее собственное сознание тянулось к его бесконтрольно, по привычке.

Если бы Лана увидела Рейна в академии или на окраине той деревни у Дома Риддик, где они встретились во сне в первый раз, она бы поняла. Те сны были наполнены романтикой и взаимным желанием еще тогда, когда она толком его не знала, а он был помолвлен с другой.

Но вместо этого Лана погрузилась в тягучий мрачный кошмар. Чем-то он напоминал ее короткое присутствие на темном уровне: такие же приглушенные цвета, словно она смотрит сквозь закопченное стекло, и слишком плотный воздух, в котором трудно шевелиться. В этом сне Лана очутилась на какой-то узкой грязной улочке, которую не помнила в реальности. Если присмотреться, на стенах домов можно было заметить черный, разъедающий их грибок. Гниль. То ли это какая-то неблагополучная часть Аларии, то ли что-то в голове Рейна превращало это место в жуткие трущобы.

Лана с трудом повернулась, жадно глотая ртом воздух. Он казался спертым, пустым, совсем не насыщал легкие, словно в нем давно закончился кислород. Впереди мелькнула знакомая спина, обтянутая светлой рубашкой. Лана хотела позвать Рейна, попросить его помочь ей, но голос не послушался. Она вспомнила про брошь и уже хотела выйти, но что-то как будто остановило ее.

Почему его сон такой? Словно Рейн не вернулся с темного уровня? Сделав над собой усилие, Лана шагнула вслед за хозяином сна, который, казалось, не чувствовал ее присутствия.

Все же здесь было не совсем так, как на уровне темных. Пусть с трудом, но Лана могла двигаться и, судя по всему, скрывать свое вторжение. Значит, сон ей подчиняется. Она какое-то время шла за Рейном, пока в сюжете не появился еще один персонаж.

Лана не успела заметить, откуда он взялся. Впрочем, если это сон-воспоминание, и Рейн в реальности тоже не видел, откуда на него вышел человек, то по-другому и быть не могло.

Это был мужчина лет сорока с резкими и весьма запоминающимися чертами лица, коротко стриженной ярко-рыжей шевелюрой, в темном костюме, так напоминающем униформу членов Ковена. Он обменялся с Браттом парой фраз, после чего они вместе скользнули в неприметную дверь в стене.

Сердце Ланы тревожно забило в дурном предчувствии. Она максимально быстро, насколько ей позволяли условия сна, преодолела расстояние до дома, в котором скрылись

Рейн и неизвестный ей темный. Дверь оказалась заперта, а Лана не захотела воздействовать на сон, чтобы открыть ее: это могло ее выдать, а какой-то древний инстинкт настойчиво шептал в ухо, что выдавать себя нельзя. Поэтому она просто заглянула в окно, пытаясь рассмотреть что-нибудь сквозь мутное стекло.

Когда это ей наконец удалось, она едва не вскрикнула от испуга: темный стоял на коленях, корчась от боли, его рот кривился в беззвучном крике, вокруг него клубилось черное облако, а у дальней стены комнаты стоял Рейн, равнодушно наблюдая за происходящим.

Внезапно он словно что-то почувствовал и поднял взгляд, устремив его на окно, через которое смотрела Лана. Та в ужасе отшатнулась, попятилась назад и все-таки коснулась броши, не желая больше оставаться в этом кошмаре.

Обычный прохладный воздух наполнил легкие, помогая сознанию проясниться. Лана обнаружила, что запуталась в одеяле и сбитой простыни. Может быть, поэтому во сне ей казалось, что она почти не может шевелиться?

С трудом выпутавшись, Лана села на кровати, обхватила руками колени. Ее било крупной дрожью, сердце продолжало колотиться, почти выпрыгивая из груди. Пугающие образы все еще крутились в сознании, не желая оставлять ее. В комнате было темно, ночь наверняка еще не перевалила даже за середину. Лане хотелось зажечь световые шары, но для этого следовало успокоиться, чтобы направить магический поток. А успокоиться не получалось.

Она не знала, что только что увидела: был это кошмар Рейна, порожденный долгим пребыванием на уровне темных, или воспоминание о чем-то, что случилось в его жизни недавно, уже после возвращения. Лана лишь понимала, что еще нескоро сможет забыть взгляд, который успела поймать на долю секунды, когда Рейн посмотрел в окно.

Холодный, темный, мертвый, он не был похож на то, что она привыкла видеть в его глазах. Словно то, что посмотрело на нее во сне, не было Рейном Браттом.

Лана выросла в уверенности, что все ее желания всегда будут выполняться, а потому нерешительно топтаться на месте, гадая что да как, было ей не свойственно. Вот и в этот раз нервному блужданию по комнате и прокручиванию в голове обрывков столь напугавшего ее кошмара она предпочла действие. А действие тут могло быть только одно: выяснить, кто тот темный, с которым Рейн якобы встречался.

Пролежав без сна почти до самого рассвета, Лана определила для себя три возможных варианта объяснений увиденному. Первый: этот темный – просто собирательный образ из воспоминаний Рейна о временах работы на Ковен, и тогда сюжет сна – обычный кошмар, какими время от времени подсознание кормит любого человека. Можно сколько угодно расшифровывать его значение и искать в нем рациональные зерна, но в целом он не может вызывать тревоги.

Второй: это реальный человек, который погиб какое-то время назад и с которым Братт встретился на уровне темных, где тот тоже застрял (или задержался сознательно, боясь полного растворения в небытии). Тогда Лана, вероятно, стала свидетельницей страшного воспоминания о том, что происходило с сознанием Рейна во время его продолжительного сна. Ведь еще в момент пробуждения по его взгляду она поняла, что эти месяцы, растянувшиеся для него на целую вечность, были наполнены страданием. Сюжет сна вполне вписывается в это понимание.

Третий: человек из сна не просто реален, но и как минимум до пробуждения Рейна был жив. Тогда Лана могла подсмотреть свежее воспоминание. Что она будет делать, если проверка подтвердит этот вариант, она не знала.

Ближе к рассвету Лана задремала, поэтому встала позже, чем планировала: все еще находившаяся в отпуске Марта уже почти доела завтрак в одиночестве, когда та спустилась на кухню. Сестра, конечно, сразу заметила странное состояние Ланы, но объяснений так и не дождалась. Лана только сделала несколько глотков крепкого, обжигающего чая, чмокнула сестру в щеку и заявила, что есть не хочет и позавтракает позже, а сейчас у нее срочные дела. Марта, конечно, удивилась, но приставать с расспросами не стала.

Всего четверть часа спустя Лана нырнула в серое здание Легиона, напрочь забыв о том, что накануне родной наставник практически выгнал ее. Это, конечно, было обидно, но Лана предпочитала обижаться тогда, когда это сулило какую-то выгоду. Сейчас же, кроме Варта, никто не мог ей помочь.

Она влетела в их общий кабинет, естественно, даже не подумав постучаться, а потому резко затормозила уже по другую сторону двери, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Варт был не один: с ним в кабинете находилась Индира Хитрик. В этом не было ничего необычного: они ведь работают в одной следственной группе, но Лана не удержалась от того, чтобы поморщиться, увидев «коллегу». Вот почему всегда она? Так и крутится вокруг Варта! Лану это не трогало бы, если бы Индира при каждой встрече не прожигала ее взглядом как врага государства номер один.

А сейчас девица к тому же сидела на краешке стола, как накануне сама Лана, разговаривая с наставником. И пусть мебель в кабинете стояла таким образом, что это было самое удобное место для разговора, Лану это разозлило. В конце концов, это ее стол!

– Лана? – удивился Варт и даже почему-то бросил взгляд на часы. – Ты опять здесь? Мы

же договорились, что ты пока отдохнешь, а если ты нам понадобишься, мы тебя вызовем.

– Ну, похоже, госпожа Лерой считает, что нам очень сильно нечем заняться, поэтому мы обязательно должны ее развлекать, а то ей слишком скучно, – хмыкнула Индира, смерив Лану презрительным взглядом.

Лана состроила ей рожицу, мол, обалденная шутка, ты просто королева сарказма. Индира, все-таки оторвавшая попу от поверхности ее стола и повернувшись ко входу всем корпусом, криво усмехнулась.

– Госпожа Хитрик, – в тон ей отозвалась Лана, мило улыбаясь, – конкретно вас не смею ни отвлекать, ни задерживать. У меня срочное дело к *моему* наставнику, поэтому вынуждена прервать ваше с ним воркование. И да, развлекать *меня* время от времени – *его* прямая обязанность, одна из. Поэтому будьте так добры, покиньте *наш* кабинет.

Индира недовольно сощурилась, скрипнув зубами, и возмущенно обернулась к Варту. Тот едва успел спрятать улыбку. Подобное поведение Ланы то ли вызывало в нем отеческое умиление, то ли просто веселило обычно сдержанного следователя.

– Индира, мы потом с тобой договорим, – спокойно и серьезно ответил Варт на молчаливое возмущение коллеги. – Оставь нас пока, пожалуйста.

Было видно, что легионерша обиделась и разозлилась еще сильнее, но она ничего не сказала. Просто стремительно покинула кабинет, чеканя шаг.

Лана проводила ее взглядом и, едва дверь за Индирой закрылась, заметила:

– Если однажды будет найден мой обезображенный страшным проклятием труп, прошу в первую очередь проверить ее алиби.

Варт снова снисходительно улыбнулся и покачал головой.

– Ума не приложу, почему вы так не ладите. Каждая из вас по отдельности – милая, умная девушка, но стоит вам оказаться в одном помещении, как вы тут же начинаете шипеть и жалить, словно змеи.

Лана демонстративно пожала плечами и привычно кинула сумку на кресло за рабочим столом, а сама присела на его край, где только что восседала Индира.

– Заметьте, Варт, не я это начала и даже не я это продолжаю. Дело вообще не во мне. На моем месте могла быть любая другая девушка, оказавшаяся в вашем окружении.

Наставник нахмурился, явно не понимая, что именно она имеет в виду, и Лана выразительно закатила глаза.

– А вы еще считаетесь одним из лучших следователей Легиона! Варт, она в вас влюблена. Давно, насколько я могу судить, и, очевидно, безуспешно. Поэтому и ненавидит всех лиц женского пола, оказывающихся рядом с вами.

Его брови удивленно взлетели вверх, и он непроизвольно посмотрел на дверь, за которой скрылась подчиненная.

– Серьезно? Ты так думаешь?

– А вы что, совсем ничего не замечаете? – в свою очередь удивилась Лана.

Варт неловко пожал плечами и, словно защищаясь, объяснил:

– Я обычно на работе делом занят, а не расшифровыванием отношений коллег к моей скромной персоне.

– Ну, тогда будем считать, что я сэкономила вам время на решении этой задачки. Так что теперь вы у меня в долгу.

Она хитро подмигнула ему, и Варт снова улыбнулся.

– Что тебе нужно, Лана? Чем могу помочь?

– Ну, для начала... Не знаете, в последнее время не было еще каких-то странных происшествий с темными? Я имею в виду, кроме того парня, который так необычно самоубился.

– Каких именно – странных? – не понял Варт.

Лана пожала плечами и повторила:

– Странных. Необычных. Непонятных.

– Летальных – а Легион узнает только о летальных случаях – не было. По крайней мере, никаких других тел за последние три недели мы не находили. А что? Почему ты спрашиваешь?

Лана побарабанила пальцами по столу, размышляя, насколько откровенной стоит быть с наставником, и решила, что утаивать детали от Варта – контрпродуктивно.

– Этой ночью я была во сне Рейна... Случайно провалилась! – торопливо уточнила она, заметив осуждающий взгляд. – У наших с ним снов есть некоторая особенность: они переплетены, поэтому это не всегда возможно контролировать.

– Предположим, – сдержанно отозвался Варт. – И что же ты там увидела?

Лана пересказала ему содержание сна, не забыв уточнить, на что были похожи ощущения во время пребывания в нем. С каждым ее словом наставник хмурился все сильнее, а когда Лана закончила свой рассказ, он какое-то время молчал, переваривая его.

– Сможешь создать портрет того парня из сна? – поинтересовался Варт наконец.

Лана неуверенно кивнула. Создание моментальных портретов из воспоминаний – один из навыков, который она осваивала для работы в Легионе, но пока ей не приходилось вытаскивать из памяти образ из сна.

Варт приглашающе кивнул, давая понять, что ждет от нее этого прямо сейчас, и отступить оказалось некуда.

Лана взяла лист бумаги, положила перед собой на стол, прикрыла глаза, воскрешая в памяти лицо темного и одновременно призывая магический поток. Потом резко хлопнула раскрытой ладонью по листу и открыла глаза.

Серые линии расплзлись по поверхности листа, сплетаясь и ложась поверх друг друга. Когда Лана отняла руку, на нее смотрела довольно точная копия того лица, что ей удалось вспомнить. Она протянула портрет Варту.

Тот пару секунд сканировал его взглядом, а потом уточнил:

– Значит, ты подозреваешь, что он член Темного Ковена?

Лана кивнула и добавила:

– Или когда-то был им.

– Что ж, сейчас проверим. Идем.

Он поманил ее за собой, и Лана послушно последовала за ним по коридорам Легиона, пока Варт не привел ее в довольно большую, но тесную из-за плотно наставленных стеллажей комнату.

– Здесь хранятся дела членов Ковена, когда-либо попадавших в поле зрения Легиона, – пояснил Варт.

У входа стоял стол с огромными потрепанными книгами. Варт поочередно приложил портрет к обложке нескольких из них, накрывая сверху ладонью и применяя магию. Третья книга отозвалась на его действия, резко распахнувшись почти посередине. На открывшейся странице был изображен тот же мужчина, портрет которого создала Лана.

– Патрик Крофт, – прочитал Варт указанное рядом с портретом имя. – Пятый стеллаж,

секция Б-тринадцать.

По данной подсказке они нашли посвященную Крофту папку. Три папки, если говорить точнее. У Патрика Крофта была насыщенная жизнь.

– Судя по всему, он жив и здоров, на данный момент является одним из трех заместителей Аранта, – сообщил Варт, просмотрев самые свежие данные, имевшиеся в распоряжении Легиона.

Услышав это, Лана испытала смешанные чувства. С одной стороны, тревожило, что сбывается третья версия. С другой – если парень в порядке, то все не так страшно.

– Увы, но больше я тебе ничем помочь не смогу, – признался Варт, закрывая папку и ставя ее на место.

– А мне больше и не надо, – улыбнулась Лана. – Остальное я узнаю у Аранта.

Марка Аранта Лана по обыкновению нашла в клубе «Сияние». В первой половине дня заведение, как обычно, не работало, но охранник, уже знавший Лану в лицо, спокойно пропустил ее в здание и коротко сообщил, что хозяин у себя в рабочем кабинете. Дорогу Лана знала.

Она ожидала обнаружить Аранта за рабочим столом, закопавшимся в документы, как это было в их первую встречу здесь, но глава Ковена удивил ее. Засунув руки в карманы брюк, он стоял у окна и смотрел на что-то, что происходило на улице. Его пиджак покоился на спинке рабочего кресла, рукава черной рубашки были закатаны до локтя, а длинные волосы небрежно перехвачены черной лентой.

Лана формально постучала, но вошла, не дожидаясь ответа, и оказалось, что ее стука хозяин кабинета не услышал: так и продолжал стоять спиной ко входу и лицом к окну. Пришлось нарочито громко захлопнуть за собой дверь, только тогда Арант удивленно обернулся.

– Лана?

– Здравствуйте, – поприветствовала она, сдержанно улыбаясь и стараясь сильно не пялиться на него.

Последнее получалось плохо: после откровений Марты накануне Лана не могла не смотреть на Аранта по-новому и не думать о том, что при определенном стечении обстоятельств этот человек станет ее фактическим свекром, даже если юридически это никак не будет закреплено. Зато он знает об этом, она знает об этом, но он пока не знает, что знает она. А при другом стечении обстоятельств Арант станет ее вполне себе юридическим зятем. Так или иначе, было немного странно осознавать, что они могут породниться. Даже если Лана слишком торопила события.

– Не ожидал тебя увидеть сегодня, – признался Арант, делая шаг в сторону рабочего стола. – Что-нибудь случилось?

– М-м-м, надеюсь, что нет, – честно ответила Лана.

Арант замер и бросил на нее косой взгляд.

– Интригующее начало. Продолжение будет?

Лана не торопилась с ответом. Одно дело посвятить во все детали Варта: она знала, что тот спокойно отнесется к рассказу о странном сне Рейна. Арант же наверняка будет

взволнован ситуацией, а ей не хотелось тревожить его раньше времени.

– Арант, а можно я задам вам простой вопрос, вы на него ответите, но не будете спрашивать, откуда он у меня взялся?

Глава Ковена одарил ее выразительным взглядом.

– Хорошая попытка, но нет. В лучшем случае я могу сначала тебе ответить, а уже потом задать встречный вопрос.

– Ладно, – вздохнула Лана, решив, что это даст ей возможность подкорректировать свой ответ в зависимости от ответа Аранта. – Такой вариант меня тоже устраивает.

– Тогда присаживайся, – собеседник указал ей на кресло посетителя, а сам опустился в свое. – Я весь внимание.

– Патрик Крофт.

– Это вопрос? – удивился Арант.

Лана мотнула головой и уточнила:

– Что вы можете мне о нем сказать?

– А что тебя интересует?

– Вы же обещали сначала ответ, а потом встречные вопросы!

– Но я не знаю, что тебе ответить, – Арант развел руками. – Это мой заместитель в делах Ковена...

– Один из трех, это я знаю, – отмахнулась Лана.

Арант выразительно выгнул бровь, явно озадаченный ее осведомленностью. А возможно и тем, что ее в принципе интересуют подобные вещи.

– Тогда что ты хочешь знать?

– Не случилось ли с ним в последнее время что-нибудь... странное? – наконец сформулировала Лана. – Может быть, его поведение как-то изменилось или еще что-то произошло?

Теперь он взял небольшую паузу, прежде чем ответить. Немного посверлил ее взглядом, едва заметно хмурясь, и наконец изрек:

– Самое странное, что он сделал за последнее время, – это пропустил большое собрание Ковена, не предупредив. И не появился до сих пор, хотя я просил передать ему, что хочу его видеть. И если на то пошло, я ничего не слышал о нем уже дня четыре. И должен признать, это тоже странно, потому что мои заместители редко позволяют себе подобные исчезновения без предупреждений. Каждый предпочитает держать руку на пульсе.

Лана почувствовала, как по спине скользнул неприятный холодок. Перед глазами промелькнула сцена из сна, в которой вокруг темного клубилось черное облако, а тот беззвучно кричал от боли. Она с трудом сглотнула.

– А вы можете его найти сами? – осторожно поинтересовалась она. – И убедиться, что с ним все в порядке?

– Могу попробовать, – кивнул Арант. – Если ты скажешь, почему тебя интересует его судьба. Вы разве знакомы?

Лана покачала головой.

– Никогда вживую его не видела, – призналась она.

– Ты видела его во сне? – тут же догадался Арант. – Но как? Вряд ли ты спала на его подушке?

Лана отвела взгляд и пожала плечами.

– Сама не знаю, что произошло, но то, куда я провалилась этой ночью, было очень

похоже на уровень темных, с которого мы вытащили Рейна. Поэтому мне хотелось бы узнать, все ли в порядке с этим человеком. Вы узнаете?

– Да, конечно, – непривычно серьезно ответил Арант. В общении с Ланой он обычно предпочитал слегка насмешливый тон, но сейчас явно заволновался за благополучие своего заместителя. – Спасибо, что сообщила. Я ценю твое равнодушие.

Лана кивнула, стараясь не встречаться с ним взглядом, и торопливо поднялась, желая сбежать, пока у него не появились новые вопросы.

Не успела.

– А что Рейн? – прозвучало неожиданно.

Лана вздрогнула и испуганно посмотрела на Аранта. Неужели догадался?

– А что Рейн? – медленно повторила она вопрос, изменив лишь интонацию.

– Накануне во время ужина мне показалось, что ваши отношения... м-м-м... шагнули вперед, – Арант безмятежно улыбнулся, и Лана расслабилась, приняв это за обычный интерес отца к личной жизни сына.

– Возможно... Немного, – призналась она с должным смущением. – Мне кажется, он окончательно вернулся.

Арант покивал, отворачиваясь, как будто услышал не то, что хотел. Или просто услышал то, что Лана не собиралась ему говорить, и это заставило его задуматься.

– Почему вы ему не скажете? – вырвалось у Ланы.

Она, конечно, тут же прикусила язык, понимая, что Марта будет недовольна этой оговоркой, но очень уж ей хотелось подтолкнуть Аранта в нужном, по ее мнению, направлении.

– О чем? – он сделал вид, что не понял.

– О том, что он ваш сын. Мне кажется, ему было бы важно это услышать.

Арант склонил голову набок, изучающе глядя на нее. Уточнять, как она узнала, не стал. Вероятно, и так понял, что Марта проболталась. Вместо этого непривычно тихо уточнил:

– Думаешь?

Лана улыбнулась и кивнула.

– Я уверена.

– Что ж... Пожалуй, тогда я поговорю с ним, как только разберемся с этой... ситуацией.

Он снова улыбнулся уголком губ, и Лана заподозрила, что он все-таки понял, в каком именно сне Лана видела Крофта. Но по крайней мере, Арант не стал пока задавать новых вопросов.

От Аранта не было вестей чуть больше суток, но за это время ему так и не удалось ни связаться с Крофтом, ни хотя бы найти того, кто знал бы, куда он делся. О чем Арант сообщил, без приглашения заглянув домой к Лане в середине дня.

– Это очень странно, он как в измерение демонов провалился, – задумчиво произнес Арант, нервно расхаживая по их с Мартой гостиной. – Никто его не видел, никто ничего о нем не слышал. На вызовы через зеркальный лабиринт не отвечает. Я начинаю подозревать самое плохое. Поэтому, – Арант остановился и внимательно посмотрел на притихшую на диване Лану, – я хочу знать все подробности твоего сна.

Лане пришлось подчиниться, в том числе признаться, что все это она увидела во сне Рейна.

– По крайней мере, я думаю, что это был его сон, – добавила она в конце. – Всегда остается крошечная вероятность, что это был просто мой кошмар. Наши сны переплетены, и мне трудно со стопроцентной уверенностью отличать свои от его.

Арант мрачно покивал, но Лане показалось, что последнее уточнение он даже не услышал, как будто мысли его были далеко.

– А это черное облако, которое ты упомянула... Оно было похоже на существа, которые вырвались из Хаоса благодаря тому фанатику?

Лана сначала уверенно качнула головой, отрицая, но потом замерла, засомневавшись.

– Если задуматься, – призналась она, – они были такими же бесформенными и бестелесными, но больше походили на осьминога или растекшееся чернильное пятно, а не на облако. И то, что произошло с Крофтом в том сне, не было похоже на то, что я видела тогда. Тогда они... словно высасывали что-то из человека... Магический поток, как потом стало понятно.

– А теперь? – ухватился за ее слова Арант. – На что это было похоже теперь?

Лана растерянно пожала плечами и неуверенно произнесла:

– Что оно проникало внутрь. Думаете, это может быть то же самое?

– Думаю, это может быть что угодно. Мы мало знаем о Хаосе. О том, какие существа и сущности там обитают. Они не должны проникать в наш мир, не место им тут.

– Это могло произойти из-за того, что мы вытащили Рейна? – осторожно поинтересовалась Лана.

– Могло, – спокойно, даже немного равнодушно согласился Арант. – Но грань между нашим миром и Хаосом первыми продырявили не мы. Все это начал тот сумасшедший, грезивший о конце света, потом ты протащила через границу целого физического короля. Не думаю, что спасение Рейна стало здесь решающим моментом.

Лана промолчала в ответ. Может быть, Арант и прав, но Крофт пропал всего пять дней назад, именно после возвращения Рейна, а не после событий полугодовой давности. И это тревожило ее. Но недостаточно сильно, чтобы не заметить, как Арант время от времени посматривает на дверной проем и как будто прислушивается к тишине дома.

– Марты нет, – слабо улыбнулась Лана. – Ее с утра подруга пригласила на небольшой девичник, зная, что скоро начнется учебный год и ее будет трудно вытащить куда-нибудь. Так что она отправилась за город, и я надеюсь, что вернется только завтра, а сегодня развеется.

Арант одарил ее еще одним мрачным взглядом: вероятно, не думал, что Лана в курсе его отношения к Марте, а теперь почувствовал себя неловко. Если, конечно, предположить, что глава Темного Ковена в принципе способен чувствовать себя неловко. Он так ничего и не ответил на ее замечание, предпочел сделать вид, что оно его совершенно не тронуло.

– Ты пока ничего не предпринимай, – велел он вместо этого. – Старайся не проваливаться в сны Рейна и уж тем более не погружайся в них по собственной инициативе. Дай мне время выяснить, что это может быть за... сущность и чем все это грозит.

Лана кивнула, но мысленно скрестила пальцы, поскольку не предпринимать совсем ничего не могла. Ее просто разорвет от нетерпения и бездействия! И потом, Арант упомянул только сны, но прямым текстом не запретил делать что-либо наяву. Впрочем, даже если бы запретил, Лана едва ли послушалась бы.

К тому же она еще раньше пригласила Рейна на ужин, чтобы похвастаться своими приобретенными за время его сна кулинарными способностями. Что могло пойти не так на ужине?

Рейн появился на пороге ровно в оговоренное время с двумя небольшими, но очень красивыми букетами цветов, поскольку Лана не подумала предупредить его, что Марты не будет. Впрочем, его эта новость совершенно не огорчила. Напротив, в глазах моментально промелькнул огонек, который заставил Лану улыбнуться, прежде чем Рейн привлек ее к себе для вдумчивого поцелуя: в отсутствие свидетелей соблюдать приличия стало необязательно.

– У меня там запеканка остывает, – тяжело дыша, заметила Лана, все-таки прерывая поцелуй.

– Уверен, она и в холодном виде просто невероятная, – прошептал Рейн, снова потянувшись к ее губам, но Лана проворно вывернулась из его объятий и игриво погрозила пальцем, но и это не испортило гостю настроения.

Когда тарелки и бокалы наполовину опустели, Лана почувствовала, как напряжение последних двух дней отпустило. Рейн сидел напротив и выглядел точно таким, каким она его помнила. Он улыбался и шутил, и в его глазах не было и намек на ту мертвую тьму, что она видела во сне. Лане почти удалось убедить себя, что тот сон все-таки был кошмаром или каким-то очень странным преломлением реальности, поэтому она вдруг спросила:

– Ты знаешь Патрика Крофта?

Лицо Рейна в одно мгновение изменилось. Нет, оно не исказилось злобой, не подсветилось демоническим пламенем, в глазах не появилось ничего такого, но сразу стало понятно, что вопрос его насторожил. Благостность исчезла, кожа слегка побледнела, черты заострились.

– Почему ты спрашиваешь?

Лана пожалала плечами, пытаясь казаться беззаботной.

– Это один из заместителей Аранта, возможно, ты его знал, пока состоял в Ковене. Он пропал. В смысле, его уже дней пять никто не видел.

– Откуда ты знаешь? – Рейн нахмурился.

– Арант сказал.

– С чего вдруг он стал обсуждать с тобой подобное?

Лана опустила взгляд в бокал, уже жалея, что не сдержала любопытства. С каждым вопросом и ее ответом Рейн менялся, и то, что она теперь видела, ей не нравилось. Даже немного пугало.

– Просто... – она замялась, не зная, как объяснить, и в конце концов ляпнула первое,

что пришло в голову: – Арант хотел, чтобы я погрузилась в сон Крофта и попыталась выяснить, где он и что с ним.

– Вот как? – сдержанно уточнил Рейн.

Она чувствовала на себе его ставший непривычно холодным взгляд и не испытывала ни малейшего желания посмотреть на Рейна в ответ, понимая, что он сразу раскусит ее ложь.

– И как прошло погружение?

Судя по тому, как был задан вопрос, Рейн раскусил ее, не заглядывая в глаза.

Лана тяжело сглотнула, вдруг почувствовав себя совершенно беззащитной. Она попыталась напомнить себе, что ей нечего бояться. Даже если Рейн понял, что она погружалась в его сон и что-то там подсмотрела, он не причинит ей вреда. Он может обидеться или даже отругать ее за это, но ничего плохого не сделает.

Если только перед ней действительно Рейн.

Лана прикрыла глаза и раздраженно помотала головой. Откуда эта навязчивая мысль? Почему она все время приходит ей в голову?

Она заставила себя посмотреть на него. И не сдержала вздох облегчения, встретив взгляд все тех же глаз. Пусть весьма недовольный, с холодком, но ничего темного или мертвого в нем по-прежнему не было.

– Я пока не погружалась, – соврала она. – Собираюсь сделать это сегодня ночью. Вот подумала, может быть, ты расскажешь мне что-нибудь об этом человеке? Чтобы я знала, к чему готовиться.

– Мы знакомы, – кивнул Рейн, продолжая сверлить ее взглядом. – Он крутился рядом с Арантом еще тогда, когда я состоял в Ковене, все пытался приблизиться. Неприятный тип, но Арант, очевидно, что-то такое в нем разглядел. А мне он никогда не нравился.

– Давно вы виделись в последний раз? – не смогла удержаться от вопроса Лана.

Рейн улыбнулся, но выглядело это жутковато.

– Дней пять назад.

Лана резко втянула в себя воздух и непроизвольно вскочила с места, выдав свой испуг. Рейн тоже мгновенно оказался на ногах.

– В чем дело, Лана? – с вызовом поинтересовался он. – Чего ты так испугалась? Меня? Почему? Потому что залезла ко мне в голову, увидела то, что не предназначалось для твоих глаз, и сделала собственные выводы, даже не потрудившись просто спросить?

Она помотала головой, чувствуя, как горло сдавило то ли от страха, то ли от подступивших к глазам слез. Рейн уже обошел отделявший их друг от друга обеденный стол, а ей оставалось только беспомощно пятиться, пока она не прижалась спиной к стене. Рейн сделал шаг к ней, глаза его, казалось, стали темнее, но внезапно раздавшийся звонок в дверь подействовал на него как парализующее проклятие. Он остановился, замер, повернул голову в сторону холла.

– Мы ждем кого-то еще? – удивился Рейн.

– Должно быть, Марта вернулась раньше, – скороговоркой выпалила Лана, едва не бегом бросаясь к двери и мысленно благодаря судьбу за то, что сестра не особенно любит вечеринки.

Однако на пороге обнаружилась не Марта.

– Привет, Лана, – улыбнулся Эрик Варт, входя без приглашения. – Есть минутка?

Она одновременно испытала облегчение, увидев наставника, и еще большую тревогу из-за его визита. С одной стороны, Варт был настоящим легионером и в отличие от нее умел

применять боевые заклятия. Но с другой – его визит мог еще сильнее разозлить Рейна.

В последнем она не ошиблась: появившийся на пороге холла Рейн выглядел более, чем недовольным.

– О, сегодня ты не одна, – вырвалось у Варта. – Прости, не знал.

– Сегодня? – зацепился за это слово Рейн. – Значит, обычно, когда он заходит, ты одна?

Лана сверкнула глазами и недовольно скрестила руки на груди: присутствие наставника прогнало страх, а ему на смену пришло раздражение. Что за претензии? Какого демона?

– Кажется, я не вовремя, – предположил Варт, вопросительно посмотрев на Лану.

Та только отрицательно качнула головой.

– Нет, вы очень даже кстати. Думаю, Рейну уже пора.

В глазах бывшего куратора появилось что-то такое, что заставило Лану пожалеть и о своем тоне, и о сказанных словах. Мужчина, который еще минуту назад пугал ее до дрожи, вдруг исчез, на его месте снова оказался человек, к которому ее со страшной силой тянуло практически с самого дня знакомства. И во взгляде этого человека только что мелькнула болезненная вспышка. Вспыхнула – и погасла, как проблеск пламени камина, случайно отразившегося в зрачке. Лицо Рейна Братта стало бесстрастным, по губам скользнула отстраненная вежливая улыбка.

– Да, пожалуй, мне действительно стоит уйти. И, скорее всего, не стоило приходить.

Лана открыла рот, чтобы что-то возразить на это, но ничего не успела сказать: так стремительно он ушел, на ходу грубо задев ее наставника плечом.

– Что это с ним? – поинтересовался Варт, когда за Рейном закрылась дверь.

Лана обессиленно выдохнула и досадливо потерла рукой лоб. Переиграть бы все! И как Арант советовал, ничего не предпринимать, ни о чем не спрашивать... Правда, визит наставника все равно мог огорчить Рейна или даже разозлить, но все едва ли закончилось бы так.

– Хотела бы я знать, что с ним, – Лана печально улыбнулась. – В него словно демон вселился...

– С темными такое бывает, – неодобрительно хмыкнул Варт, и у Ланы не нашлось сил спорить.

– Что-то случилось? – вместо этого спросила она. – О чем вы хотели поговорить?

– О Патрике Крофте. И еще как минимум десятке членов Темного Ковена, которые таинственным образом исчезли. По крайней мере, их не удалось быстро найти.

Лана снова почувствовала холодок, который прокатился по спине, а потом обвился стальной нитью вокруг сердца.

– Откуда информация?

– Отовсюду понемногу. У кого-то из наших пропал информатор, а кому-то, наоборот, информатор шепнул, что творится неладное. Подкинули нам несколько имен, я вчера и сегодня проверял, но для нормального расследования нужны заявления, а темные не любят обращаться в Легион.

– Интересно, с чего бы это? – фыркнула Лана, за что получила в ответ укоризненный взгляд. – Ладно, проехали. Я-то чем могу помочь?

– Ты же накоротке с Арантом. Попроси его сделать официальное обращение. Он глава Ковена, он может выступить единым заявителем. И тогда Легион откроет дело, будут выделены ресурсы, люди.

Лана нахмурилась, прекрасно понимая, что с учетом всех обстоятельств Аранту едва ли

понравится эта идея. Ее она и саму смущала, учитывая вовлеченность Рейна Братта и его недавние проблемы с Легионом.

– Если не заняться этим сейчас, потом проблему будет решить труднее, – слегка надавил на нее Варт.

– Хорошо, я попробую.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он, осторожно касаясь ее плеча и скупно улыбаясь. И мягко поинтересовался: – Ты сама-то как? У тебя было такое лицо, когда ты открыла...

– Все хорошо, – заверила Лана, неожиданно для самой себя накрывая его руку своей. – Но появились вы очень вовремя.

– Может, остаться с тобой? На какое-то время?

Она качнула головой, торопливо убирая руку. Он убрал свою и понимающе кивнул.

– Тогда надеюсь увидеть тебя завтра. Вместе с Марком Арантом. В моем... нашем кабинете.

Лана пообещала, что сделает все возможное. А когда и Варт покинул ее дом, подумала, что ревность Рейна может быть не такой уж безосновательной.

Он так долго блуждал по улицам Аларии, не разбирая дороги, что сам не заметил, как заблудился в их лабиринте. Тот факт, что его куртка осталась в доме Ланы, Рейн тоже осознал не сразу. Только когда холодный зимний воздух проник под кожу, почти лишив пальцы рук чувствительности. Пришлось сосредоточиться и накинуть на себя согревающее заклятие. Оно окутало Рейна невидимым коконом теплого пледа, а необходимость поддерживать его слегка прояснила мысли.

Рейн не понимал, что с ним происходит. Что это было там, в столовой Ланы, почему его вдруг захлестнуло такой злостью? Или это был страх? Он не мог разобраться. Возможно, оба этих чувства завладели им, и одно подстегивало другое.

Патрик Крофт стал спусковым крючком. Даже сейчас, когда Рейн просто вспомнил его имя, голову пронзило болезненной вспышкой, от которой Рейн дернулся, пошатнулся и привалился спиной к ближайшей стене дома, чтобы не упасть.

Да, они встретились пять дней назад, случайно. Рейн помнил это очень отчетливо, но вот что произошло дальше? Когда он пытался вспомнить, голова начинала болеть, а сам он проваливался в странное состояние, которому не мог найти объяснение. Мир словно заволакивало темной пеленой, превращавшей его в жуткое место, полное мерзости и страдания.

Она превращала реальный мир в подобие «уровня темных», и в такие моменты Рейну казалось, что он так и не выбрался оттуда, что он все еще там, а эта жизнь ему только снится. Это просто еще одна уловка, иллюзия, обман. Сколько раз за это время ему казалось, что он вернулся? Не счесть. Но его снова и снова возвращало обратно. И пусть еще ни разу сон не длился так долго, это еще ничего не значило.

Рейн растер лицо руками, усилием воли прогоняя обрывочные воспоминания о Патрике Крофте и о том, чем закончилась их встреча. Боль слегка унялась, взгляд прояснился. Темную пелену постепенно растаскивало, как разволакивает после грозы небо. Вот-вот появятся первые проблески солнца, и злость, клокочущая в груди от мысли, что Лана

осталась дома с другим мужчиной, тоже уймется. Он ушел так быстро еще и потому, что боялся. Его могло накрыть этой темной пеленой прямо там, он атаковал бы Варта, и это закончилось бы трагедией. Рейн даже не знал, что было бы хуже: если бы он убил следователя Легиона или если бы тот убил его. Самое плохое, что в процессе могла пострадать Лана – этого он боялся больше всего.

Здесь, на тихой пустынной улице, его постепенно «отпускало». Шипение злобных голосов стихало, мысли прояснялись с каждым новым глотком холодного воздуха. Наконец Рейн почувствовал в себе силы оттолкнуться от стены.

Наверное, стоило обо все рассказать Аранту. О тревожном снах, о темной пелене, что время от времени падает на глаза. Обо всем, что он пережил и почувствовал на уровне темных, но Рейн боялся. Боялся, что если начнет говорить, не сможет остановиться. А рассказывая, рано или поздно разрыдается как ребенок от жалости к самому себе и страха перед тем, что все это вернется. Ему не хотелось терять уважение Аранта, а тому едва ли будет приятно видеть молодого протеже в таком состоянии. Поэтому Рейн держался, молчал. И пока справлялся.

В переулке рядом послышались голоса. Рейн тревожно обернулся: ему совершенно не хотелось ни с кем сталкиваться. Он уже собирался пойти в противоположном направлении, когда его слуха коснулись несколько внятных фраз, заставивших замереть на месте. И вместо того, чтобы пойти прочь, Рейн, стараясь оставаться незамеченным, пошел на звук голосов.

– Я не понимаю, как мы в принципе дошли до жизни такой? – горячился МакКензи, потрясая рыжей шевелюрой.

Он приблизился к рабочему столу короля на недозволительное расстояние, и будь в кабинете хотя бы один представитель службы королевской безопасности, его бы уже обездвигили. Однако король обычно не испытывал потребности прятаться за охрану, поскольку магически был сильнее всех членов Совета вместе взятых. А сейчас в его рабочем кабинете присутствовали всего двое: горящий праведным гневом МакКензи и нарочито спокойный, равнодушный к истерике коллеги Касич. Последний оставался на подобающем расстоянии.

Когда МакКензи уперся руками в край стола и наклонился вперед, Сорроу не выдержал: угрозы от нервного Советника он не чувствовал, но у того из-за вхождения в раж изо рта полетела слюна, а это было уже очень неприятно. Король встал и вышел из-за стола, чтобы контролировать расстояние между собой и МакКензи.

– Все мероприятия, которые проводят господин Чоу и СКБ, санкционированы лично мной и продиктованы необходимостью, – заявил он холодно, отходя к большому окну и становясь к гостям спиной, что тоже было некоторым нарушением принятого порядка. – Мы имеем дело с угрозой государственной безопасности.

– И что? – ни сдержанный тон короля, ни упоминание государственной безопасности не охладили пыл МакКензи. – Вы действительно считаете, что человек вроде меня может представлять угрозу? Трясите Касича и его оппозицию!

Он кивнул на спутника, с которым, казалось, пришел как с союзником, поэтому его слова удивили короля настолько, что он даже обернулся к посетителям.

МакКензи по-прежнему стоял у его стола, скрестив руки на груди, и оставался пунцовым от раздражения. Этот цвет лица довольно забавно сочетался с его шевелюрой, поэтому Сорроу торопливо перевел взгляд с него на Касича, чтобы не рассмеяться.

Глава оппозиции тоже не двинулся с места и стоял посреди кабинета, сцепив руки за спиной и снисходительно улыбаясь. В отличие от короля, он не считал зазорным демонстрировать, что вид и поведение коллеги его смешат.

– Вы тоже возмущены поведением моей службы безопасности? – поинтересовался у него Сорроу.

Касич мотнул головой.

– Нет, меня действия господина Чоу не удивляют и не огорчают. Уж если вы заподозрили заговор у себя под боком, то логично подумать на меня и моих соратников. Но мне нечего скрывать, а потому меня допросы и обыски не раздражают так, как господина МакКензи.

Он покосился на коллегу по Совету, а у того от очевидного намека лицо потемнело еще больше. Сорроу даже забеспокоился: как бы Советника не хватил удар прямо у него в кабинете. Пресса будет просто счастлива...

– Тогда что *вы* здесь делаете? – поинтересовался король у Касича, надеясь таким образом сменить тему. – С какой проблемой пришли?

– Да все с той же, – пожал плечами Касич. – Время идет, а вы так и не занялись вопросом о преемнике. Мне кажется, сейчас это становится даже более актуально, чем было

на заседании совета три недели назад. Если заговор действительно существует.

Сорроу недобро прищурился. Нет, в том, что Касич так открыто говорит о заговоре, нет ничего удивительного. Как и в том, что он использует его в качестве аргумента. Все вовлеченные давно поняли, почему лютует СКБ. Другое дело, что далеко не все знали суть заговора. Кроме Чоу, только сам король. И, конечно, тот, кто настраивал Тима против его приемного отца. Другие вполне могли ожидать, что заговор предполагает, например, убийство короля.

– А вам по-прежнему не терпится меня похоронить, да? – обезоруживающе улыбнувшись, уточнил Сорроу.

Касич ответил ему такой же спокойной улыбкой и пожал плечами.

– Я уже объяснял вам, что дело не в том, чего я жду или чего хочу. Меня вполне устроило бы ваше отречение от престола, возвращение Республики и проведение выборов. Но *если* злоумышленник желает завладеть престолом через ваше физическое уничтожение, то разумно подстраховаться.

– Меня не так уж просто физически уничтожить, – напомнил Сорроу.

Касич снова только пожал плечами.

– Многие чересчур уверенные в своей неприкосновенности и непобедимости люди поплатились за чрезмерную самоуверенность. Хотя бы канцлер Кролл. Но гораздо большую цену за их ошибки заплатило государство и люди, его населяющие. Мне плевать на вас и ваше благополучие, но я не хочу волнений в случае вашей смерти и грызни за престол. Поэтому я настаиваю: официально выберите преемника и регента для него. В ближайшее время.

Сорроу не успел ответить и был этому рад: иначе наверняка сказал бы что-нибудь грубое, выдал бы, что сложившаяся ситуация крайне его нервирует и удручает. А показывать слабость перед этими людьми было не лучшей идеей.

Но к счастью дверь кабинета открылась, и к ним присоединился Советник Фаррел, чьему появлению Сорроу обрадовался даже больше, чем прерыванию разговора в целом.

Он как-то сразу оценил ситуацию, бросил на МакКензи осуждающий взгляд, из-за чего тот неожиданно стушевался, и повернулся к Касичу.

– Я случайно слышал окончание вашего разговора. Мне кажется, никто из нас не должен давить на короля в этом вопросе или торопить его. Он сам примет правильное решение, как только оно станет для него очевидно. И чем меньше мы будем отвлекать его от дел, тем выше вероятность, что это произойдет скоро. А сейчас, господа, вынужден сообщить вам, что время вашей совместной аудиенции истекло. Настало мое.

Касич только хмыкнул, презрительно скривив губы, коротко, но вежливо поклонился королю и без лишних слов направился к выходу. МакКензи шагнул вслед за ним, потом опомнился, тоже изобразил вежливый и более глубокий поклон, а потом торопливо вышел.

Когда дверь за ними захлопнулась и Сорроу остался наедине с Фаррелом, он устало выдохнул и присел на подоконник, потер рукой лоб, помассировал переносицу и тихо произнес:

– Спасибо. Они меня утомили.

– Да не за что, – улыбнулся Фаррел, подходя к нему и внимательно разглядывая лицо. – Ты плохо выглядишь, Норд. Тебе нужен отдых.

– Было бы неплохо, – усмехнулся король. – Но похоже, что не в этой жизни.

– А другой не будет, Норд, – напомнил Фаррел со вздохом и присел на подоконник

рядом.

– Я знаю.

– И как мне ни противно это говорить, Касич прав. Дело даже не в том, что тебя могут убить. Нет, я не считаю, что ты это позволишь. Но эти шакалы будут кусать тебя и плести интриги, пока у них будет оставаться надежда на то, что они смогут занять твое место. Назначить преемника и регента, которому ты доверяешь, – твой единственный путь заткнуть их.

– Я это понимаю. И фигура регента у меня не вызывает вопросов, – улыбнулся король, многозначительно посмотрев на друга. – Но есть проблема с официальным наследником.

Фаррел нахмурился, задумавшись, и осторожно уточнил:

– Проблема в том, что Тим – старший, но приемный?

– Проблема в том, что Тима кто-то старательно настраивает против меня. А гнев и обида – плохие советники. И он поддается, а значит, внушаем – это тоже не лучшее качество для короля. Но Даррен... Он совсем не подходит на роль первого наследника. Он прекрасный мальчик, очень умный, чуткий, но я вижу в нем маленького себя. Бремя власти будет его тяготить так же, как и меня. Его стезя: наука, может быть, искусство. Но никак не политика. По крайней мере, сейчас это выглядит так.

– Но ему же не придется восходить на престол сейчас, – возразил Фаррел. – А потом ты можешь и изменить решение.

– Но если сейчас я назначу преемником его, то потеряю Тима, – вздохнул Сорроу. – Потеряю неотвратимо и навсегда. Он достоин быть преемником гораздо больше, чем Даррен. У него хотя бы есть задатки.

– Тогда назначь его, – пожал плечами Фаррел. – Это поможет вам сблизиться. И кто бы что ни шептал ему в ухо, этот человек потеряет над ним власть. Потому что Тим увидит, как ты на самом деле к нему относишься. Он увидит, что ты действительно воспринимаешь его наравне с родным сыном.

– Я думал об этом. Но есть здесь несколько рисков. Я не знаю, как глубоко тому человеку удалось посеять в нем сомнения и ненависть. Это во-первых. А во-вторых, как я уже сказал, Тим тоже не годится на роль главы государства. Понимаешь, наши дети, рожденные ли плоть от плоти или воспитанные нами с младенчества, не обязательно вырастают такими же, как мы. Они сами по себе. На этом погорело большинство королевских династий. Даже у самого достойного короля сын или дочь не обязательно будут идеальным вариантом для правления. Это в свое время доказал Гордон Геллерт, чей отец был прекрасным правителем. Единственной его ошибкой было то, что он слишком сильно любил сына и доверял ему, а тот свел его в могилу. Да и мой отец никогда не должен был занимать престол, столько людей могли бы прожить куда более длинную и счастливую жизнь...

– Норд, – осторожно перебил Фаррел, – ответь на вопрос. Не мне, а самому себе: ты действительно считаешь, что ни один из твоих детей не сможет стать тебе достойной заменой, или ты просто уверен, что вообще никто не сможет заменить тебя? Что только ты можешь быть королем?

Сорроу нахмурился. Слова Советника задела его за живое, неприятно царапнули сердце, заставляя вспыхнуть огонек гнева. Впрочем, ему удалось довольно быстро его загасить.

– Я не хочу, чтобы вопрос наследования власти встал между моими сыновьями, – холодно ответил король. – Кого бы я ни назвал преемником, второго это обидит, потому что

они оба вправе считать себя приоритетным наследником. А я вообще не уверен, что мне стоит передавать власть кому-то из них.

– Тогда не надо назначать кого-то из них, – примирительно заметил Советник. – Ты правильно сказал: власть может унаследовать и королева, не обязательно сажать на престол малолетнего принца.

– Но разве это кого-то успокоит? Моя жена прекрасна, она очень умная и сильная, она может быть хорошей королевой, но ее ведь сожрут. Тут Касич тоже прав. А потому ее фигура не заткнет их. Ты сам видел реакцию Совета.

– Но ведь королеве ты тоже можешь назначить условного регента.

Слова заставили Сорроу повернуться к мягко улыбающемуся Фаррелу.

– Королева совершеннолетняя, у нее не может быть регента.

– Неважно, как ты это назовешь. Регент, или первый советник, или как-то еще. Назначь ей в помощь мужчину, которому доверяешь ты, которому верит она и против которого ничего не скажет Совет. И те, кто пытаются использовать эту ситуацию, будут вынуждены заткнуться.

Выходя замуж за своего преподавателя Яна Нормана, Таня Ларина знала правду о нем. Она знала, что его настоящее имя Норд Сорроу и он когда-то был королем, и жаждала, чтобы однажды справедливость в отношении ее любимого человека восторжествовала и он вновь занял то место, для которого был рожден.

Правда, по молодости она не до конца отдавала себе отчет в том, чем это обернется для их семьи. Ян старался, очень сильно старался находить для них время, но у него не всегда получалось. И как мать, Таня предпочитала, чтобы больше отцовского внимания получили ее дети, а потому сама часто оказывалась обделена вниманием мужа. Она скучала по нему, но никогда ничего не говорила вслух, не желая вешать на него еще и бремя собственной неудовлетворенности. Лишь иногда в ее словах проскальзывали полушутливые упреки.

Но несмотря на то, что ей всегда не хватало времени, остававшегося у Яна на нее, она никогда не искала внимания других мужчин. Мужа она любила и – что еще важнее – уважала, а потому не стала бы оскорблять его ничего не значащей интрижкой на стороне. И себя саму она принижать ею не хотела.

С Серджио Карлосом, личным секретарем мужа, она сошлась исключительно на почве необходимости общаться – время от времени он планировал не только время короля, но и ее собственное, если ей предстояло появиться где-то с мужем или принять участие в каком-нибудь мероприятии от его имени. Тане нравилась его легкость в общении и юмор, но она совершенно точно не была им очарована и никогда сознательно не поощряла нездорового интереса к себе.

Поэтому сейчас, когда он сидел напротив и пожирал ее страстным взглядом, полным восхищения и мольбы ответить ему взаимностью, она чувствовала себя жертвой неуместного розыгрыша. Особенного мелодраматизма добавило ситуации то, что Серджио сдвинулся со стула, на котором сидел, и опустился на одно колено, оказавшись почти на том же уровне, что был до начала своего неожиданного признания, но выглядел теперь куда более жалко и нелепо.

Таня беззвучно открыла и закрыла рот, не зная, что сказать. И в конце концов сделала выбор в пользу нейтрального:

– Меня совершенно не вдохновляют коленопреклоненные мужчины.

– Но ведь я молю о снисхождении, – томно протянул Серджио, пытаясь взять ее за руку.

Таня успела отдернуть ее. – Таня, не губите! Я не могу без вас жить. Я просыпаюсь и засыпаю с вашим именем на губах, вы всегда в моем сердце, я весь день ищу повод вас увидеть...

– Господин Карлос, – она попыталась отрезвить его деловым тоном, поскольку ей не очень нравилось видеть мужчину на коленях у своих ног в личной гостиной. Сюда мог войти кто угодно: горничная, распорядитель, посыльный, охрана... Потом королевская резиденция утонет в сплетнях, а у их семьи проблем и так хватает.

Она как в воду глядела или сама же и сглазила: дверь за спиной секретаря уверенно распахнулась, открывая дорогу человеку, которому она меньше всего желала увидеть эту сцену – ее мужу.

Таня растерянно посмотрела на удивленно застывшего на пороге Яна. Когда он перевел на нее вопросительный взгляд, она смогла лишь пожать плечами, как бы говоря: «Сама в шоке».

Серджио открытие двери услышал и ее «игру лицом» тоже понял правильно: это было понятно по тому, как он побледнел, поднимаясь на ноги. Он не решился обернуться к королю, пока тот не подошел ближе.

– Ваше величество... А я тут... – пробормотал он, пытаясь не глядя нащупать на маленьком столике, за которым они с королевой сидели, свой пухлый ежедневник, в котором вел расписание монарха.

Что именно он тут делал, Серджио так и не смог озвучить, а король быстро потерял интерес к его то краснеющей, то бледнеющей физиономии и потому указал на дверь.

– Прочь с глаз моих.

Секретарь подавленно кивнул и едва не бегом покинул гостиную. Сорроу сел на его место и снова удивленно посмотрел на Таню.

– Что это было?

Та только еще раз пожала плечами и развела руками.

– Откуда я знаю? Это же твой секретарь. Может быть, он головой ударился? Или его прокляли?

– Или его купили, – хмыкнул Сорроу, качая головой. – Чтобы добавить мне еще один отвлекающий фактор или посеять сомнения в тебе.

Таня надулась, но было видно, что это просто шутливая маска, а не реальная обида.

– Можно подумать, он не мог на полном серьезе в меня влюбиться! – наигранно возмутилась она.

Сорроу, несмотря на усталость и скверное настроение, широко улыбнулся и заверил:

– Не влюбиться в тебя весьма проблематично. Я бы и сам в тебя влюбился, если бы не был давно влюблен. Но такие смелые притязания... Это может поставить крест на его карьере и даже свободе. Все ведь знают, что я ревнив и крайне суров.

Он попытался изобразить угрожающее выражение лица, но Таня только облегченно рассмеялась. В глубине души она опасалась, что муж может неправильно все истолковать.

– Думаешь, это все части одного плана? – уточнила она. – Твой конфликт с Тимом, внезапная влюбленность Серджио?

– Да, меня как будто подталкивают к определенным действиям, – кивнул Сорроу, по-настоящему помрачнев и посерьезнев. – Но я совсем запутался в том, кто и на что пытается меня толкнуть. Наверное, я старею, раз интриги становятся для меня слишком сложны.

– Думаю, ты просто устал и у тебя «замылился» глаз, – возразила Таня, подпирая подбородок рукой. – Может быть, я смогу тебе помочь?

– За этим я и пришел, – улыбнулся Сорроу, зеркально повторяя ее позу. – Касич старательно предлагает мне на выбор одного из сыновей, при этом я точно знаю, что кто-то настраивает против меня Тима. Это делает Касич, надеясь, что я выберу именно Тима как старшего? Или это устроили, чтобы я ни в коем случае не выбрал Тима, потому что на Даррена легче будет воздействовать? При этом Касич категорически против твоей кандидатуры, считает, что ты не сможешь удержать власть.

– Тут я с ним согласна, – покривилась Таня. – У меня нет твоей силы. И я сейчас не про серый поток.

– Да, и это тоже меня смущает: при всей моей нелюбви к Касичу, я вынужден признать, что он говорит разумные вещи. В такие моменты я думаю, что он не причастен к заговору, а просто действительно не хочет смуты. Но если не он, то кто? Остальные держатся в тени, не заговаривают напрямую о необходимости сделать выбор, не пытаются склонить меня к конкретному наследнику, не навязываются в регенты. По крайней мере, слишком явно. Разве что МакКензи и Штерн попытались намекнуть каждый, что из него получится прекрасный регент. И выбрали, естественно, разных моих сыновей. Но все это было так топорно, что едва ли кто-то из них готовит заговор.

– Тогда тот, кто все это затеял, уверен, что ты выберешь в регенты его и без попыток навязаться, – предположила Таня.

– В этом может быть уверен только один человек – Фаррел, только ему я достаточно доверяю. Но именно потому, что я ему доверяю, я не могу предположить, что это затеял он. И не могу с уверенностью сказать, что не он, потому что ты права: только он наверняка выигрывает в случае, если я назначу наследника и регента. Кстати, он предложил выбрать наследницей тебя. И просто назначить тебе главного советника, который укрепит твои позиции, если меня не станет.

– И это тоже очень разумно, – кивнула Таня, – хотя мне план не нравится.

– Мне ни один вариант не нравится, – признал Сорроу, снова помрачнев и внимательно глядя на Таню. – Потому что как только я сделаю выбор, меня убьют. По крайней мере, попытаются. И самое плохое, что может случиться: в этом покушении пострадает кто-то из вас.

Таня заметно побледнела и тяжело сглотнула.

– А если и дальше тянуть резину? – напряженно уточнила она.

Сорроу пожал плечами.

– Рано или поздно их терпение лопнет и покушение все равно будет. Но я, скорее всего, буду к нему не готов. Есть еще один вариант... Вся эта суета с наследником и регентом, с внезапным прозрением Тима насчет меня, с влюбленным в тебя секретарем – отвлекающий маневр, чтобы мне было, чем заняться. Чтобы довести меня до паранойи, до неадекватного поведения на почве ревности и страха. А тем временем происходит что-то еще, чего я не вижу, потому что смотрю не туда.

Таня нахмурилась, но не знала, что ему сказать на все это. Ситуация действительно выглядела запутанной, и у нее не получалось посмотреть на нее с нужной стороны.

Сорроу взял ее руку в свою и слегка сжал.

– Наш брак получился не совсем таким, как ты ожидала, да? – с грустью поинтересовался он.

– Я не загадывала так далеко, когда выходила за тебя, – ответила она, заставив себя улыбнуться. – Но я ни о чем не жалею. И знаю, что ты все равно справишься с этой ситуацией. Тебе нужно только немного отдохнуть и привести мысли в порядок. Но я не уверена, что смогу помочь тебе советом. Разве что... Если тебе кажется, что кто-то подталкивает тебя к решению, которое может оказаться ловушкой, а ты не знаешь, кто именно и в какой стороне ловушка, сделай то, чего никто от тебя не ожидает. Сломай им схему.

Глава 11

Лана не стала откладывать визит к Аранту, хотя к утру так и не нашла правильных слов, чтобы убедить его подать заявление, о котором просил Варт. Умом она понимала, что наставник прав: если не начать разруливать ситуацию сейчас, потом она превратится в серьезную проблему. Так всегда бывало.

Но на сердце у нее было беспокойно. Настолько беспокойно, что она полночи не могла сомкнуть глаз, все ворочалась с боку на бок, одновременно боясь провалиться в сон Рейна и отчаянно желая этого. Может быть, во сне они смогут нормально поговорить о том, что произошло за ужином, о его странной реакции и поведении? Лана безумно хотела, чтобы всему нашлось какое-то объяснение!

И в то же время она боялась, что объяснения нет. Боялась провалиться в новый жуткий кошмар, который подтвердит, что с Рейном что-то не так. В какой-то момент Лана вдруг осознала, что беззвучно плачет, думая об этом. В этой жизни Лана Лерой плакала не так много раз. Может быть, в глубоком детстве это происходило чаще, но после десяти – она могла по пальцам пересчитать случаи, которые заставляли ее разреветься. Она не проронила ни одной слезинки узнав, что мать прикарманила все деньги, что смогла, и сбежала за Занавесь, бросив ее разбираться с проблемами одну. Пожалуй, за последний год она плакала только из-за Рейна Братта.

Она так вымоталась из-за этих мыслей и переживаний, что, когда наконец уснула, спала вообще без сновидений. И утром чувствовала себя разбитой и уставшей, а не отдохнувшей. Но попытки послать все к демонам и снова уснуть, а там, глядишь, проблемы сами как-то рассосутся, привели лишь к тому, что в голове снова заворочались неприятные мысли, не дававшие спать ночью. Поэтому Лана заставила себя вылезти из кровати.

Когда она явилась в «Сияние», хозяин клуба обнаружился не в своем кабинете, а за круглой стойкой бара в дальнем конце зала. Даже до полудня было еще далеко, поэтому бармена, конечно, на месте не наблюдалось, но Арант справлялся и сам: перед ним стояла початая бутылка какого-то прозрачного крепкого алкоголя – Лана в нем не очень разбиралась, предпочитая вино, – и рядок стопок. Глава Темного Ковена наливал сразу несколько, а потом выпивал по одной.

– О, ты уже здесь? Не думал, что придешь так рано, – хмыкнул он, заметив Лану.

Выглядел он удручающе трезвым, как будто отчаянно пытался напиться, но не мог.

– А вы меня ждали? – удивилась она, садясь на соседний с ним табурет.

– Был уверен, что ты не сможешь долго сдерживать свое любопытство и придешь выяснить, что я сумел узнать насчет этого темного облака, – пояснил Арант, угрюмо разглядывая последнюю налитую стопку, но не торопясь опрокинуть ее в себя.

– Вообще-то я здесь не за этим, не думала, что вам так быстро удастся что-нибудь узнать... – Лана осеклась, еще раз посмотрела на пяток пустых стопок и резюмировала: – Но судя по всему, удалось?

Арант кивнул, но рассказывать не стал, вместо этого поинтересовался:

– Тогда зачем ты здесь? Еще что-то случилось?

– Вы будете смеяться, но меня прислал Эрик Варт, мой наставник в Легионе.

– Я вообще не вижу в этом ничего смешного, – ворчливо возразил Арант. – Что ему нужно?

– Чтобы вы подали в Легион заявление об исчезновениях членов Ковена. Арант, Патрик Крофт не единственный, кто пропал. Их гораздо больше...

– Я знаю, – перебил Арант. И покосившись на Лану, удивленно замершую с открытым ртом, усмехнулся. – Неужели ты думаешь, что может быть иначе, если уж даже в Легионе об этом известно? Уверен, они не в курсе масштабов исчезновений.

– Варт говорил о списке из десяти фамилий по меньшей мере.

– *По меньшей мере*, их в пять раз больше.

– Значит, вы обратитесь в Легион? – не то обрадованно, не то настороженно уточнила Лана. Она и сама не знала, какие эмоции испытывает по поводу этого открытия.

Арант отрицательно покачал головой и все-таки одним глотком осушил последнюю рюмку, а потом взял со стола бутылку и принялся ее откупоривать, собираясь снова наполнить весь ряд.

– Но почему? – не поняла Лана.

– Из-за Рейна, – лаконично пояснил Арант.

Он поднял бутылку, откупорил и даже наклонил ее, прицеливаясь и принаравливаясь, но так и не начал наливать. Его голова дернулась, словно он что-то услышал, а потом Арант посмотрел в темноту второго этажа, где обычно заседал Ковен. Но не сейчас: сейчас там было пусто. Должно было быть.

Лана, слишком озабоченная его последней репликой, ничего этого не заметила. Она напряженно ждала продолжения, но когда его не последовало, спросила сама:

– Это может навредить Рейну? Как? Он все-таки замешан?

Арант торопливо закрутил бутылку, так и не наполнив ни одной стопки, и с громким стуком резко поставил ее на стойку.

– Не здесь, – лаконично отозвался он и велел: – Идем.

Лана не стала спорить: спрыгнула с табурета и торопливо засеменила за Арантом в его кабинет, где оба могли говорить чуть свободнее, не боясь, что в пустом клубе их кто-то подслушает.

– Я и сам не думал, что мне удастся так быстро что-то узнать, – медленно, как будто нехотя произнес Арант, опускаясь в свое кресло.

Наблюдая за этим простым действием, которое далось главе Ковена с заметным трудом, Лана подумала, что он, должно быть, спал еще хуже, чем она. Или не спал этой ночью совсем.

– Но после того, как ты обнаружила «уровень темных» и мы вытащили оттуда Рейна, я попытался исследовать его. Ты знаешь, я равнодушен к теме снохождения, а нижний уровень всегда интриговал меня еще больше. Существование нового... пространства не могло не вызвать мой интерес. Так и получилось, что я сумел раздобыть еще парочку книг на эту тему, которые раньше не попадались мне на глаза. Оттуда я и решил начать поиски. Ответ нашелся быстрее, чем я ожидал или... смел надеяться.

Лана села на свое обычное место – в кресло посетителя напротив стола, выжидаясь глядя на Аранта. Как и ночью, она и боялась, и хотела услышать продолжение, но глава Ковена медлил, как будто не знал, с чего начать.

– Не томите! – наконец не выдержала Лана. – Что вы узнали? Неужели все настолько плохо?

– Одна из этих книг – журнал исследователя, – бесстрастно начал Арант, глядя в одному ему видимую точку перед собой. – Я говорил тебе, что стихийные сноходцы – редкая каста

магов, поэтому темные давно изучали возможность хождения по снам с применением сознательно направленного магического потока. Автор журнала описывает разные попытки погружений, там много расчетов... – Арант махнул рукой. – В общем, это не имеет значения и не интересно. В какой-то момент записи прерываются. Примерно на месяц, а потом появляется длинный отчет о происшедшем, но как будто написанный немного другим почерком. Что довольно странно, потому что обычно такие записи делаются с помощью магии и обычное дрожание руки из-за болезни или волнения повлиять на почерк не может.

– Если только запись не сделана другим человеком и, соответственно, с применением другого магического потока... – вставила Лана.

Арант кивнул, но на словах тут же добавил вариант:

– Или если что-то не изменилось в магическом потоке самого человека, который делает запись.

– Так что же произошло?

– Автор дневника описывает, что во время последнего опыта... умер.

– То есть? – испуганно отпрыгнула Лана.

– В прямом смысле. Погрузился в сон, видимо, пытался опуститься ниже, но что-то пошло не так, его сердце не выдержало и остановилось. За его погружениями всегда следили ассистенты, поэтому было кому прийти на помощь. Они запустили сердце, но парень не пришел в себя. Он остался без сознания, хотя и был снова жив...

– Как Рейн? – уточнила Лана.

– Да, только через три недели он выбрался сам, без помощи стихийного сноходца. Неожиданно пришел в себя. И вот еще через неделю сделал запись о том, что с ним происходило. Он ссылается на потерю памяти, на невнятные кошмары, которые не может пересказать. Возможно, просто прочитав это, я бы вообще не придавал значения, решил бы, что у парня от кислородного голодания повредился мозг. Но теперь, когда я сам побывал на уровне темных, я узнал его по скудным описаниям. И подозреваю, что пережитое на этом уровне Рейном куда ужаснее, чем мне казалось до сих пор.

– Ох... – выдохнула Лана, чувствуя, как больно кольнули ее эти слова.

Арант на мгновение сфокусировал на ней взгляд и снова отвернулся.

– Но самое страшное не это. Еще через какое-то время записи снова перестают делаться, а когда они возобновляются, почерк опять меняется. И на этот раз записи действительно сделаны другим человеком, одним из ассистентов исследования.

Он снова замолчал и тяжело вздохнул, но на этот раз Лана не решилась его подгонять.

– Ассистент кратко, без эмоций, пересказал все, что случилось с тем исследователем в следующий месяц. Описание темного облака, какое видела ты, присутствует. Автор назвал его Скверной. Он пишет, что Скверна пришла из-за порога, откуда вернулся исследователь. Она прицепилась к его темному и собственному потокам, проникла в его мысли. Она... или *оно* стало управлять телом. Тот человек некоторое время отравлял Скверной своих темных братьев, каждый из которых становился одержим так же, как и он. Это распространялось, как болезнь, пока остальные не заметили, что происходит. Они изолировали всех... пораженных Скверной, пытались их очистить, но ничего не вышло. Зараженные начали вести себя агрессивно, пытались вырваться из изоляции, некоторым это даже удалось. Их пришлось убить, но Скверна, высвободившись из погибших тел, переселилась в другие: тех, кто стоял рядом. Их тоже пришлось изолировать. В конце концов всех зараженных пришлось усыпить, собрать в одном месте посреди пустыни на незаселенном континенте... И сжечь.

Так распространение Скверны остановили в прошлый раз.

В кабинете повисла тишина настолько пронзительная, что приглушенное тиканье настенных часов больно било по барабанным перепонкам. Лана молчала, не шевелилась, даже не дышала, как будто замерев и спрятавшись можно было укрыться от страшной правды. Пожалуй, теперь она понимала, почему Арант пил с утра. Пил и не мог опьянеть, хотя очень этого хотел.

Она вспомнила Рейна во время ужина. Да, все сходилось. Это был он и не он одновременно. Скверна. Хорошее название, правильное. Отражает суть. Эта гадость осквернила ее любимого человека. И хотя он все еще жив, она, кажется, уже погубила его.

– Надо поставить Легион в известность, – пробормотала Лана онемевшими губами. – Чем дольше мы молчим, тем больше людей пострадает, если избавления от этой дряни нет.

Арант снова посмотрел на нее. Вроде и грозно, но при этом как-то... убито, подавленно. Лана некстати вспомнила, каким увидела его в первый раз: он тогда показался ей гораздо моложе, чем был на самом деле. А сейчас... Сейчас он выглядел старше.

– Я не могу, – глухо ответил он. – Это все равно, что самому убить его. Знаешь, я много лет не чувствовал себя отцом. Я знал, что где-то там есть мой сын, но для меня это было... пустым звуком. До тех пор, пока его не изгнали и я не нашел его за Занавесью. Мы начали общаться, я узнал его, а он меня и...

– Поверьте, я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, Арант, – тихо перебила Лана. – Я люблю Рейна не меньше вашего. И поэтому считаю, что нам нельзя медлить. Если бы он оставался собой, он не хотел бы этого. Мы обязаны это остановить...

– Мы говорим о моем единственном сыне, – с нажимом напомнил Арант.

Он хотел сказать что-то еще, но стук распахнувшейся и ударившейся о стену двери остановил его, заставил вскочить с места и испуганно посмотреть на вошедшего.

Еще не оборачиваясь, Лана поняла, кто так некстати присоединился к ним. И действительно: на пороге стоял ошарашенный Рейн. И судя по выражению его лица, он определенно слышал финальную часть их разговора.

Пойти к Аранту было трудно, но после того, что произошло в переулке, Рейн не мог этого не сделать. Он не спал всю ночь, прокручивая в голове события и воскрешая то, что раньше было погребено под слоем кошмаров, выворачивающих реальность наизнанку. Теперь же все встало на свои места. Он вспомнил. И вспомнив, сразу решил, что помочь может только один человек – Арант.

Дома того не оказалось, и Рейн только тогда посмотрел на часы. Оказалось, что уже довольно позднее утро. Вариантов, где старший друг может находиться в это время, было не так много, поэтому Рейн отправился в «Сияние».

Охранник сначала не хотел его пускать: не узнал. Это был кто-то из новеньких, кто не знал его со времен членства в Ковене. По крайней мере, в лицо. Стоило назвать свое имя, как Рейна сразу пропустили и велели подняться на второй этаж в административной части здания.

Коридор, в который привела его лестница, оказался неожиданно темным. Рейну казалось, что в рабочее время административная часть должна выглядеть куда веселее, но то

ли сегодня здесь, кроме Аранта, никого не было, то ли здесь всегда так.

Где находится кабинет Аранта, понятно было сразу даже в темноте: дверь была чуть приоткрыта, из нее в темный коридор падала узкая полоска света. Рейн уверенно зашагал вперед, но потом настороженно замедлился и следом остановился.

В темноте у двери как будто что-то шевельнулось. Рейн нахмурился, вглядываясь и пытаясь что-нибудь рассмотреть, но ничего так и не увидел. Сделав еще несколько шагов вперед, он для верности применил магию: световой шар зажигать не стал, но воспользовался заклятием, повышавшем чувствительность зрения.

Никого. Значит, показалось. Не в первый раз.

Рейн остановился у двери кабинета Аранта, чтобы отменить заклятие: в наполненном дневным светом помещении оно могло стать причиной временной слепоты.

– Поверьте, я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, Арант, – донеслось из кабинета, пока он возвращал глазам обычную чувствительность.

Лана. Что она здесь делает? Рейн едва успел задаться этим вопросом, когда она продолжила:

– Я люблю Рейна не меньше вашего. И поэтому считаю, что нам нельзя медлить. Если бы он оставался собой, он не хотел бы этого. Мы обязаны это остановить...

– Мы говорим о моем единственном сыне!

Слова упали на него гранитной плитой, прижав к земле, раздавив. Они оглушили, смешали его и без того сумбурные после бессонной ночи мысли, которые он с таким трудом привел в относительный порядок. Рейн даже не запомнил, как с силой толкнул дверь и сделал шаг вперед.

Арант, сидевший лицом к двери, конечно, увидел его сразу и вскочил на ноги. Лана встала и обернулась гораздо медленнее.

– Рейн... – выдохнул Арант, как будто хотел что-то спросить или просто сказать, но слова умерли у него на губах раньше, чем он успел начать их произносить. Все и так было понятно.

Аранту, но не Рейну. Тот все еще чувствовал себя выброшенной на берег рыбой. Он широко раскрывал глаза, хватал ртом воздух, но не мог издать ни звука. Столько вопросов проносилось в его голове, и он никак не мог выбрать главный.

– Рейн... – повторил Арант, но был тут же перебит:

– Меня зовут Марек. Марек Кролл. Я сын последнего канцлера Республики. Или по крайней мере, я всю жизнь так думал. Почему, Арант? Как ты мог?

– Что? – словно защищаясь, уточнил тот. – Как я мог – что? Оставить тебя? Это было не мое решение. Я хотел жениться на твоей матери, я был готов на все ради этого. Я любил ее. Но я не подходил ей, и ее семья решила иначе. Можно было бы побороться с ними, но для этого нужны были двое, а твоя мать не хотела. Нищий темный маг без перспектив при условии отказа в приданом и содержании был ей не нужен.

Рейн покачал головой и пояснил свой вопрос:

– Как ты мог мне не сказать? Потом, когда мы встретились за Занавесью! Столько лет, Арант! Не ври, что у тебя не было возможности, мы столько раз разговаривали... В том числе о моем отце. Демон меня заберет, я собирался мстить за него! Я мог снова разрушить свою жизнь во имя человека, которого сам же ненавидел, но перед которым чувствовал себя в долгу, потому что он дал мне жизнь! И ты ничего мне не сказал?!

Арант отвел взгляд, склонил голову, признавая свою ошибку. Он ничего не ответил, и

это было лучшее из того, что он мог сейчас сделать, потому что Рейн чувствовал, как натянутые струной нервы готовы лопнуть от любого прикосновения, от любого слова. И тогда случится взрыв. Взрыв такой силы, что разрушения будет уже не восстановить.

Лана не обладала чутьем Аранта, поэтому она сделала попытку объяснить ситуацию:

– Рейн, он не хотел ничего плохого. Уверена, он по-своему защищал тебя...

– Лана! – перебил ее Арант, останавливая.

Но слишком поздно.

– Защищал? – переспросил Рейн, нервно рассмеявшись. На лице его появилась странная, безумная улыбка, как у какого-нибудь маньяка. – От чего он меня защищал? От знания, что для меня нормально ненавидеть Дангеста Кролла, потому что он не имеет ко мне никакого отношения? От знания, что не родной отец изгнал меня из магического мира, обрек на медленную мучительную смерть в трущобах мира людей? От знания, что я не один, что у меня все еще есть семья? Не меня он защищал, Лана, а себя! От моих закономерных вопросов. От объяснений, как можно было бросить собственного ребенка, оставить его жить в доме мерзавца. Вся моя жизнь могла сложиться иначе, ты понимаешь это?!

Последние слова он выкрикнул так громко, что Лана непроизвольно сжалась, сделала шаг назад.

– Нет, ты не понимаешь, – процедил Рейн, чувствуя, как его снова обволакивает тьмой, как затопляет злобой и ненавистью с головы до пят, наполняет до краев так, что уже начинает выплескиваться. Он сделал шаг к Лане, заставляя ее снова отступить назад. – Ты знала и молчала! Тоже защищала его! Кормила меня какими-то дурацкими историями о сыне, которого я ему напоминаю...

– Рейн, перестань, остановись! – прикрикнул на него Арант.

Он замер, больше не приближаясь к Лане, перевел взгляд на человека, который был его лучшим другом последние двенадцать лет. А оказался отцом. Лживым, трусливым отцом, бросившем его.

– Ненавижу, – процедил Рейн сквозь зубы и уточнил, снова повернувшись к Лане: – Вас обоих.

С этими словами он развернулся и стремительно зашагал к выходу. Потом по коридору, вниз по лестнице и по улице. Тьма бежала по его венам, наполняла голову и сердце, отравляла каждый вдох, и он никак не мог от нее закрыться, дистанцироваться, выстроить стену. Теперь он точно знал, что печать Легиона взломана и больше не работает, но за годы, которые он ее носил, Рейн успел отвыкнуть от темного потока, забыть техники по его обузданию. Или просто пребывание на темном уровне сделало его уязвимее для него.

О том, ради чего он изначально пришел к Аранту, Рейн ни разу не вспомнил.

За всю свою предыдущую уже достаточно долгую и очень насыщенную жизнь Марк Арант испытывал чувство вины примерно раза полтора. И вот сегодня наступил день, когда короткий список этих случаев пополнился еще одним.

Он действительно чувствовал себя виноватым перед Ланой. За то, что вовремя не узнал о Скверне, которая может прицепиться к темному «на той стороне». Девочка потратила полгода и тонну здоровья, чтобы вернуть к жизни его сына, а теперь оказывается, что все было зря. Он чувствовал вину за то, что не отпустил Рейна сразу: это было бы гораздо проще, чем убить его сейчас. И еще больше он чувствовал себя виноватым за то, что вовремя не рассказал Рейну правду об их родстве, а теперь Лана попала под раздачу. Она ушла из его кабинета со слегка подрагивающими губами и глазами, полными непролитых слез: не хотела плакать при нем. Сильная девочка. Арант с самого начала испытывал к ней симпатию, как к сестре Марты. И успел заранее полюбить, как потенциальную невестку. И теперь ему было больно за нее.

Впрочем, все это уже не имеет значения, если Рейна не спасти. Эта боль перекрывала все другое.

Арант не заметил, как за окном стемнело. Через три дня должна начаться весна, но в Аларию, где всегда был довольно мягкий климат, она в этом году отчего-то не торопилась.

Он знал, что ему стоит пойти домой. Вот прямо сейчас, чтобы порыться в своей обширной библиотеке, половина книг в которой запрещена Легионом, найти какой-то выход... Но не мог себя заставить. Потому что понимал: выхода нет. Нет, он может быть, но найти его нереально. В прежние времена, к которым относится прочитанный им дневник, это уже пытались сделать, решение искало целое братство несколько недель, но ничего не нашли. А ведь это были маги, получавшие знания еще тогда, когда темная магия не находилась под запретом, когда древние фолианты не уничтожались и не прятались под замок. Большая часть тех знаний давно утеряна, и последние пару веков никто не развивал темное направление.

В том, что светлый поток бессилён в данном случае, Арант не сомневался. Скверна порождена уровнем темных. Или просто прижилась именно там. Она поражала только темных магов. И тогда, и сейчас. Значит, она связана с темным потоком. Сцеплена с ним. А избавиться от темного потока не так-то просто. Таких случаев в истории магии можно по пальцам одной руки пересчитать.

От печальных размышлений и бесцельного хождения по кабинету его отвлекла зазвучавшая в клубе музыка. Звуковой полог приглушал ее достаточно, чтобы она не была Аранта по ушам, когда он вечерами работал здесь, но в полной тишине ее было слышно. Значит, клуб уже не только открылся, но и переходит в режим работы именно клуба, а не ресторана.

Он вернулся к своему креслу, опустился в него и достал из ящика стола заговоренное зеркало. После недолгого колебания отправил по зеркальному лабиринту обращение к Марте. Арант не очень-то любил это новомодное, как он называл, развлечение, поскольку оно пришло из мира людей. Сама идея пришла, а маги уже придумали, как это сделать привычными им способами.

Не прошло и полминуты, как в зеркале вместо его отражения появилось лицо Марты.

– Марк? – удивилась она.

Он улыбнулся. Что ж, не «господин Арант» – это уже хорошо. От звука ее голоса на сердце стало немного легче и теплее, хотя Арант никогда не признался бы в этом вслух.

– Марк, что случилось? – мягко поинтересовалась Марта, напряженно хмурясь.

– Лана дома? – ответил он вопросом на вопрос.

– Была. Пришла, заперлась у себя в комнате, не выходила несколько часов, потом куда-то убежала, так ничего мне и не объяснив. На тебе тоже лица нет. Что происходит?

Он облизнул пересохшие губы и рассказал о случившейся утром стычке: о том, как Рейн узнал правду и как отреагировал.

– Можешь сказать: я тебя предупреждала, – добавил он в конце. Марта не раз пыталась его убедить, что лучше рассказать Рейну правду.

– Никогда не понимала, в чем прелесть пнуть упавшего, – с серьезным видом возразила Марта. – Поэтому ничего такого говорить не буду. Это ведь едва ли все, правда? Лана не была бы в таком состоянии из-за подобной ссоры. Понятно же, что рано или поздно Рейн успокоится и простит вас обоих. И меня заодно, ведь я тоже знала и молчала. Думаю, он просто в шоке сейчас, но это пройдет. Он взрослый разумный мужчина...

– Ты права, – перебил Арант мрачно. – Это не все.

Во второй раз рассказ о Скверне и о том, что она, очевидно, засела в Рейне и теперь распространяется по членам Ковена, дался легче. Аранту удалось пересказать все с невозмутимым видом и ровным голосом, даже несмотря на то, что лицо Марты с каждым его словом бледнело на глазах.

– О, древние боги... – выдохнула она, когда он закончил. – Этого не может быть, просто не верится... Неужели ничего нельзя для него сделать?

Арант покачал головой.

– Увы, Марта. Боюсь, что в этот раз мы проиграли сразу.

Марта помолчала немного, глядя на него сквозь зеркальный лабиринт. На ее лице отражалось сочувствие, но когда она заговорила снова, ее слова не были соболезнованиями:

– Нет, Марк, я не верю, что ты вот так просто сдашься. Человек, создавший Темный Ковен, два десятка лет живший в тени и ходивший по лезвию бритвы, отрицавший правила и законы, не может просто взять и сдаться, когда речь идет о его единственном сыне. Вы с Ланой вытащили его из небытия. Никто не верил, что это возможно, а вы сделали. И нет причин думать, что вам... нам всем не удастся снова сделать невозможное. Или что мы хотя бы не попытаемся.

Он ничего не успел ей ответить. Просто не нашел сразу нужных слов, чтобы возразить и объяснить, как обстоят дела на самом деле, а потом время ушло, распахнулась дверь его кабинета и, увидев вошедших, Арант смог только коротко бросить:

– Договорим потом.

Он коснулся зеркала, прерывая связь, и положил его на стол отражающей поверхностью вниз.

– Чем обязан, господа? – поинтересовался он у вошедших. – Не помню, чтобы назначал собрание.

– Мы сами его назначили, – нагло заявил вошедший первым Вайс.

Он же подошел ближе всех к столу Аранта, держа руки в карманах брюк, ехидно улыбаясь и едва не лопаюсь от распиравших его восторга и предвкушения.

Арант скользнул взглядом по остальным визитерам. Отметил среди них Ле Съена,

который держался позади, в тени. Он вошел и сразу сел на дальний, стоящий почти в углу кабинета диван. У него на лице были написаны озабоченность и нежелание участвовать во всем происходящем, но глаза выдавали его. Они поблескивали азартом человека, чья мечта близка к исполнению.

Ни Экхарта, ни Фелиции среди явившихся представителей Ковена Арант не нашел, что было плохим знаком. Еще хуже будет, если они тоже пропали.

– Я бы сказал, что вы слишком много на себя берете, но подозреваю, что вы и так об этом прекрасно знаете, – холодно заметил он, возвращая взгляд к Вайсу, который явно собирался быть основным спикером. – Поэтому просто поинтересуюсь: какова повестка?

– Исчезновения наших братьев, – заявил Вайс, пытаясь изобразить волнение и скорбь, но терпя в этом неудачу. – Уже все об этом знают, но мы не понимаем, почему вы бездействуете.

– А каких именно действий вы от меня ждете? – удивился Арант. – Мы не знаем, с чем имеем дело, нужно разобраться...

– Неужели? – притворно удивился Вайс и обернулся к столпившимся позади него членам Ковена, одарил их выразительным взглядом. – И вы уже поручили кому-то разобраться с этим? Я знаю, что Легион предлагал вам помощь, но вы, кажется, от нее отказались?

Его слова прозвучали вопросительно, но по формулировке и выражению лица было понятно, что Вайс знает об этом все. Арант вспомнил шорох, который слышал утром во время разговора с Ланой. Значит, он ему не померещился. Возможно, Вайс подслушивал сам или кто-то делал это для него. Надо было наложить на кабинет звуковой полог! Тогда удалось бы избежать половины проблем этого дня... Но в «Сиянии» Арант привык чувствовать себя как дома, в полной безопасности. Ему казалось, что здесь он все контролирует. Типичная ошибка каждого, кто привык к собственной неуязвимости.

– Ковен всегда решал свои проблемы сам, – отрезал Арант. – Нам не нужен Легион. Мы сами разберемся.

Среди соратников, стоявших за спиной Вайса, прокатился едва слышный одобрительный шепот. Эти слова явно нашли отклик в сердцах членов Ковена, но их неожиданного предводителя это не сбilo и не смутило.

– Звучит красиво, – согласился Вайс, – но что делать, если сам глава Ковена не заинтересован в раскрытии правды? Что делать, если он предал своих последователей, их доверие, их интересы. *Наши* интересы. Во имя... семейных.

По его губам снова скользнула змеиная улыбка, и Арант почувствовал, как сердце глухо ударилось о ребра. Не то чтобы осведомленность Вайса стала для него большим открытием: он понял, что тот все знает, еще на предыдущей реплике. Но сейчас, по реакции остальных, Арант понял, что они тоже в курсе ситуации. В деталях. Они знают, кем ему приходится Рейн, что с ним случилось и чем все это грозит темным. Знают и пришли сюда высказать ему свое недовольство.

– Ковен и есть моя семья, – уверенно заявил Арант, глядя не на Вайса, а ему за спину, на лица его сопровождающих, хоть и понимал, что это бессмысленно: сюда пришли те, кого Вайсу удалось убедить в правоте своих действий. – Каждый темный мне брат, в этом основа и смысл нашей организации. Мы всегда стояли друг за друга. И никогда не отдавали своих на растерзание властям. Сейчас я действую в соответствии с нашими правилами...

– Нет, Марк, – включился Ле Съен тихо, но весомо, – ты сейчас действуешь не в

интересах Ковена, а в интересах родного сына, ради которого ты готов пожертвовать жизнью своих братьев. Как отец, я тебя понимаю, но как твой заместитель, вынужден сказать: ты больше не имеешь права возглавлять Ковен. Ты предал его.

Арант зло сощурил глаза. Серьезно? Они пришли сюда, чтобы сместить его?

– Я создал Ковен! – почти прорычал он, вставая с кресла и выпрямляясь во весь свой немаленький рост. Он мгновенно оказался выше коротышки Вайса. И тому явно стало не по себе.

Но Ле Съен снова взял инициативу на себя, оставаясь сидеть. Голос его был пропитан нотками сожаления, но звучал твердо и уверенно:

– Да, Ковен твоё детище, этого никто не отрицает. И мы всегда будем тебя помнить и будем благодарны тебе за то, что ты сделал для темных в те времена, когда мы подвергались гонениям. Но сейчас ты должен отойти в сторону, потому что ты больше не способен мыслить трезво и ставить наши интересы на первое место. Сначала ты поставил выше нас свою дружбу с королем. И тут я промолчал, потому что в этом решении можно рассмотреть желание защитить Ковен в долгосрочной перспективе. Но теперь... Теперь я не могу молчать, Марк. Потому что ты подвергаешь опасности наши жизни, защищая одного темного – своего сына. Ты имеешь право это делать. Но не можешь при этом оставаться нашим лидером.

– Это не вам решать, – процедил Арант.

– Но мы решили, – возразил Вайс. – Вы больше не глава Темного Ковена. Вы должны уйти.

– Нет, мальчик, – Арант снова перевел взгляд на Вайса и слегка оскалился, отчего тот испуганно отступил назад, словно подумал, что Арант его сейчас проклянет, – уйти должны вы все. Я создал Темный Ковен и я есть Ковен. Даже если я в нем останусь один, это будет так. Но вы вольны уйти. А сейчас я требую, чтобы вы покинули *мой* кабинет и *мой* клуб. В «Сиянии» рады только верным членам Ковена, а не крысам вроде вас.

В кабинете повисла тишина. Пришедшие неуверенно замерли, видимо, ожидалась другая развязка. Аранту даже стало интересно – какая? Они предполагали, что он, склонив голову, уйдет, оставит свое место Ле Съену? Без малого десять лет «Сияние» было негласной штаб-квартирой Ковена, все привыкли ассоциировать их друг с другом.

Но правда в том, что эти люди могут перестать подчиняться ему – все или часть – но никто не может лишить его ни клуба, ни дома, ни права называться главой Темного Ковена.

– Вон! – крикнул Арант так, что в окнах дрогнули стекла, не желая затягивать момент и создавать иллюзию, что они все-таки могут заставить его уйти.

Первыми исчезли те, кто стоял ближе всего к выходу. Вероятно, они с самого начала сомневались, стоит ли им здесь быть, а сейчас поторопились сбежать, надеясь, что Арант не успел рассмотреть их лица и у них останется выбор: остаться в Ковене или стать отщепенцами. Ле Съен поднялся на ноги только тогда, когда кабинет почти опустел, а последним вышел Вайс, недовольно раздувая ноздри и сверля Аранта ненавидящим взглядом.

Дверь «революционеры» оставили нараспашку, Аранту пришлось резко махнуть рукой, направляя магический поток в заклятие движения, чтобы захлопнуть ее. Только тогда он позволил себе снова сесть в кресло и закрыть лицо руками.

Что ж за день-то такой?

Марта не понимала, что происходит. Сначала Лана убежала утром, не сказав ей и двух слов, потом вернулась чернее тучи, заперлась у себя и не выходила, на попытки поговорить через дверь не отвечала. Марта подозревала, что сестра плачет, хотя сквозь дверь ничего не слышала. Но она не представляла, что еще деятельная Лана может так долго делать у себя, совершенно не издавая звуков. Не спит же она... Впрочем, она могла освоить заклинание звукового полога: в последнее время Лана училась многому из того, что раньше не считала нужным уметь.

Давить Марте не хотелось, поэтому она не стала ломиться в комнату сестры, предпочла отойти в сторону и подождать, пока та сама будет готова к разговору. К тому же ей было, чем заняться: через несколько дней возобновятся занятия в Академии, имело смысл пройтись по планам лекций, внести в них то, что давно хотелось, освежить в памяти, какие задания она дает студентам разных курсов и специальностей в первый триместр.

Она так закопалась в бумажки, заполнив ими весь внушительных размеров стол в кабинете, когда-то принадлежавшем ее отцу, что даже не заметила, как пролетело время. Несколько часов спустя она с трудом осознала, что слышит решительный топот каблуков Ланы сначала по лестнице, а потом в холле первого этажа. Не сразу вспомнила, почему это важно, и в результате выскочила в холл уже тогда, когда Лана почти исчезла за дверью. На оклик та не отреагировала, а Марта не стала догонять, только разочарованно выдохнула.

И вот уже давно стемнело, а Лана так и не вернулась. После появления в зеркальном лабиринте Аранта ситуация немного прояснилась, но стала еще более тревожной и гнетущей. До этого момента у Марты болело сердце только за сестру, а теперь она еще и переживала за лучшего друга, которым за последние пять лет стал для нее Рейн Братт. И, конечно, она почувствовала боль Аранта почти как свою, что уже почти не удивило.

Когда Арант внезапно прервал разговор, Марта заволновалась еще сильнее: поняла, что случилась новая беда. Она попыталась дотянуться через лабиринт до Ланы, но та не ответила. Наверное, если бы не чутье, которым Марта обладала благодаря отцу, она бы уже бежала в Легион и требовала у Эрика Варта найти Лану, но интуиция подсказывала, что жизни сестры ничего не угрожает, а потому поднимать панику преждевременно. Возможно, Лана что-то придумала и пытается помочь Рейну.

Когда вскоре после ужина в холле первого этажа раздался звонок, Марта сразу решила, что наконец вернулась Лана и теперь можно будет получить хоть какие-то ответы. А потому очень удивилась, распахнув дверь и обнаружив на пороге Аранта.

Еще больше ее удивил его внешний вид: пальто небрежно расстегнуто, под ним вместо обычно безупречного костюма – только брюки и помятая рубашка, зачесанные назад длинные черные волосы, скрепленные на затылке, выглядели слегка растрепанными, несколько прядей выбивались из «хвоста». Арант стоял, привалившись плечом к дверному косяку, и выглядел непривычно уставшим и обессиленным. Таким он не был даже в тот день, когда признался ей, что потерял веру в возможность вернуть Рейна и готов проститься с ним.

– Марк? – выдохнула она удивленно.

– А ты ждала кого-то еще? – криво улыбнувшись, поинтересовался он.

– Лана пока не вернулась. Я думала, это она.

– Что ж... А это я. Можно войти?

Она только молча посторонилась, пропуская его в дом.

Арант вошел, на ходу скидывая пальто с плеч, отправил его на вешалку магией, словно сделать два лишних шага для него было невыносимо тяжело. Он не отрываясь смотрел на Марту и пил ее взглядом, как уставший путник, умирающий от жажды, – воду. И как такой путник, Арант на глазах оживал: лицо перестало быть смертельно бледным, на него вернулись краски, плечи слегка расправились, хотя они и так не очень-то сильно сутулились.

Возможно, Марта придумывала лишнее, и Арант просто согрелся в теплом холле, но ей казалось, что он сюда пришел именно в поисках сил пережить все то, что на него свалилось.

– Что-то случилось? – мягко спросила она, неловко обнимая себя за плечи, бессознательно пытаясь закрыться от его жадного взгляда. – В смысле... Что-нибудь еще?

Он кивнул и улыбнулся шире.

– От меня ушел Ковен, представляешь?

– Как это? – не поняла она.

– А вот так... Выразил недоверие, пытался уволить с поста главы, но я сказал им, что все, кто недоволен мной, могут валить на все четыре стороны.

– И они все ушли? – настороженно уточнила Марта.

Для человека, только что лишившегося дела всей своей жизни и собирающегося потерять еще и сына, он выглядел слишком веселым. Едва ли эта веселость могла быть здоровой.

– Не думаю, что все, – вздохнул Арант, резко мрачней, что лишь подтверждало: позитивный тон перед этим был наигранным. – Но большинство приближенных, скорее всего, да. А дальше последует внутренний раскол. Темного Ковена, каким он был тридцать лет, больше не будет.

– Мне очень жаль, – сочувственно произнесла Марта, понимая, как много для него это значит.

– А у меня такое странное состояние... – признался он задумчиво. – Я вроде как и понимаю, что на меня упала гранитная плита, но ничего не чувствую. Как будто это происходит не со мной. Утром было гораздо хуже.

– Это нормально, – осторожно улыбнулась она. – Рейн твой сын... Это важнее всего остального.

Марта сама не заметила, как шагнула к Аранту и коснулась плеча в утешающем жесте. Словно не отдавала себе отчета, потому что сознательно никогда не стала бы первой делать этот шаг, инициировать контакт. Наоборот, постаралась бы держать дистанцию, потому что понимала: физическое пространство между их телами – это последнее, что держит обоих в рамках.

И она сама разрушила эту невидимую стену.

То, что его руки скользнули вокруг ее талии, Марта уже приняла как должное. Она уперлась раскрытыми ладонями в грудь Аранта в последней отчаянной попытке сохранить дистанцию хотя бы между лицами, если уж не удалось между телами, но это была бесполезная попытка, и Марта сама прекрасно это осознавала. Ее ладони лишь почувствовали жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки, а значит, он точно так же явственно ощутил ее прикосновение.

Арант прижал ее к себе, больше не тратя время на никому не нужные разговоры и соболезнования, поцеловал требовательно, жадно, даже немного агрессивно, как будто

заранее готовился к штурму, к завоеванию, а не к поцелую.

Но эти приготовления оказались напрасны: ее губы приоткрылись ему навстречу добровольно, Марта отвечала с не меньшим жаром и нетерпением, ее руки скользнули по его плечам, обвили шею, скрепляя их в объятии еще более крепком и яростном.

Она не поняла, как оказалась прижата к стене в холле, очнулась лишь тогда, когда жесткие губы Аранта, покрывавшие жалящими поцелуями ее шею, скользнули ниже, к груди. Только тогда Марта осознала, что ее блузка расстегнута, юбка неприлично задрана, а ноги уже едва держат. Она запустила пальцы в волосы Аранта, слегка потянула их, заставляя его прекратить делать то, что он перед этим делал.

Арант выпрямился, недовольно выдыхая и заглядывая ей в глаза. Его собственные сейчас были темнее, чем она когда-либо видела.

– Ну что еще? – хрипло и немного грубо спросил он. – Что еще ты хочешь мне сказать? Я не желаю слушать дурацких возражений о том, что я темный. Я хочу тебя, ты хочешь меня и нет ни одного довода, который заставит меня сейчас остановиться!

Она невольно улыбнулась тому, с каким отчаянием прозвучали его слова. Где-то там за горькими нотками пряталось понимание, что она *может* остановить его. Есть аргументы, которые заставят его подчиниться, хотя Марк Арант за свою жизнь не подчинялся никому и никогда.

Но у Марты не было ни малейшего желания их произносить. Она выдохнула всего два коротких слова:

– Не здесь.

Посреди ночи ее разбудило неясное чувство тревоги. В спальне было темно и тихо, как и во всем огромном доме, поэтому Марта не сразу поняла, что не так. Лишь когда туман сонливости в голове развеялся, она поняла, что несколько часов назад засыпала в постели не одна, а в объятиях мужчины. Теперь же вторая половина кровати была пуста, и лишь смятые подушка и простынь говорили о том, что вечерний визит Аранта ей не приснился.

Марта села на постели, зачем-то прижимая к обнаженной груди край одеяла, стыдливо прикрываясь им, хотя в пустой темной комнате, освещаемой лишь скудным ночным светом с улицы, не от кого было скрываться. Рука скользнула по пустому месту рядом, как будто искала следы тепла мужского тела, но не нашла. Марта вздохнула.

Нет, конечно, она знала, что так и будет. Это ведь Марк Арант, глава Темного Ковена. Он получает то, что хочет, но это не значит, что его интересует какое-то продолжение. Чего от него ждать? Предложение руки и сердца? Совместной жизни в окружении детишек, которых он будет то воспитывать, то баловать? У Марты не получалось такое вообразить.

Она была не в обиде. Арант озвучил чистую правду: она хотела его так же сильно, как он ее. С тех пор, как погиб Виктор, они не была ни с одним мужчиной, потому что ей никто не был нужен, пока в ее жизни не появился этот человек. Она долго металась между своими «хочу» и внутренними «нельзя», пока сегодня все они не разлетелись на мелкие осколки. И вместе с ними разлетелась на осколки сама Марта, а собралась потом уже во что-то иное. Во что-то цельное, без трещин от прежних ударов судьбы и потерь. И за это она была благодарна Аранту.

Если теперь, получив желаемое, он исчезнет из ее жизни, она переживет. Они взрослые люди, а взрослые люди не всегда играют в игры с признаниями в любви и с «жили они долго и счастливо». Арант ни в чем ей не признавался, ни в чем не клялся и ничего не обещал. Он был прямолинеен и честен, говоря лишь о страсти, желании и физическом влечении, так чего теперь размазывать слезы по щекам и зарываться носом в его подушку, пытаюсь поймать исчезающий запах? Его запах. Да, своими ласками он только разжег огонь ее желания сильнее, Марте было мало одной этой ночи, но сейчас ей казалось, что будет мало и целой жизни с ним. И если это не то, что нужно ему, она не станет бегать за ним и умолять остаться. Она большая девочка...

Внизу раздался какой-то шум, сбивший ее с мысли. Марта нахмурилась, прислушиваясь. Шум не повторился, но мгновенно возникшее ощущение, что в доме она все-таки не одна, никуда не делось. Может быть, Лана все-таки вернулась?

Марта встала, накинула халат прямо на обнаженное тело, поплотнее запахнула его и крепко завязала, а потом осторожно спустилась на первый этаж.

Здесь по-прежнему было тихо, несколько световых шаров, висящих по углам, разливали по помещениям тусклый свет, достаточный лишь для того, чтобы не наткнуться в темноте на какой-нибудь предмет мебели. Только в большой гостиной света было больше: он вырывался в распахнутые двери и вскоре растворялся в полутьме за порогом.

Марта пошла на этот свет, осторожно ступая босыми ногами по прохладному полу, заглянула в гостиную.

Там повсюду полыхал только что разведенный камин, но Ланы не было. На небольшом диванчике у камина сидел Арант. Сердце Марты едва не выскочило из груди, когда она осознала, что он не ушел, а просто встал и спустился вниз.

Она шагнула к дивану, поскольку топтаться босиком на холодном полу дольше необходимого не хотелось, и тогда Арант заметил ее: повернулся и с сожалением улыбнулся.

– Я все-таки разбудил тебя? Я старался не шуметь.

– Ты и не шумел, – заметила она, садясь на диван рядом с ним и подбирая под себя ноги. – Сама не знаю, отчего проснулась.

Она бросила взгляд на настенные часы, не без труда разобрала, который сейчас час и удивленно охнула:

– А чего ты не спишь? Начало четвертого...

– Уже вторую ночь не могу уснуть, – со вздохом признался Арант. – Мысли не дают.

Она не стала спрашивать, какие мысли, это и так было понятно. Только коснулась рукой плеча, легонько погладила его, потом не удержалась и прижалась щекой. Арант повернулся, поднял руку, открывая ей объятия, и Марта пододвинулась ближе, позволяя обнять себя за плечи.

– Столько всего происходит, что не знаешь, за что хвататься, – тихо признался Арант. – Кто-то готовит диверсию против короля и теперь, когда как минимум часть Ковена мне больше не подчиняется, темные обязательно влезут в это дело, возьмутся за заказ анонима, и останется ли тогда шанс у Сорроу, я не знаю. Мой сын поражен Скверной и распространяет ее среди наших темных братьев, и неизвестно, чем это может для всех обернуться. А я ни очистить его, ни убить не могу. Еще Лана где-то ходит... Ночь на дворе, а ее все нет, я проверял.

Марта невольно улыбнулась: так забавно прозвучало ворчание Аранта насчет отсутствия Ланы. словно ревнивый папаша ждет юную дочь с вечеринки, переживая, что

она где-то целуется с каким-нибудь мальчиком (а может быть, и не только целуется). Она прислушалась к собственным ощущениям, но чутье по-прежнему молчало, ничто не указывало на то, что Лана может быть в опасности. Где бы она ни находилась, ей ничего там не угрожает.

– Может быть, Рейна изолировать пока? – предложила Марта. – Ты же говорил, что в прошлый раз распространение Скверны остановили именно так.

– На какое-то время – да, возможно, – кивнул Арант. – Но что дальше?

– В этой ситуации выиграть немного времени – уже хорошо.

Она почувствовала, как он наклонился к ней и поцеловал в макушку, молчаливо соглашаясь с этим замечанием. Они немного посидели в тишине. Марту клонило в сон, но она держалась, желая разделить с Арантом его тревожную бессонницу, чтобы поддержать его. Все ее мысли о том, что они ничего друг другу не обещали и ничего друг другу не должны, были забыты.

– А что там с королем? – поинтересовалась она, чтобы не уснуть. – И как с этим связан твой Ковен?

– Кто-то нашел один древний артефакт, кажется, его даже похитили из хранилища в королевской резиденции. Когда-то давно таких было несколько. Это шкатулки, расходующие магический поток.

– Как это? – не поняла Марта.

– Примерно как низшие. Ты же знаешь, что если по низшему ударить магией, то он поглотит ее и заберет гораздо больше, чем обычно тратится на заклятие. Простой ударный импульс может израсходовать поток так, как не каждый огненный шар. В основу работы этого артефакта положен тот же принцип. Если открыть шкатулку, когда тебя атакуют, заклятие будет притянута ею и возникнет нечто вроде связи. Канала, по которому шкатулка будет тянуть поток из мага, пока тому не удастся разорвать связь, что очень сложно сделать, или пока крышку шкатулки не закроют. Такие шкатулки в прежние времена помогали светлomu уберечься от нападения темного. Темный поток условно не исчерпаем, но он контролируется светлым, и вот тут у каждого темного есть слабое место. Попав в ловушку шкатулки, темный может лишиться сил и стать уязвимым. Естественно, наши темные предки старательно уничтожали и сами шкатулки, и умельцев, которые их создавали. Удивительно, что одна все же уцелела и именно в королевском дворце. Хоть это и артефакт против темных, он сам по себе тоже темный, а значит, по законам Республики, должен был быть уничтожен.

– Возможно, его сохранили на всякий случай? Как оружие против темных?

– Возможно... А теперь нам заказали скопировать его и сделать несколько таких шкатулок.

– И Ковен хочет за это взяться? Хотя шкатулки могут быть использованы против них? – удивилась Марта.

– Заказчик предлагает хорошие деньги, очень хорошие. А каждый создатель или продавец чего-то опасного понимает, что его продукт может быть однажды направлен против него, но каждый надеется, что этого не произойдет. В данном случае я полагаю, что цель – не темные. Цель Сорроу. Сейчас он непобедим, он в одиночку способен расправиться с целой армией светлых или с достаточно крупным отрядом темных. Но если его «серый поток» угодит в ловушку шкатулки... Особенно, если шкатулка будет не одна...

Арант не стал договаривать, но Марта и так все поняла и почувствовала, как по спине

пробежал холодок.

– Надо было мне сделать вид, что я согласен на контракт, – сокрушенно вздохнул Арант. – И попытаться выяснить, кто заказчик. Но я привык держаться в стороне от таких вещей. Привык думать, что проблемы других – не моя забота. Даже если это проблемы короля.

– Думаю, все равно нужно его предупредить, – сонно пробормотала Марта. – Даже если ты не знаешь заказчика. Просто чтобы он знал, к чему готовиться.

– Да, думаю, стоит начать с этого.

Арант снова замолчал, погружаясь в свои размышления, а Марта прикрыла глаза, чувствуя, что вот-вот заснет, пригревшись в объятиях Аранта. В ее голове тоже хватало мыслей, но потребность в сне была сильнее. И сонная расслабленность привела к тому, что одну из мыслей она неосторожно озвучила:

– А что будет дальше с нами?

– С нами? – переспросил Арант, заставляя ее смутиться.

– Ну... С тобой, мной, Рейном, Ланой, – попыталась сместить акценты Марта.

Он чуть крепче сжал ее плечи и через небольшую паузу выдал свой прогноз:

– Мы найдем способ и спасем Рейна. Помирим его с Ланой. Они поженятся, возможно, не сразу, но рано или поздно этим кончится. А ты выйдешь замуж за меня. Родишь мне еще детей, и на этот раз я не пропущу их взросление. И все мы будем жить долго и счастливо.

Этот ответ прозвучал неожиданно, но Марту он вполне устроил. Поэтому, слабо улыбнувшись, она все-таки позволила себе уснуть.

Лана проснулась от пульсирующей в голове боли. Та зарождалась где-то в районе глаз и разливалась по черепу, как вино из разбитого бокала. Когда сонливость отступила, причины и такого распространения боли, и ассоциации стали понятны: уже поднявшееся над горизонтом по-весеннему яркое солнце било по глазам, и его свет превращался в головную боль из-за похмелья, вызванного злоупотреблением красного вина накануне.

Тихонько застонав, Лана перевернулась на другой бок, пытаясь спрятаться от нахальных лучей, но было все равно слишком светло и слишком больно, чтобы снова уснуть.

А потом она вспомнила, что окна ее комнаты выходят на запад, а не на восток, поэтому солнце там бывает только по вечерам, и проснулась окончательно. Тревожно села на абсолютно незнакомой кровати и огляделась.

Спальня, в которой она проснулась, тоже оказалась совершенно чужой, непривычно маленькой, с лаконичной – можно сказать, спартанской – обстановкой. И хуже всего было то, что Лана совершенно не помнила, как здесь оказалась.

Она тревожно ощупала себя рукой и даже заглянула под одеяло, после чего от сердца слегка отлегло: по крайней мере, она полностью одета.

Утешило ее это ненадолго: через пару секунд послышался звук шагов и на пороге спальни появился ее наставник – Эрик Варт. Одет он был непривычно, как-то... по-домашнему, в одной руке держал высокий объемный стакан с чаем, очевидно, холодным, а в другой – маленький пузырек со снадобьем. Варт как обычно изображал строгость, но слегка приподнятые уголки губ выдавали, что сложившаяся ситуация его веселит.

– Доброе утро, Лана. Как тебе спалось? – вежливо поинтересовался он, останавливаясь у ее кровати.

Точнее, Лана уже почти не сомневалась в том, что на самом деле это как раз *его* кровать.

– Недостаточно хорошо, чтобы считать утро добрым, – вырвалось у нее.

Она настороженно проследила взглядом, как он сел рядом с ней и протянул ей сначала пузырек.

– Противопохмельное, – объяснил он лаконично.

Поколебавшись буквально секунду, Лана взяла пузырек и уверенно опрокинула его содержимое в себя. Мерзкое пойло обожгло язык и горло, Лана скривилась, но Варт уже забрал у нее пустой пузырек и дал вместо него стакан с чаем, который она жадно осушила одним длинным залпом. Пить тоже очень хотелось.

Мгновения спустя ей полегчало, и Лана даже несмело улыбнулась.

– Спасибо. Вот уж не думала, что у вас дома есть запасы противопохмельного снадобья. Я ведь... у вас дома, да?

В вопросе прозвучали нотки надежды на то, что это не так, заставившие Варта улыбнуться шире.

– О да, с этого дня ты официально первая сотрудница Легиона, которая провела ночь в моей постели. И, конечно, у меня есть противопохмельное снадобье. Я ведь тоже живой человек с весьма паршивой, если называть вещи своими именами, работой.

– Как я здесь оказалась? – жалобно уточнила Лана.

– Подробности не знаю, надеюсь, ты утром расскажешь, – хмыкнул Варт. – Ты

появилась на пороге моей квартиры примерно за полчаса до полуночи, но уже не могла связать и двух слов. Хотя пыталась. Но вместо этого только плакала, – добавил он, посерьезнев. – Потом тебя стошнило, а потом ты уснула.

Чувствуя, как лицо буквально полыхнуло от стыда, Лана прижала к нему ладони, словно пыталась спрятаться.

– Какой кошмар, – сдавленно пискнула она, отчего Варт рассмеялся в голос.

– Ладно, извини, я соврал: тебя не тошнило. Ты просто вырубилась на диване, пока я заваривал тебе чай покрепче.

Лана отвела ладони в стороны, осторожно посмотрев на наставника, и заметила:

– Надо было меня на том диване и оставить, а не перемещать на кровать.

– Какой бы тогда из меня был мужчина? – недовольно фыркнул Варт. – Так что, неужели я не узнаю, чему был обязан за столь внезапный визит? Я ведь даже не знал, что ты в курсе, где я живу.

– Это я выяснила еще в самом начале, – призналась Лана, растирая пальцами лоб и пытаясь привести мысли в порядок.

– Зачем?

– На случай, если понадобится украсть вашу подушку, – буркнула Лана недовольно: вопросы мешали ей сосредоточиться на вчерашнем дне.

Варт обеспокоенно посмотрел на свою кровать и пробормотал:

– А вот об этом я не подумал...

– Да не переживайте, – отмахнулась Лана. – Чтобы иметь возможность в дальнейшем попадать в ваши сны, я должна была не только поспать здесь, но и погрузиться, а я определенно была не в том состоянии, чтобы это делать.

– О, ну ладно, – с явным облегчением выдохнул он. – Так чего ты от меня хотела? Вспоминай быстрее, а то я, вообще-то, на службу опаздываю, а у меня дела, которые едва ли могут ждать.

Лана тяжело вздохнула, потому что уже вспомнила. И о том, как ушла из дома, намереваясь поговорить с Вартом, и о том, как решила, что для такого разговора ей нужно сначала выпить бокал вина. Для смелости. Или два. Или три. Каким количеством закончилось дело, она точно не знала: дальше все было как в тумане.

– Я поговорила с Арантом по поводу обращения в Легион.

– Правда? И что он сказал?

– Отказался.

– Догадываюсь, раз вы не пришли вдвоем, – улыбнулся Варт. – Меня интересует, объяснил ли он, почему не хочет инициировать расследование?

– Да, – кивнула Лана, опуская глаза.

Она глубоко вдохнула, на секунду задержала дыхание, а на выдохе начала рассказывать. Про Рейна и его родство с главой Темного Ковена, про Скверну, про дневник исследователя, который нашел Арант, про то, как в прошлый раз пришлось сжечь тела всех носителей на безлюдном континенте, чтобы Скверна ни на кого не смогла переползти.

Варт слушал, не перебивая. Лишь когда Лана замолчала, пытаясь незаметно вытереть появившиеся в уголках глаз слезы, тихо произнес:

– Сочувствую, Лана. И тебе, и Марку Аранту. Это ужасно. Но если вы правы, медлить нельзя.

– Я понимаю, – кивнула Лана, не глядя на него. – Поэтому и пришла вчера. Надо...

Звонок в дверь не дал ей договорить. Они с Вартом оба встрепнулись, тревожно посмотрев на дверной проем. Звонок прозвучал довольно близко, из чего Лана сделала вывод, что квартира у наставника таких же скромных размеров, как и спальня.

– Кто это?

– Понятия не имею, я никого не жду. Ты побудь здесь пока, ладно? Я посмотрю.

Он встал с кровати и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Лана тоже вылезла из-под одеяла и оправила на себе одежду, радуясь тому, что не изменила любимым маркам даже после падения их семьи: эти вещи были достаточно дорогими, чтобы не мяться, и в любой ситуации выглядели так, словно ты только их надел.

Она уже принялась приводить в порядок волосы, когда хлопнула входная дверь и в гостиной Варта раздался знакомый женский голос. Лана шагнула к двери и прислушалась. Да, ошибки быть не могло: Индира Хитрик. Лана едва не застонала в голос: вот только ее сейчас не хватает! Если увидит ее дома у Варта, потом со свету сживет!

Не желая быть замеченной, Лана притихла, поэтому разговор коллег был ей хорошо слышен через приоткрытую дверь.

– Не стоило утруждать себя, – сказал Варт, шурша бумажным пакетом. Видимо, Индира ему что-то принесла.

– Да мне было нетрудно, эта пекарня прямо у твоего дома, а ты вечно питаешься непонятно чем.

Брови Ланы удивленно скакнули вверх: такого мягкого тона она у Индиры за все время совместной работы ни разу не слышала. Видимо, он был только для Эрика Варта. Даже показалось, что она улыбается, и Лане отчаянно захотелось выглянуть из спальни, чтобы посмотреть и убедиться, но она себя сдержала.

– Неправда, у меня здоровый и сбалансированный рацион, – таким же мягким тоном возразил Варт.

– Вот именно. А иногда нужно баловать себя чем-нибудь вкусным.

Лана расплылась в улыбке и зажала рот рукой, чтобы не засмеяться в голос. Кажется, Индира говорила не только – и не столько – о еде. Если Варт и сейчас не поймет намека, то с ним все совсем безнадежно. Впрочем, кто сказал, что Варт игнорирует подкаты Индиры из-за непонимания? Может быть, она просто не в его вкусе?

– Что-то случилось? Ты ведь не просто так зашла ко мне с утра, чтобы занести булочки? – судя по тому, что тон Варта сразу стал деловым, последнее предположение Ланы было не далеко от истины.

– Да, наш агент вышел на связь, – Индира тут же переняла этот деловой тон, но в ее голосе слышались нотки разочарования. – В Ковене раскол, Аранта сместили... Или просто часть Ковена вышла из-под его контроля, думаю, пока они и сами еще не знают, что именно случилось. Главное, что заказ на шкатулку скоро будет принят и пойдет в работу. Агент обещал дать знать, как только ему станет известно местоположение шкатулки и личность заказчика.

– Главное, чтобы шкатулку не успели размножить за это время, – проворчал Варт. – Нас по головке не погладят, если это произойдет. Потом мы не сможем быть уверены, что ни одного экземпляра у заказчика и его сообщников не осталось.

– Не думаю, что темным удастся быстро с этим справиться, – довольно уверенно заявила Индира. – Шкатулка создана для того, чтобы поглощать магический поток, любое применение магии к ней закончится тем, что она выпьет из мага все силы. Значит, они будут

осторожны. Сначала попробуют разобраться в принципе работы, потом воспроизвести артефакт вручную. Нам хватит времени вернуть шкатулку и арестовать зачинщиков заговора.

– Будем надеяться.

В гостиной повисла тишина, видимо, все рабочее Индира и Варт обсудили, а дальше разговор завис. Индира, вероятно, ожидала приглашения на чай с принесенными булочками или хотя бы надеялась на их совместное поедание по пути на работу, а Варту нужно было ее как-то выпроводить, чтобы закончить разговор с Ланой и отправить ее домой.

Лана же с трудом боролась с желанием выскочить из своего укрытия и выяснить у Варта, что это за шкатулка такая, которая поглощает магию. И что еще она способна поглотить? Однако Лана понимала, что ее появление в гостиной сейчас будет очень не к месту, а потом держалась. Даже ванильно-коричный запах свежесдобитых булочек ее не сломил.

Она стояла, прижавшись к стене у дверного проема, иррационально стараясь дышать потише, как будто звук дыхания мог ее выдать, и сама обратилась в слух, поэтому не заметила, как что-то маленькое и мохнатое приблизилось к ней по полу. А когда ноги коснулось что-то теплое и мягкое, Лана непроизвольно вскрикнула. Ну как, вскрикнула? Шумно охнула и втянула в себя воздух, но в повисшей тишине это прозвучало почти так же громко, как вскрик.

– Ты не один? – удивленно протянула Индира. – Почему ты не остановил меня? Это же закрытая информация Легиона!

Лана слышала, как Варт удрученно вздохнул. Да, если в его квартире находится женщина, он не должен был позволять Индире вести служебные разговоры. Это пахло халатным отношением к тайне следствия. Теперь уже прятаться было плохой идеей. Лана нагнулась, беря на руки взрослого вупи, чье внезапное появление так ее напугало, и решительно вышла из спальни, почесывая округлое пушистое чудо между острыми ушками. Вупи разнеженно заурчал в ответ на ее ласки.

– Расслабься, Индира, это всего лишь я. У меня есть допуск к служебной информации.

Впрочем, это едва ли могло расслабить их общую коллегу. Она посмотрела на вышедшую из укрытия Лану так, словно та своим появлением плюнула ей в лицо.

– Это не то, что ты думаешь, – быстро сказал Варт, чем как минимум Лане дал понять, что ему все-таки важно мнение Индиры на этот счет.

Лана тем временем подошла к небольшому круглому столу, который обозначал зону столовой, отпустила вупи и заглянула в шуршащий, ароматно пахнущий пакет. Она не помнила, когда ела в последний раз, поэтому больше не могла сопротивляться манящему аромату. Булочки оказались небольшими и многочисленными, поэтому Лана со спокойной совестью вытасила одну и с наслаждением вцепилась в нее зубами.

Лишь снова бросив взгляд на Индиру, поняла, что не стоило этого делать: та смотрела на нее так, словно готова была испепелить на месте. Но вместо этого она резко повернулась и, ни с кем не прощаясь, зашагала к выходу.

– Индира! – окликнул ее Варт, делая несколько шагов следом, но та не обернулась. – Я скоро буду на месте. Договорим...

Входная дверь с грохотом захлопнулась.

– В Легионе, – тихо закончил Варт и сокрушенно покачал головой.

Лана с трудом проглотила едва пережеванный кусок и заметила:

– Неловко вышло. Извините.

– Да ладно, чего уж теперь, – махнул рукой Варт, поворачиваясь к ней и возвращаясь к столу.

Лана к тому времени уже проглотила всю булочку и целилась на вторую, но не решалась взять.

– Да ешь уже, я не буду, – разрешил Варт, и Лана с радостью и облегчением схватила пакет. После вечернего вина она всегда по утрам ужасно хотела есть. – И имей в виду: все, что ты здесь слышала, относится к категории высшей секретности. Ты ни с кем не имеешь права это обсуждать. Даже со мной.

Лана кивнула, торопливо пережевывая вторую булочку, а про себя подумала, что задавать вопросы Варту – действительно не лучшая идея. Арант наверняка знает не меньше про эти шкатулки, а щепетильностью наставника не обладает.

– Я могила, – пообещала она с набитым ртом и мысленно скрещенными пальцами.

– Так, теперь насчет твоего Братта... Прости, но я должен санкционировать его задержание. Его нужно немедленно изолировать.

Аппетит моментально пропал, и пакет, в котором еще оставалось немало булочек, плюхнулся обратно на стол. Лана вспомнила реакцию Братта на ее вполне невинный вопрос о Патрике Крофте. Она видела, как потом Рейна колотило, когда на пороге ее дома появился Варт. Скверна защищала себя и кружила Рейну голову, отравляла его собой. Арант сказал, что зараженные ею темные вели себя агрессивно, пытались сбежать, их пришлось убить. Скорее всего, Рейн тоже не пойдет с легионерами по доброй воле, попытка его ареста может закончиться трагедией.

– Пожалуйста, не нужно, – взмолилась она, заглядывая в глаза Варту. – Он не дастся живым, если вы за ним придете. Мы сами все сделаем. Мы с Арантом. Возможно, нам удастся его или уговорить, или хотя бы обмануть.

– Лана, – мягко произнес Варт, сочувственно глядя на нее, – если все так, как ты мне рассказала, у него все равно нет шансов. Вы же выяснили, что человека от Скверны не очистить, а если он продолжит ее распространять, в итоге погибнут десятки, если не сотни темных.

– Я слышала это полгода, пока искала его на нижнем уровне, – дрогнувшим голосом возразила Лана. – Все твердили: нет шансов, слишком много времени прошло, его не вернуть. А я вернула. Ну... Мы вернули. И мы снова это сделаем. Арант его отец, он не сдастся без боя. И я не сдамся. Просто дайте нам немного времени. Пожалуйста, Варт... Эрик, не губи его!

Она смотрела на него умоляющим взглядом, ни на секунду не отводя глаза, даже не моргая, словно боялась, что это мгновение решит все не в ее пользу.

Варт снова вздохнул и покачал головой.

– Сутки, Лана. Ровно на сутки я готов сделать вид, что ничего об этом не знаю.

Она почти подпрыгнула и даже хлопнула в ладоши, а потом, от избытка чувств, обняла Варта и чмокнула в щеку, чем повергла в шок и ступор.

– Спасибо! Ты настоящий друг!

Ее восторг Варта не впечатлил. Он только опять покачал головой и заметил:

– Если об этом узнают, моей карьере в Легионе конец.

– Никто не узнает, – заверила его Лана.

И в этот раз она была совершенно искренна в своем обещании. И совершенно искренне заблуждалась.

Выскочив за дверь, Индира остановилась, пытаясь унять бешено колотящееся сердце и подступающие к глазам слезы. Она не призналась бы в этом даже самой себе, но замерла еще и потому, что надеялась: Варт выйдет вслед за ней и объяснит, что именно Лана Лерой делает в его квартире этим утром?

Не вышел, не объяснил. «Это не то, что ты подумала» – вот и все объяснение. Интересно, что же еще это может быть?

Было больно. Мучительно больно, горько и совсем чуть-чуть – гадко. Больно, потому что последние три года совместной работы Индира не переставала надеяться. Горько, потому что этим утром надежда умерла. Гадко, потому что в голову лезли дурацкие мысли о том, что эта малолетняя мажорка привлекла внимание Варта молодостью и состоянием, которое даже после частичной конфискации оставалось в десятки, если не сотни раз больше того, что любой из легионеров сможет заработать за всю жизнь. Куда ей, Индире, тягаться с такой соперницей? Она сама поднималась из низов, всего добивалась сама, поскольку не было у нее богатого папочки. И, конечно, пока поднималась, молодость свою пропустила: они с Вартом были почти ровесники.

Ей не хотелось верить, что Варт, в которого она была влюблена буквально с первых дней совместной работы, может быть так примитивен, но назойливый мерзкий шепот так и звучал в ушах. И когда он не вышел за ней, чтобы все-таки объясниться, Индира почувствовала, как внутри разгорается пламя ненависти и как в нем в болезненной агонии сгорает светлое чувство, которым она так долго жила.

Индира обернулась к двери, шмыгнула носом, делая глубокий вдох, и медленно выпустила воздух из легких. Прильнув к стене, она провела по двери указательным пальцем, едва-едва направляя в заклятие магический поток. Очень тонко, очень осторожно. Она была хороша в этом: в заклятиях, позволяющих подслушивать. Эта гадкая богатенькая тварь ведь их подслушивала? Значит, и она имеет право. Ей нужно было убедиться в том, что все именно так, как она подумала, но в итоге Индира получила гораздо больше.

Услышав их разговор, она едва не задохнулась от захлестнувших ее предвкушения и азарта. Одним ударом она теперь могла наказать обоих. Даже если эта фифа соблазнила Варта только ради своего основного любовника, она все равно заслуживала наказания. А Варт заслуживал его еще больше. За глупость и слепоту, нежелание видеть настоящее искреннее чувство, буквально лежащее у его ног.

Индира поторопилась уйти, не желая попасться кому-то из парочки на глаза. И желая успеть добраться до заместителя старшего легионера столицы раньше, чем ее гнев выгорит и она потеряет решимость.

Клинт Траут принял ее далеко не сразу и без особого энтузиазма, но Индира умела пробиваться к начальству, когда того требовала ситуация. Порой это бывало рискованно, но пока опыт показывал, что обычно она делала правильную ставку.

Вот и сейчас, выслушав ее рассказ об исчезновениях темных, о Скверне и о том, что ее распространяет Рейн Братт, формальный сын последнего канцлера, которого Норд Сорроу лично помиловал, и биологический сын Марка Аранта, Траут заметно оживился. Индира видела, как загорелись его глаза, как он сам о чем-то глубоко задумался, кажется, зная, как это использовать с наибольшей для себя выгодой.

– А почему вы пришли с этим ко мне? – наконец спросил он. – Вы ведь должны докладывать руководителю своей следственной группы?

Индира набрала в легкие воздух, собираясь выложить свой последний на сегодня козырь.

«Если об этом узнают, моей карьере в Легионе конец», – снова прозвучало у нее в ушах так отчетливо, словно Варт сам шепнул эти слова.

– Он сейчас очень занят важным расследованием, – выпалила она, – мне не хотелось его отвлекать. Но и ждать это дело не может. Правда ведь?

Траут несколько секунд гипнотизировал ее взглядом. Она не отводила глаза, понимая, что сейчас сделать это означает все-таки опустить занесенный над Вартом меч. А как бы Индира ни злилась на него, как бы ни ненавидела всего час назад, уничтожить его собственными руками не могла.

Наконец заместитель старшего легионера столицы улыбнулся.

– Вы все правильно сделали, госпожа Хитрик. И обязательно будете за это вознаграждены.

Индира едва заметно улыбнулась. О да, будет. И гораздо быстрее, чем Траут может предположить.

Незадолго до того, как в кабинет Марка Аранта нагрянули недовольные им члены Ковена, Его Величество Норд Сорроу тоже работал у себя в кабинете в королевской резиденции. Он как раз проводил очередных визитеров и ждал появления своего секретаря, который должен был просветить его по поводу дальнейших действий. Невзирая на темноту за окном и вечерний час, отдых королю пока не светил: он точно помнил, что в расписании этого дня стояли еще два или три мероприятия, но совершенно не помнил, какие именно.

Секретарь появляться в кабинете не торопился. С тех пор, как король застал его на коленях у ног своей жены, он всеми силами старался его избегать. Насколько в принципе возможно личному секретарю избегать общества той личности, у которой он этим секретарем работает. Серджио Карлос как минимум исхитрился не оставаться надолго с Нордом Сорроу наедине. А если неожиданно в кабинете или хотя бы в поле зрения появлялась Таня, он сбегал, обрывая себя на полуслове и едва не роняя записную книжку.

Сорроу бросал на него хмурые, строгие взгляды, а сам отчаянно старался не рассмеяться: настолько комично при этом выглядел несчастный парень. Король пугал его не просто так, а все надеялся, что тот «расколется» и расскажет, кто его надоумил приударить за королевой. Пока попытка разговора «по душам» закончилась тем, что Карлос ушел в отказ, заявляя, что Сорроу все не так понял и он на самом деле ничего такого не имел в виду. И вообще ему, Карлосу, в тот раз просто показалось, что королева обронила какую-то вещь – он точно не помнил, какую, – вот он и пытался ее найти, опираясь на колено, а потом отвлекся на какую-то ее реплику.

Все это было шито белыми нитками, но Сорроу сделал вид, что поверил: в конце концов, Карлос был хорошим секретарем, которого не хотелось терять. На обучение и притирку к новому уйдет так много времени, что король просто не мог сейчас себе этого позволить.

Однако Чоу он все же попросил организовать за Карлосом наблюдение, надеясь, что тот выйдет на контакт с тем, кто его подкупил (или просто подбил на необдуманый поступок). Однако пока это ничего не дало. Сложность заключалась в том, что по работе Карлос так или иначе общался со всеми подозреваемыми, когда принимал от них документы для короля или организовывал с ним встречу. Приходилось слушать их разговоры и искать в них намеки на сговор, но либо его и правда не было, и Карлос действовал по велению сердца, либо заговорщики хорошо зашифровались.

В очередной раз поймав себя на этих мыслях, Сорроу раздраженно бросил на стол перьевую ручку и растер лицо руками, почти до боли надавил кончиками пальцев на глаза, пытаясь успокоиться и собраться.

Все возвращалось. Паранойя, постоянное напряжение, ожидание удара, страх за семью, которая может пострадать вместе с ним или вместо него. Именно это пять веков назад заставило его создать первую Республику. Тогда он таким образом пытался сказать своему окружению: «Не надо меня убивать, вы можете сменить власть иначе».

Зачем он вообще восстановил монархию и снова попался в эту ловушку? Неужели Фаррел прав, и его тоже поразила эта «болезнь»: слепая вера в то, что, кроме него, никто не способен нести это бремя и справляться с поставленными задачами? Когда-то таким страдал его отец, потом эта уверенность поразила Гордона Геллерта и заставила наворотить таких

дел, что магический мир еще пять веков расхлебывал. Да и канцлер Кролл не желал уходить с насиженного места, вероятно, тоже по этой причине.

Сорроу не хотел вставать с ними в один ряд.

Невеселые мысли были прерваны шорохом открывшейся двери. Король отнял руки от лица, ожидая наконец увидеть своего секретаря, но вместо него в кабинет вошла Таня. Она была одета достаточно свободно, что называется – не «по протоколу»: в удобные джинсы и теплый свитер с высоким горлом, на ногах вместо строгих туфель – удобные ботинки.

Сорроу вопросительно приподнял бровь, молчаливо интересуясь, почему она здесь и почему в таком виде. Таня только загадочно улыбнулась и приблизилась к его столу.

– Серджио не придет, если ты его ждешь, – сообщила явно что-то задумавшая жена.

К первой брови присоединилась вторая, а Таня улыбнулась шире.

– Почему? – все-таки озвучил свой вопрос Сорроу.

– Я велела ему отменить все твои вечерние встречи и отправила отдыхать. Он так посмотрел на меня... Но ничего не смог возразить. Кажется, у него вообще появилась проблема: он теперь не может разговаривать со мной или в моем присутствии.

Сорроу откинулся на спинку кресла, сцепив перед собой руки в замок, и тоже улыбнулся. Это определенно было только начало: Таня не стала бы ломать его рабочее расписание без крайней необходимости.

– Что ж, было бы глупо ожидать, что он сможет тебе возразить. Но чего ради, Таня? Что ты задумала?

– У нас сегодня семейный вечер, Ян. И это не обсуждается, – заявила та уверенно.

И с таким видом, словно собиралась стоять насмерть за свой план. Как будто он мог быть против.

– Тебе нужна передышка, – добавила Таня, видя, что муж молчит. – Перезагрузка. Назови это как хочешь. Немного времени со мной, детьми и нашими друзьями.

– О, мы идем в гости? – догадался Сорроу. И сделал вид, что задумался: – Интересно, к кому же?

Таня состроила ему гримасу, мол, не смешно. Во всем королевстве существовало только одно место, которое охранялось так же хорошо, как и королевский дворец, и куда Сорроу мог позволить себе сорваться в любое время, не доведя до истерики главу службы королевской безопасности.

– Фарлаги уже нас ждут. Насколько я знаю, Хильда и Дилан тоже будут. Дети готовы, я тоже, так что переоденься во что-нибудь удобное – и сразу отправимся.

Не говоря ни слова, Сорроу поднялся со своего места, обошел стол, заключил жену в крепкие объятия и притянул к себе для поцелуя. А когда отстранился, задал только один вопрос:

– Я уже говорил сегодня, что люблю тебя?

– Один раз, кажется, утром, убегая из-за стола по делам. Если быть точной, это я успела крикнуть на прощание: «Люблю тебя», а ты ответил: «И я тебя».

Сорроу задержал взгляд на ее лице. Таня никогда не упрекала его прямо, но в такие моменты он особенно остро чувствовал: да, их брак получился совсем не таким, как она рассчитывала. По его вине. И в очередной раз ему отчаянно захотелось это изменить.

– Я люблю тебя. Больше всего на свете.

Слова прозвучали гораздо серьезнее, чем он планировал. В них слышалось неизреченное и еще даже до конца не осознанное им обещание.

Но ее ответная улыбка все равно выглядела немного грустной.

– Тогда поторопись. Время идет.

Смена официального костюма на более удобную одежду не заняла много времени, но когда Сорроу добрался до портала, там его действительно уже ждала вся семья, а также Чоу и десять офицеров службы королевской безопасности. Сорроу бросил на Чоу вопросительный и слегка осуждающий взгляд, как бы спрашивая: не многовато ли? Чоу только равнодушно моргнул, сделав вид, что не понял вопроса. Скорее всего, он считал, что этого даже мало.

Сорроу был рад видеть, что даже Тим не стал пренебрегать семейным походом в гости. Приемный сын все еще избегал его и не желал разговаривать за пределами необходимого минимума, что, безусловно, очень расстраивало короля. Впрочем, его присутствие здесь не стоило воспринимать как хороший знак. Вероятно, он просто не решился послушаться Таню. Или заскучал по своей подруге детства – дочке Фарлагов.

У портала на другой стороне их встречали всей толпой. Вокруг Найта и Тары крутились и Марита, которая была чуть старше Дарена и на два года младше Тима, и семилетние мальчики-близнецы, которые были примерно на год старше Кэти – младшей дочери Тани и Яна. Чуть позади хозяев стояли не так давно поженившиеся Дилан и Хильда. Они потомством пока обзавестись не успели.

Дети первыми бросились друг другу навстречу с радостными воплями и объятиями. Взрослые приветствия выглядели куда сдержаннее, но при этом не были менее сердечными. Жизнь крепко переплела судьбы трех пар и со временем превратила в близких друзей, которые уже плохо помнили, с чего началось их общение и как развилось.

К удивлению Сорроу, совместный ужин намечался не в столовой, а на улице, буквально на границе с закрытым пляжем, которым мог похвастаться дом Фарлагов, стоявший на берегу моря. Здесь было значительно теплее, чем в Аларии, поскольку климат этой части континента всегда отличался более высокими температурами. Но пока после захода солнца воздух на улице все равно оставался бодрящим. Впрочем, свето-тепловые шары и чаши с огнем, окружавшие площадку с двумя столами – взрослым и детским – решали эту проблему.

Сорроу сразу прочувствовал, насколько права была его жена, устроив этот вечер. Впервые за последние несколько месяцев ему удалось расслабиться, почувствовать себя в безопасности. Он был в окружении приятных ему людей, которым полностью доверял, его охрана вела себя скрытно и не мозолила глаза. Сам Фарлаг свой дом охранял очень тщательно, опасаясь за жизнь жены: Тара была наполовину русалкой и источником одного из редчайших и ценнейших ингредиентов для снадобий, что старательно скрывалось, но вероятность того, что об этом узнают, всегда оставалась.

Еда и вино, как и всегда в этом доме, были выше всяческих похвал, пахло морем и немного дымом, старым друзьям всегда было что друг другу рассказать, что обсудить и над чем вместе посмеяться. Собирались они не так часто, как всем хотелось бы, а потому беседы получались особенно приятными.

– Я не могу поверить, что ты пришла в платье, – поддела Таня Хильду буквально в первые же минуты разговора, когда вино только разливалось по бокалам.

Назвать одежду Хильды платьем можно было с большой натяжкой: это больше походило на длинный свитер, едва прикрывающий попу. Но теплые плотные лосины на ногах делали этот наряд вполне пристойным.

– Я ношу платья, – не поняла ее замечания Хильда. – Я обожаю платья. Разве я не ношу платья? – обратилась она к Дилану.

– На нашу свадьбу ты платье не надела, – с улыбкой заметил тот, гораздо лучше уловив, к чему клонит Таня. Та до сих пор не отошла от шока после появления подруги на свадьбе в форме Легиона.

– Но легионеры всегда женятся в форме, – фыркнула Хильда, изображая раздражение. Впрочем, не слишком убедительно. – В этом нет ничего такого...

– Думаю, ключевое слово здесь – женятся, а не выходят замуж, – поддержала подругу королеву Тара. Ее выбор Хильды тоже немного удивил.

– Да какая разница? – махнул рукой Найт. – Главное, что они прекрасно смотрелись вместе.

– И требование традиций о нарядах одного тона было соблюдено как никогда безукоризненно, – добавил Дилан, который удивился бы только в том случае, если бы Хильда на их свадьбу все же пришла в платье, а не в форме. Но он любил ее одинаково сильно в любой одежде. А совсем без одежды – даже немножечко сильнее.

– Найт, тебе там точно удобно? – поинтересовался Сорроу, меняя тему и обращаясь к хозяину дома, который – вопреки всем требованиям этикета – не сел во главе стола напротив него, а отдал это место жене, предпочтя сесть между ней и королевой.

– А разве похоже, что мне неудобно? – картинно изумился тот и накрыл ладонью руку Тары. – Мне нравится быть рядом с женой.

– А главное: с этого места он не видит море, – громким шепотом пояснила Тара.

Стол действительно стоял таким образом, что Таня и Найт сидели к нему спиной, Хильда и Дилан – лицом, а Сорроу и Тара, соответственно, – боком.

Присутствующие не сдержали добродушный смех, поскольку о водобоязни Найта все прекрасно знали. Его это ничуть не смутило, он лишь кивнул и притворно-недовольно проворчал:

– Достаточно и того, что я его постоянно слышу.

– Норд, как мой брат справляется со своей работой в Совете? – поинтересовалась Тара.

Она с трудом отвыкла называть его «профессором Норманом», поскольку в свое время училась у него. Когда их отношения стали предполагать обращение по именам, она сразу стала привыкать к настоящему.

– О, нет-нет, умоляю, только не о делах! – тут же встрепенулась Таня, молитвенно складывая руки и переводя взгляд с мужа на подругу и обратно.

– Ой, прости, не подумала, – повинилась Тара.

– Как и все мудрые люди, – все-таки решил ответить Сорроу, – он внимательно слушает и мало говорит. Но если уж открывает рот, то говорит по делу.

Тара расплылась в довольной улыбке, а Сорроу ненавязчиво сменил тему. Ему тоже не хотелось говорить о делах. Хотелось безмятежного вечера, во время которого можно забыть о том, что он король.

Конечно, полностью забыть о работе не удалось. Когда еда была съедена, новости обсуждены, а дети успели не только поесть, но и набегаться, они запросили десерт в виде поджаренного на огне зефира. Поскольку и Тара, и Таня сходились во мнение, что огонь и дети без родительского присмотра – это плохое сочетание, приготовлением десерта они отправились заниматься сами. Хильда и Найт вызвались им помочь, а Сорроу с Мором, обменявшись многозначительными взглядами, воспользовались этим моментом, чтобы улизнуть и перекинуться парой слов.

Взяв по бокалу вина, они неспешно направились к кромке воды, якобы желая размяться и немного пройтись, наслаждаясь шелестом волн. На самом же деле ни один не хотел, чтобы кто-то подслушал их разговор.

– Как продвигаются поиски шкатулки? – поинтересовался Сорроу, когда они отошли на достаточное расстояние.

Идти в ботинках по песку было сомнительным удовольствием, но время разуваться и ходить босиком, позволяя песку просачиваться между пальцами, еще тоже не настало.

– Этим занимаются мои лучшие люди, – заверил его Мор, зачарованно глядя, как волна, покрытая белыми барашками пены, лениво накатывает на берег с плеском, а потом также лениво откатывается назад с тихим шорохом.

Сорроу обернулся через плечо, находя взглядом Хильду. Мор понял его вопрос без слов и уточнил:

– У нее с недавних пор другая должность: она теперь возглавляет следственный отдел Легиона. Так что дело у нее на контроле.

Сорроу едва заметно кивнул и тихо добавил вслух:

– Жизненно важно, чтобы шкатулку не открывали.

Мор покосился на короля.

– Мои люди осведомлены об этом, но каждый из нас задается вопросом: почему? Мы что-то не знаем о свойствах шкатулки? Я думал, ее опасно открывать только в том случае, когда магический поток уже направлен в заклятие.

Сорроу поднес к губам бокал вина, не торопясь с ответом, сделал вдумчивый глоток и скупно пояснил:

– Нет, не только. Но лучше, если больше твои люди знать не будут. Просто не позволяйте шкатулке открыться. И все будет хорошо. Никаких новостей по поводу личности похитителя?

Мор качнул головой и отвел взгляд.

– Мне неприятно это говорить, но судя по тому, как все сделано, это не просто тот, кто живет или часто бывает в резиденции. Вероятно, у него есть сообщник в службе королевской безопасности. Следы заметены со знанием дела и со знанием защитных и охранных чар.

– Проклятье, – пробормотал Сорроу, прикрывая глаза. – Это скверная новость. Надо сказать Чоу.

– Уже.

Они прошли еще несколько шагов, пока Сорроу не увидел впереди у кромки воды одинокую фигуру мальчика. Похоже, Тим не был сильно заинтересован в поджаренном на огне зефире, а потому откололся от компании, толпящейся вокруг чаши с огнем и весело смеющейся. Он стоял, скрестив руки на груди и сутулясь, и смотрел куда-то в темную даль.

Сорроу покрутил в руках уже почти пустой бокал, гадая, как лучше поступить: оставить его здесь, отправить по воздуху на стол или пойти к сыну прямо с ним.

– Давай я отнесу, – с улыбкой предложил Мор.

Сорроу отдал ему бокал, сопроводив это действие благодарным взглядом, и медленно направился к сыну, давая Морю возможность отойти достаточно далеко.

– С каких пор ты не любишь оплавившийся сахар? – с улыбкой поинтересовался он, вставая рядом с Тимом и тоже устремляя взгляд вдаль. Руки его при этом были привычно сцеплены за спиной.

Сын только хмуρο покосился на него и не ответил.

– Ну же, поговори со мной, – не выдержал Сорроу, поворачиваясь к нему. – Ты ведь уже почти взрослый юноша, ты должен знать, что молчанием и надуванием губ и щек проблему не решить.

Тим бросил на него еще один хмурый взгляд исподлобья, но все-таки заговорил:

– Почему ты усыновил меня? Для чего? Только честно!

Одна волна неожиданно накатилась на берег сильнее, чем предыдущие, едва не коснувшись их ног. Ни король, ни его приемный сын не шелохнулись, словно даже и не заметили этого.

– Честно? Хорошо, – вздохнул Сорроу. – По нескольким причинам. Во-первых, я чувствовал себя виноватым. Пусть я этого не хотел, но твоего отца я действительно убил. И отчасти был виноват в гибели твоей матери. Во-вторых, мне было тебя жаль. Ты был маленьким, невинным ребенком, потерявшим все. Одиноким и никому не нужным. У тебя не было достаточно близких родственников, которые смогли бы взять тебя к себе, а потому ждал только приют. Мне не хотелось этого.

Он замолчал, собираясь с силами и мыслями, чтобы озвучить еще одну причину, в которой не признавался никому и никогда.

– В-третьих, я хотел детей, но мне уже начало казаться, что Таня их то ли не хочет, то ли не может иметь... То ли со мной что-то не так, а она не хочет меня этим расстраивать. В-четвертых, я понимал, что рано или поздно кто-нибудь узнает, чей ты сын, и захочет это использовать. Я хотел иметь возможность первым рассказать тебе, как все было на самом деле. Хотел быть тем, кого ты станешь слушать и не сможешь по-настоящему возненавидеть.

Тим резко втянул воздух, как-то совсем по-детски шмыгнув носом.

– Тогда почему не рассказал? – его голос дрогнул, когда он озвучил свой вопрос, отчего Тим еще сильнее нахмурился, недовольный теперь и собой.

– Потому что все ждал подходящего момента, а он все не наступал, – грустно улыбнулся Сорроу. – Знаешь, в самом начале наших отношений я так ждал момента, чтобы рассказать Тане правду о ней. И все откладывал, потому что понимал: правда причинит ей боль. И тебе она тоже причинила бы ее... Она и причинила. Понимаешь, когда любишь, очень трудно найти подходящий момент, чтобы сделать больно. Да, оба раза я сделал только хуже своим молчанием, но...

Он неловко пожал плечами, так и не найдя подходящих слов.

Но Тиму они, кажется, были уже не нужны. Он чуть-чуть расслабился, перестал походить на нахохлившегося птенца, его спина немного распрямилась, руки расплелись. Сознательно или нет, но он сцепил их за спиной, повторяя позу приемного отца. А потом очень серьезно попросил:

– Тогда расскажи сейчас. Свою версию событий.

Многое из того, что требовалось рассказать, вспоминать и озвучивать не хотелось и сейчас, но Сорроу дали шанс высказаться и упускать его он не собирался. Он говорил долго,

иногда сбивчиво, хотя обычно прекрасно контролировал любой разговор. И то, что Тим постепенно разворачивался к нему и сокращал расстояние между ними, давало ему понять, что все получается.

Когда в своем рассказе он дошел до убийства его матери, Тим не выдержал: его лицо исказилось, подбородок задрожал сильнее, из глаз хлынули слезы. Он попытался отвернуться, чтобы Сорроу не увидел этого, но тот не дал. Развернул сына к себе и крепко обнял, утешающе погладил по голове, снова невольно вспоминая, как рыдал над гробом матери примерно в таком же возрасте.

Тим не стал вырываться, наоборот, обнял отца – приемного, но единственного, которого знал в своей жизни, – и прижался щекой к его груди.

– Прости, – выдавил он с трудом, – что накричал... тогда...

– Ерунда, забыли, – улыбнулся Сорроу. – Я сам был виноват: надо было поговорить обо всем раньше.

Он еще какое-то время просто держал сына в объятиях, пока тот окончательно не успокоился. Только убедившись, что тот полностью вернул себе самообладание, Сорроу спросил:

– Тим, кто тебе все рассказал?

– Сам не знаю, – он виновато пожал плечами. – Просто однажды я нашел в своей комнате конверт. В нем было письмо, подписанное: «Друг твоего настоящего отца, который обещал ему однажды рассказать тебе правду». А к письму были приложены вырезки из старых газет.

– Наверняка из специфической подборки изданий, – понимающе кивнул Сорроу. – Умно.

– Пап? Кто-то затевает против тебя заговор?

– Боюсь, что так.

– Но ты ведь победишь его? Или их?

Сорроу улыбнулся, обнял Тима за плечи и подтолкнул в сторону остальной компании, которая, налопавшись зефира, снова сидела за столом, теперь уже за одним: дети со взрослыми, закутавшись в теплые пледы, поскольку стало еще немного прохладнее.

– Я очень постараюсь. Если вовремя пойму, кто это и смогу нанести предупреждающий удар.

– Пожалуй, не хочу я быть королем, – тихо признался Тим, пока они с трудом шли по песку к площадке у пляжа. –хлопотно это.

– Не то слово... Эй, у вас остался зефир? – уже громче поинтересовался Сорроу, когда они подошли к остальным. – Кажется, нам не хватило?

– В большой семье клювом не щелкают, – хмыкнул Найт, на коленях которого, закутанная в плед, удобно устроилась и, кажется, уже дремала Марита.

– Я приберегла для вас немного, – завершила Таня, доставая пакет из складок своего пледа. Протянув его мужу, она тихо уточнила так, чтобы слышал только он: – Все хорошо? Вы поговорили?

Сорроу кивнул и быстро поцеловал ее в губы, забирая зефир, и также тихо шепнул в ответ:

– Перезагрузка – что бы это ни значило – удалась. Теперь я знаю, что делать дальше.

Поскольку выданного Вартом времени было очень мало, Лана не стала медлить. Ей срочно требовалось найти Аранта и поговорить с ним о шкатулке, вот только она точно не знала, где его искать: дома или в клубе. Учитывая подслушанный разговор, в котором также был упомянут раскол в Ковене, дом выглядел более перспективно. По крайней мере, она сама предпочла бы в такой ситуации оказаться дома. Однако, подумав еще немного, Лана пришла к выводу, что в случае с Арантом нельзя быть абсолютно уверенной. Если он занялся спасением разваливающегося Ковена, мог делать это и из клуба.

В итоге Лана решила попытаться дотянуться до него через зеркальный лабиринт, хотя и не была на сто процентов уверена, что Арант вообще пользуется зачарованными зеркалами. Штука удобная, но пока еще далеко не всеми магами оцененная. Лана и сама оценила ее не так давно.

Особенностью использования лабиринта было то, что заклятие тянулось не к конкретному зачарованному зеркалу, а к самому магу. Дотянуться можно было только до того, с кем ты лично знаком, если он находится достаточно близко к такому зеркалу. На ее счастье, у Аранта такое имелось.

– Лана? – удивился он, когда в зеркале вместо обычного отражения появилось его лицо. – Ты где?

– О, как раз имею к вам тот же вопрос, – бодро ответила Лана, не переставая шагать к городскому portalу и пытаясь по заднему фону определить, где Арант находится. Пока это не было похоже на клуб. Вероятно, он все-таки дома, хотя что-то ее и смущало. – У меня к вам срочный разговор насчет Рейна и Скверны... Пойдите...

Она и сама остановилась, разглядывая краешек картины, который было видно через зеркало за спиной Аранта.

– Вы что, у нас на кухне?

Арант посмотрел куда-то вверх зеркала, едва заметно улыбнулся и пожал плечами.

– Да, поэтому, будь добра, явись уже домой, ты должна сестре несколько объяснений. И мне заодно было бы интересно узнать, где тебя носило всю ночь.

У Ланы удивленно приоткрылся рот, но потом она решила, что сейчас не имеет смысла тратить время на размышления о том, почему Арант завтракает на их с Мартой кухне и так странно с ней разговаривает.

– Скоро буду, – лаконично пообещала она.

С помощью порталной сети она добралась до дома довольно быстро: Марта и Арант еще не успели закончить завтрак и одного взгляда на их лица Лане оказалось достаточно, чтобы все понять.

– Так вы у нас ночевали, – выдохнула она, садясь на свободный стул за кухонным столом, подпирая подбородок обеими руками и довольно улыбаясь.

Марта почему-то смутилась и отвела взгляд, а Арант отреагировал гораздо спокойнее.

– Ты разве об этом торопилась поговорить со мной?

– Да нет, что об этом говорить? Совет да любовь, я ничего не имею против, а подробности лучше потом у Марты выпытаю. Ситуация с Рейном сейчас важнее, Варт дал мне всего сутки...

– Варт?! – переспросил Арант, едва не поперхнувшись чаем. – Ты настучала в Легион?

– Послушайте, он и так уже знал, что Рейн и неведомое черное облако имеют отношение к происходящему! И потом... Вчера я была уверена, что все плохо, что мы ничем не сможем помочь Рейну, что теперь мы можем только остановить распространение Скверны. И да, я пошла к Варту, потому что только Легион мог помочь нам это сделать.

Арант прищурился, уловив в ее эмоциональной тираде главное.

– Вчера? Сегодня ты уже в этом не уверена?

– Сегодня утром я услышала разговор Варта с нашей коллегой – Индирой Хитрик. Они говорили о какой-то украденной у короля шкатулке, которую кто-то хочет размножить с помощью магов Ковена...

– Да, я знаю, – перебил Арант. – Этот заказ поступил некоторое время назад, но мы отказались. Точнее, это я наложил запрет, так что теперь...

– Когда часть Ковена вышла из-под вашего контроля, – в этот раз Лана перебила его, демонстрируя свою осведомленность, – заказ будет исполнен, да. Но я не об этом. Мои коллеги обсуждали то, что эта шкатулка способна поглощать магию, расходуя магический поток. А что еще она способна поглотить?

Арант непонимающе моргнул, но потом все же соединил кусочки мозаики и с сожалением покачал головой.

– Нет, Лана, если ты думаешь, что шкатулка способна поглотить Скверну...

– Но почему нет? – возбужденно возмутилась Лана. – Скверна сцепляется с магическим потоком, у них явно какая-то схожая природа!

Глава Темного Ковена – или того, что от него осталось, – открыл рот, собираясь объяснить, не сумел найти нужных слов, закрыл рот и растерянно посмотрел на Марту. Та только приподняла брови, поскольку ей тоже было очень интересно послушать его аргументы. Они обе не были сильны в теории магии, особенно в темной ее стороне.

– Хотя бы потому, – наконец нашелся Арант, – что Скверна не покидает тело мага во время сотворения заклятия. Понимаешь, если шкатулку просто открыть рядом с кем-нибудь, она не выпьет из него магию. В противном случае в артефакте просто не было бы смысла: он бы выпивал всех магов, оказавшихся рядом. И того, кто нападает, и того, на кого нападают...

– А этот артефакт точно работает именно так? – уже не так уверенно поинтересовалась Лана.

– Да, Лана, – вздохнул Арант. – Точно. И потом, даже если нет... Откроем шкатулку рядом с Рейном, она выпьет его полностью: и Скверну, и темный поток, и светлый. И это его убьет. Но я не думаю, что шкатулка работает так, никому в здравом уме не пришло бы в голову подобное создавать. А уж тем более хранить во дворце.

Лана прикусила губу, задумавшись. Наполнявшая последние полчаса надежда стремительно таяла, но умирать не собиралась.

– Значит, нужно, чтобы Скверна вышла из Рейна... – задумчиво пробормотала она.

– А судя по всему, это происходит только в одном случае: когда темный умирает. Скверна выходит, чтобы вселиться в нового носителя.

– Не только, – покачала головой Лана. – Я же видела во сне, как черное облако обволакивало Крофта. Очевидно, оно сначала... вышло из Рейна, чтобы заразить следующего...

– А ты видела, как оно вышло из Рейна? – поинтересовалась Марта тихо, невольно перебив сестру.

Лана задумалась, воскрешая в памяти образы гнетущего кошмара, и наконец покачала

головой.

– Нет, когда я во сне заглянула в комнату, черное облако уже клубилось вокруг Крофта, проникало в него. Откуда оно взялось, я не видела, но откуда еще?

Она с надеждой посмотрела на Аранта. Тот сидел, хмурясь и задумчиво поглаживая пальцами подбородок.

– Да, пожалуй, – медленно согласился он. – Значит, нам нужны шкатулка и приманка: темный, которого Скверна захочет поразить. Если нам повезет, открыв шкатулку во время попытки заражения, мы пленим ту часть Скверны, которая сейчас находится в Рейне.

– А если не повезет? – мрачно уточнила Марта.

Арант безразлично пожал плечами.

– Тогда тот, кто будет приманкой, тоже окажется заражен, а у нас останется только один вариант.

– Убить Рейна? – испуганно пробормотала Лана.

– Временно, – кивнул Арант. – Ровно настолько, чтобы Скверна решила покинуть его тело. Потом можно попробовать его вернуть. Некоторые яды могут доводить организм до временной смерти. Порой даже не нужно принимать противоядие: если доза рассчитана верно, то человек сам возвращается к жизни.

– Что ж, оставим это на крайний случай, – предложила Лана. – Благо, у нас есть знакомый Мастер Снадобий, наверняка способный создать такое и правильно рассчитать дозу. Но для начала Рейна надо изолировать. Варт дал мне всего сутки. За это время мы должны если не решить проблему, то хотя бы остановить ее распространение.

– А изоляции Рейна достаточно, чтобы остановить заражение? – с сомнением уточнила Марта. – Ведь уже много зараженных.

Арант снова кивнул.

– В том журнале, который я читал, говорилось, что активным источником распространения заражения был только маг, побывавший за гранью, то есть, на уровне темных. Остальные темные становились источником заражения только в том случае, если погибали: только тогда поразившая их Скверна перепрыгивала на другого. Изолируем Рейна, остановим распространение. А потом найдем и остальных зараженных.

– Как именно? – не поняла Марта.

– Скверна контролирует их и будет защищать себя. Они сами придут к нам за ним.

– Ой, – вырвалось у Ланы. – Это паршивая новость.

– Да, – согласился Арант. – Потребуется охрана. Я соберу тех, кто остался мне верен. И попытаюсь добраться до шкатулки.

С этими словами он поднялся из-за стола, делая напоследок большой глоток чая.

– А что делать нам? – поинтересовалась Лана.

Арант одарил ее строгим взглядом и велел:

– Сидите здесь и ни во что не лезьте. Ждите новостей от меня.

– Но...

– Никаких «но», Лана! Это темная магия и серьезные дела, в которые уже замешан Ковен и Легион. Еще вот тебя там не хватает!

– Ладно-ладно, – ворчливо протянула Лана, сникая. – Сижу, жду, никуда не лезу...

– Вот и молодец, – улыбнулся Арант.

Обходя стол, он задержался рядом с Мартой, чтобы поцеловать на прощание. Щеки Марты в ответ заметно порозовели то ли от смущения, то ли от удовольствия.

Когда за Арантом закрылась дверь, Лана не выдержала и обиженно добавила:

– Вообще-то идея была моя! Сам-то великий глава Темного Ковена не додумался про шкатулку!

– Порой незнание того, что что-то невозможно сделать, дает фору во время поиска решения, – глубокомысленно изрекла Марта, улыбаясь.

Лана перевела на нее взгляд, недовольство на ее лице тут же растворилось, его сменило любопытство.

– Ну, давай рассказывай, – потребовала она у сестры. – Я жажду всех подробностей.

Арант с трудом понимал произошедшие с ним за ночь метаморфозы, но они ему нравились. Накануне он пребывал в ступоре. Не мог заставить себя пошевелиться, начать действовать. Даже просто выйти из кабинета. Ему казалось, что все кончено, битва проиграна еще до ее начала. Предательство Ковена только усугубило это впечатление. Последний раз он чувствовал себя таким раздавленным, уничтоженным в тот день, когда его любимая девушка, холодно цедя слова сквозь плотно сжатые зубы, велела ему навсегда исчезнуть из ее жизни. И забыть о ее ребенке.

Тогда он нашел силы в злости, в охватившей его ненависти, а в этот раз в чем-то совсем ином. В недрогнувшей вере Марты в то, что он справится с ситуацией. В немного наивной надежде Ланы на то, что шкатулка поможет. Так или иначе, а они обе дали ему необходимый стимул, прочистили голову, зарядили уверенностью в себе.

Теперь Арант был полон решимости и сожалел лишь о том, что потерял целые сутки на свои колебания. Времени и так было немного.

В первую очередь ему требовалось выяснить, сколько людей осталось в его распоряжении. Больше всего надежд он возлагал на охрану клуба. Формально эти ребята тоже состояли в Ковене, но с незаконной стороной его деятельности не соприкасались. Они были просто личной службой безопасности Аранта, и их едва ли интересовали внутренние интриги. Он хорошо им платил за обеспечение его безопасности и неприкосновенности. Скорее всего, они продолжают работать на него и при нынешнем раскладе сил. Им можно поручить сторожить и охранять Рейна, когда получится его изолировать.

Однако, явившись в клуб, Арант нашел там даже больше, чем искал. Два десятка человек – одни были из ближнего круга, других он едва знал в лицо, третьих видел впервые в жизни – ждали его, чтобы подтвердить: для них он все еще глава Ковена. И это придало ему еще немного сил.

Сделав необходимые распоряжения, он попытался разыскать Рейна, но в общегитии СКА того не оказалось. Где еще он мог быть – если не у него дома и не в «Сиянии» – Арант не знал, но найти кровного родственника для него не составляло большого труда. Для этого не требовалось даже заметного использования темного потока.

Как только точка была определена, Арант открыл портал, и с ним в него прошли четыре охранника, которые должны были вмешаться только в случае возникновения проблем с Рейном. До тех пор от них требовалось держаться в стороне и наблюдать.

Оказалось, что Рейн сбежал от всего подальше от Аларии. Судя по тому, что рядом с ним стоял на подножке магоцикл, бежал он именно на нем: ехал, куда глаза глядят, пока

дорога не привела к огромной расщелине – Мидарскому Каньону. Нет, ехать можно было и дальше, но Рейн то ли устал бежать, то ли просто остановился полюбоваться грубой пыльной красотой.

Он сидел на огромном камне, глядя на раскинувшийся внизу каньон, но, возможно, не видел его. Отчасти его нахождение здесь было хорошим знаком: если Рейн понимает, что с ним происходит, и намеренно пытается держаться подальше от людей, чтобы не распространять Скверну, значит, он еще контролирует ситуацию.

– А здесь красиво, – заметил Арант вместо приветствия, подходя к Рейну со спины. – Слышал об этом месте, но никогда тут не был. И вот, довелось...

Рейн едва заметно вздрогнул, услышав его голос, даже бросил быстрый взгляд через плечо, но этим его реакция и ограничилась. Он не вскочил с камня, не повернулся к Аранту, не велел ему убираться, напоминая, что ненавидит и не хочет знать. Все это тоже было добрым знаком.

– Зачем ты здесь? – только и спросил он.

Его голос прозвучал глухо, устало, в нем сквозила та же безысходность, которую Арант испытывал накануне.

– Чтобы помочь. Что бы ты ни думал, ты мне дорог.

– Поэтому ты бросил меня? – едко уточнил Рейн, презрительно усмехнувшись.

– Нет, бросил я тебя, потому что разозлился на твою мать, – не стал юлить и обелять себя Арант. – Я любил ее, а она предала меня. По крайней мере, так я тогда считал. И я не буду сейчас врать, что всю жизнь только о тебе и думал. Двадцать с лишним лет я едва осознавал, что где-то там есть мой сын. Я не горжусь этим, но и стогать со стыда, сам знаешь, не мой конек. Но когда я узнал, что тебя изгнали, я специально нашел тебя. Точнее, сделал так, чтобы ты нашел меня. Потому что понимал: кроме меня, тебе никто не поможет. Что было дальше, ты и сам знаешь.

– Почему ты не сказал мне? – на этот раз вопрос прозвучал гораздо спокойнее. – Неужели ты не видел, что это могло все для меня изменить?

– Нет, Рейн, я не видел! Я считал, что слишком поздно заявлять свои отцовские права. Ты уже был взрослым мужчиной...

– Я был двадцатилетним мальчишкой, – возразил Рейн.

– Тоже верно, но я в твоём возрасте уже стал отцом и создал то, что в последствии превратилось в Темный Ковен, – слабо улыбнулся Арант. – Рейн, я не отрицаю, что совершил немало ошибок. Но последние десять лет все, что я делал, я делал для тебя. Я менялся ради тебя. И благодаря тебе. Я помогу тебе и сейчас, хочешь ты того или нет. Я найду способ разобраться со Скверной. Мы его уже почти нашли...

– Со Скверной? – заинтересованно переспросил Рейн, наконец поднимаясь с камня и поворачиваясь к Аранту.

– Да, так называется то, что прицепилось к тебе на уровне темных. Оно влияет на тебя, заставляет делать то, что нужно ей, чтобы переползть на других темных. Ты не виноват в этом, но ты источник.

– Нет, постой, тут какая-то ошибка, – мотнул головой Рейн. – Все не так...

Рейн не успел договорить: сразу несколько порталов открылось позади Аранта, из них уверенно шагнули боевики Легиона. Много, слишком много для двух темных. Даже если учесть ожидающих сигнала охранников...

– Рейн Братт, – громко объявил их главный, пока остальные растекались в стороны,

пытаясь взять Рейна и Аранта в кольцо, но обрыв каньона им мешал, – у нас приказ о вашем задержании. Вытяните руки вперед, чтобы мы могли надеть на вас браслеты.

– Это ты привел их? – моментально взвился Рейн, даже не думая подчиниться требованию легионера. Вместо этого он призвал магический поток, создавая вокруг себя щит. Темный щит.

– Ты с ума сошел? – огрызнулся Арант. – Мне это зачем?

Рейн недоверчиво сощурился, но закрываться щитом еще и от Аранта не стал.

А у того сердце бешено ухало в груди, больно стучась о ребра и сбивая всегда ровное дыхание. Легион видимо знает, что Рейн не сдастся без боя, и осведомлен о том, что он опасен. Варт не сдержал данного Лане слова, а потому сюда прислали гораздо больше боевиков, чем объективно было необходимо. Возможно, вшестером они смогут отбиться, но в такой битве всегда есть потери. И Арант не мог допустить, чтобы этой потерей стал Рейн. Хотя бы потому, что Скверна наверняка прыгнет в него, как в самого сильного мага из присутствующих темных. И тогда магическому миру конец.

Легионер повторил свое требование, Рейн продолжал закрываться и готовиться к нападению. Охрана Аранта не выдержала и подошла ближе, вопросительно глядя на него и молчаливо требуя распоряжений.

Времени на принятие решения было не больше пары секунд. И Арант принял его.

– Прости, – шепнул он Рейну прежде, чем повернуться к нему и ударить быстрым заклятием, моментально отключающим противника.

Рейн этого удара не ожидал, а потому и закрыться от него не успел.

– Как вы могли отдать им Рейна?! Арант, вы с ума сошли?

Только лишь услышав о том, что случилось у Мидарского Каньона, Лана буквально потеряла дар речи, но спустя минуту или две он к ней вернулся, и она обрушила на Аранта лавину своего негодования.

– А что мне оставалось делать? – вяло отбивался Арант, сидя в глубоком кресле у камина и делая вид, что пляска пламени его крайне интересует. – Ввязаться в драку, рискуя его угробить? Скажи «спасибо» своему дружку-легионеру, который обещал дать нам время, но обманул!

Лана, метавшаяся по комнате, остановилась, словно налетела на стену. Повернулась к Аранту, горестно хмурясь, и отрицательно покачала головой.

– Нет, Варт не мог. Он человек слова. Если Легион все узнал, то точно не от него.

– Но кто еще мог об этом сообщить? – мягко уточнила Марта.

Она, конечно, присутствовала при разговоре, но больше в качестве наблюдателя, поскольку мало чем могла помочь. Кроме как настроиться на волну Рейна и заверить Лану и Аранта в том, что с ним пока все в порядке, он в безопасности.

– Индира! – после минутного размышления догадалась Лана. – Больше никому! Она, должно быть, не ушла, а подслушала наш разговор. Она могла настучать.

– Ладно, теперь уже неважно, – отмахнулся Арант. – Что сделано, то сделано, надо думать, что делать дальше. Меня беспокоит судьба шкатулки. К этому времени я надеялся получить если не ее саму, то хотя бы информацию о ее местонахождении.

Все трое как по команде посмотрели на часы. Время приближалось к трем, а пока никаких новостей не было. Встреча отколовшейся части Ковена с заказчиком, по данным Аранта, уже должна была состояться.

– Боюсь, что-то пошло не так, – резюмировал Арант. – Нужен другой план.

– Какой? – тревожно поинтересовалась Марта.

– Обращусь к Ле Съену сам, – мрачно пояснил Арант. – Попытаюсь объяснить ситуацию, скажу, что шкатулка и ее копии могут помочь не только Рейну, но и всем пораженным Скверной братьям. Если не получится надавить на его сознательность и преданность темному братству, попытаюсь купить у него шкатулку. Мне пока еще есть, чем торговать.

– Это чем же? – не поняла Лана.

– Местом Главы Ковена. Уверен, Ле Съен мечтал не о том, чтобы возглавить кучку отщепенцев. Он хотел забрать себе весь Ковен. Я могу предложить это место ему.

Лана и Марта переглянулись, понимая, что для Аранта означает подобное решение, но вслух комментировать не стали. Лана лишь осторожно уточнила:

– Разве это не последний ваш козырь? Пора ли его разыгрывать?

Арант тяжело вздохнул и пояснил:

– Времени у нас мало. Чем дольше Рейн будет сидеть взаперти, тем спокойнее начнет себя вести. Рано или поздно попытается вырваться с помощью призванных Скверной зараженных, а Легион молча смотреть на это не станет, его могут убить. Я специально применил к нему заклятие, надолго погружающее в беспмятство, но я рассчитывал, что к этому времени у меня уже будет шкатулка. Тогда я мог бы обратиться к Сорроу, объяснить

ему ситуацию. Он надавил бы на Легион, и мы все сделали бы. Попытались бы вытащить из Рейна Скверну... План все еще может сработать, если мы получим шкатулку в ближайшее время. Поэтому время для последнего козыря настало.

С этими словами он решительно поднялся из кресла, но прежде, чем успел покинуть гостиную в доме Марты и Ланы, последняя задала еще один вопрос:

– Как думаете, Рейн еще без сознания?

Арант снова бросил взгляд на часы и кивнул.

– Думаю, да, еще полчаса-час будет.

– Тогда я погружусь в его сон, попытаюсь поговорить с ним, успокоить. Объясню, что у нас есть план, что ему надо только немножко потерпеть. Может быть, тогда ему будет проще справиться с влиянием Скверны.

– Попробуй, – мягко согласился Арант, благодарно ей улыбаясь.

Зелье Фарлага погрузило ее в сон как всегда быстро и легко. Усилий, чтобы найти в реальности снов сознание Рейна, тоже прикладывать не пришлось: их по-прежнему тянуло друг к другу магнитом, оставалось только не сопротивляться.

Единственное, к чему Лана приложила руку, – это к антуражу сна. Ей показалось достаточно хорошей идеей привести Рейна туда, где на территории снов они встретились впервые. Только на этот раз он ждал ее у небольшого Дома Риддик в свадебном костюме, а она вышла к нему из глубины здания.

Рейн обернулся, услышав ее шаги, и слабо улыбнулся, когда их взгляды встретились. Лана осторожно улыбнулась в ответ, не зная, помнит ли Рейн сейчас об их ссоре. В реальности сна все зыбко: легко забыть то, что знаешь, и помнить то, чего никогда не происходило.

– Если тебя прислал мой горе-отец, лучше даже не начинай, – заявил Рейн, когда она приблизилась к нему.

Значит, все помнит.

– Арант в курсе, что я тут, но не он прислал меня. Я сама пришла.

– Зачем?

– Затем, что очень волнуюсь за тебя и хочу помочь. Рейн, мы все пытаемся тебе помочь. И твой отец в первую очередь.

Улыбка Рейна превратилась в презрительный оскал.

– Очевидно, именно поэтому он и нанес мне подлый удар, а потом... сдал Легиону, я полагаю?

– Он лишь не хотел, чтобы ты погиб или серьезно пострадал в стычке с боевиками Легиона.

Судя по тому, как изменилось выражение его лица, ее слова достигли цели. Ободренная этим успехом, Лана шагнула еще ближе, положила ладони Рейну на грудь. Его реакция не заставила ждать: одной рукой он обнял ее за талию, другой накрыл ладонь. Свободная рука Ланы скользнула вокруг шеи Рейна, губы нежно коснулись его губ.

– Почему мы в свадебных нарядах? – тихо поинтересовался Рейн, глядя на Лану из-под полуопущенных ресниц. – И у Дома Риддик?

– Потому что это наше будущее, как я надеюсь. Когда все это наконец закончится.

– Ты что, – улыбнулся Рейн, – делаешь мне предложение?

Лана рассмеялась.

– О, нет, милый, я ставлю тебя перед фактом, потому что выбора у тебя нет. Я всегда добиваюсь своего.

– Это я уже понял. Но если честно, в данном случае я совсем не против.

Теперь он сам наклонился к ее губам, скрепляя долгим поцелуем прозвучавшую договоренность. А когда поцелуй все-таки прервался, Лана прошептала:

– Ты только держись, Рейн. Мы поможем тебе. У нас есть план, но ты должен продержаться. Не позволяй Скверне погубить себя...

Рейн слегка отстранился, хмурясь и заглядывая ей в глаза.

– О какой Скверне вы все время говорите? И почему думаете, что она может погубить меня?

– Скверна – это нечто отвратительное, что обитает в той части нижнего уровня, где после смерти оказываются темные маги, – пояснила Лана. – Она сцепилась с твоим темным потоком и выбралась в мир за тобой, а теперь поражает других темных магов. Это выглядит как такое черное облако, окружающее человека и проникающее в него. Патрик Крофт был одним из первых, кого ты заразил ею.

Объятие Рейна стало слабее, а потом он и вовсе отпустил Лану и сделал шаг назад, покачал головой.

– Но все не так. Я ничем не заражал Патрика Крофта. Да, я видел, как после нашей встречи его окутало темное облако, но оно исходило не от меня.

– То есть... как? – не поняла Лана. – А что тогда ты там делал?

Рейн взял ее за руки, подвел к скамейке, прятанной в зарослях розовых кустов, и усадил рядом с собой.

– Послушай, я понимаю, что в последнее время вел себя странно. Я и чувствовал себя странно. Словно темный уровень не отпускал меня и я проваливался туда снова и снова. Меня все время куда-то влекло, я сам не понимал почему. Переставал соображать, потом оказывался где-то и не помнил, как и почему туда пришел. Я встречал бывших знакомых из Ковена, а потом они пропадали. И мне снились такие страшные сны, что я задыхался, просыпаясь. Ты не представляешь, что было со мной в том месте. И не думаю, что когда-нибудь смогу об этом рассказать. Я мечтаю лишь забыть все это навсегда... Но одно я знаю точно: ко мне ничего не цеплялось. Кто-то другой распространяет Скверну среди темных. В тот день, когда мы ужинали, а потом явился твой наставник из Легиона...

Рейн оборвал себя, прикрыв глаза. Его лицо снова исказило злобой, но ему достаточно быстро удалось взять себя в руки.

– Я тогда сбежал, потому что меня разъедали ревность и ненависть...

– Это и есть влияние Скверны, – подсказала Лана.

Рейн покачал головой.

– Нет, всего лишь вышедший из-под контроля темный поток. Лана, пребывание на уровне темных сломало печать Легиона, благодаря которой я не чувствовал его влияние последние несколько лет. А может быть, ее сломало то, что я пытался призвать темный поток, чтобы выбраться с нижнего уровня. Так или иначе, а я снова стал полноценным темным. Только потерял навык противостоять демоническому потоку, отгораживаться от него. Я поехал к Мидарскому Каньону, чтобы вернуть этот навык. В тишине и покое

одинокости это проще сделать. И мне это удалось. Почти. Немного потренироваться нужно или снова поставить печать, если получится. Но Скверна тут ни при чем. В тот вечер я видел, как она поражает одного из темных. Слышал, как его заманили в пустынный закоулок, чтобы сделать с ним это. Но это сделал не я. Возможно, я видел это не в первый раз, но из-за пограничного состояния не смог запомнить, как все было.

Лана растерянно моргнула. Ее мысли перепутались, эмоции враждовали одна с другой. Ей было радостно и страшно одновременно. Конечно, безумно хорошо, что Рейн не заражен Скверной, но...

– Кто же тогда источник? Кто ее распространяет?

Рейн пожал плечами.

– Вот этого я не видел.

У отколовшейся части Ковена пока не было устоявшегося места для собраний, поэтому свой дом для этого предоставил Пьер Ле Съен как один из старейших членов развалившейся организации, очевидно претендующий на роль нового главы. К тому же среди всех «оппозиционеров» он был наиболее состоятелен и имел самый большой дом с весьма просторной гостиной на первом этаже.

Сообщение анонимному заказчику было отправлено еще накануне вечером. В нем Ле Съен скупо объяснял, что в Ковене, недавно отказавшемся от размножения древнего артефакта, теперь появилось другое мнение. Заказчик ответил только к полудню, поинтересовавшись, куда можно принести шкатулку.

Поэтому теперь порядка сорока членов Нового Ковена (как они пока себя называли) ожидали заказчика в доме Ле Съена. Одни сидели в гостиной, другие охраняли периметр на случай непредвиденных ситуаций. После реакции Аранта на попытку своего смещения многие подозревали, что так просто он их не отпустит. Глава Ковена мог устроить и показательную карательную акцию, ведь по факту большинство членов организации даже не знали о готовящемся перевороте, а значит, им еще только предстояло выбрать сторону.

Беспокойнее всех вел себя Вайс. Он никак не мог найти себе места, все бродил по гостиной, трогал руками вазы, шкатулки, статуэтки, то ли просто таким образом «знакомясь» с обстановкой, то ли сильно нервничая, то ли испытывая болезненное желание подвинуть вещицы хотя бы на миллиметр. Ле Съена это раздражало, но он молчал, только недовольно поглядывал на Вайса.

Когда входная дверь хлопнула, все моментально оживились, некоторые даже встали со своих мест, не в силах усидеть. Вайс резко обернулся к дверям гостиной, Ле Съен выпрямился в своем кресле.

Однако вместо таинственного заказчика на пороге гостиной появился Кайл Экхарт.

– А ты что здесь делаешь? – презрительно скривился Вайс, увидев его. – Ты, кажется, попутал собрания. Тебе не сюда.

– Это не тебе решать, – отмахнулся Экхарт, даже не глядя в его сторону. Он смотрел только на Ле Съена. – Думаю, я могу вам пригодиться. Я один из лучших артефакторов Ковена. Со мной вы сможете быстрее выполнить заказ.

– Ты же был против того, чтобы его брать, – не давая Ле Съену ответить, вставил Вайс,

делая к Экхарту несколько шагов. Выглядел он при этом угрожающе.

– И, кажется, мотивировал это именно своей подкованностью в деле создания артефактов, – добавил Ле Сьен, настороженно разглядывая второго заместителя Аранта, одного из наиболее преданных его последователей.

У Экхарта на лице не дрогнул ни один мускул.

– Да, я и сейчас считаю, что это плохая идея. Но раз уж вы все равно беретесь, без меня вам не обойтись. А мне пригодятся деньги и место в Новом Ковене.

Ле Сьен удивленно приподнял бровь и поинтересовался:

– А как же Арант?

– Он теперь хромая утка, – пожал плечами Экхарт. – А лидер должен быть по-настоящему сильным.

Он изобразил небольшой поклон в сторону Ле Сьена, чем вызвал на его лице широкую улыбку.

– Что ж, добро пожаловать, – тон нового главы смягчился к удивлению и досаде Вайса, которые тот не смог скрыть. – Выбирай себе место.

– Но имей в виду, – тут же вставил Вайс, все же заставляя Экхарта обратить на себя внимание, – что место заместителя на этот раз занято мной.

Экхарт смерил его презрительным взглядом, так и не удостоил ответом и отошел в сторону, выбирая себе место у стены.

Вайс, возможно, не спустил бы ему такой наглости и пренебрежения, но входная дверь снова хлопнула и на этот раз на пороге гостиной появился Заказчик.

Он определенно собирался и дальше сохранять свою анонимность: его фигуру скрывал просторный балахон, а лицо – капюшон. Он держал шкатулку в руках, затянутых в черные перчатки. Единственное, что о нем можно было сказать с уверенностью, – что это мужчина.

Ненадолго задержавшись у порога, он прошел в гостиную в абсолютной тишине, остановился у небольшого стола, предназначавшегося для карточных игр, и поставил шкатулку на него. Сделал шаг назад и приглашающий жест в сторону шкатулки.

– Хотите, чтобы мы занялись ею прямо сейчас? – поинтересовался Вайс, первым подходя к столу и кладя на шкатулку раскрытую ладонь.

– Хочу, чтобы вы ее изучили, – послышался слегка измененный заклятием голос из-под капюшона. – И сказали, как много времени вам понадобится, чтобы сделать хотя бы десяток таких же.

Экхарт сделал несколько уверенных шагов к столу, собираясь взять шкатулку у Вайса и изучить, но молодой темный остановил его жестом и недовольно посмотрел на Заказчика.

– А деньги? Я проверял состояние счета, там пока пусто.

– На перевод денег требуется время, – невозмутимо напомнил Заказчик. – Аванс придет в течении двух дней, как мы и обговаривали.

– Вот тогда мы и начнем работу, – заявил Вайс. – Не раньше.

– Сроки поджимают, – напомнил Заказчик. – Вы ведь сначала отказались от заказа.

– А теперь мы согласны, но сроки придется сдвинуть.

– Это невозможно, – твердо заявил Заказчик, наступая на Вайса. – Мы можем только согласиться на меньшее количество шкатулок в первой партии. Но я должен уже сейчас понимать количество и сроки выполнения всего заказа.

– А я должен понимать, что деньги будут, – нагло ухмыльнулся Вайс, не то что не пятась, а наоборот, наступая на заказчика в ответ. – И пока я не увижу аванс, никто даже

близко не подойдет к вашей шкатулке.

В итоге попятился Заказчик, а Вайс продолжал на него наступать, отпустив шкатулку и на время забыв о ней.

– Потому что обещанная нам сумма есть далеко не у каждого, а мы даже не знаем, кто ты. Есть ли у тебя эти деньги? Артефакт опасен, мы не будем рисковать, не зная наверняка, кто нас нанял. Или не зная наверняка, что ты можешь позволить себе хотя бы аванс.

Вайс наступал и наступал, а Заказчик пятился, явно неготовый к такому поведению темного. Неожиданно он споткнулся на ровном месте, повалился назад, неловко дернул головой, из-за чего капюшон слетел. Внимательный наблюдатель наверняка заметил бы, как Вайс несколько раз шевельнул пальцами правой руки, сначала делая подсечку, а потом помогая капюшону, но никто ничего не успел сказать по этому поводу. Один из темных узнал представшего перед ними мужчину:

– Это Серджио Карлос! – крикнул он. – Секретарь короля. Что это значит? Это какая-то подстава?

Темные заволновались, теперь уже все повскакали со своих мест, даже Ле Съен. Все пришло в движение, комната наполнилась тихим ропотом. Маги заподозрили, что все это какая-то королевская многоходовка, только пока не могли сойтись во мнениях, к чему она ведет: к дискредитации Ковена и темных в целом или это была их совместная проверка с Арантом на преданность, которую присутствующие здесь не прошли.

Карлос постарался побыстрее подняться на ноги, чтобы разговаривать с исполнителями на равных, но в этот момент Ле Съен неожиданно крикнул:

– Эй, держите Экхарта! Он забрал шкатулку!

В поднявшейся суматохе Экхарту почти удалось вынести шкатулку из гостиной. А там оставалось только пересечь холл, выбраться на улицу – и уже можно было открыть портал, но он не успел, Ле Съен заметил его раньше, а кто-то из тех, мимо кого он шел, не стал медлить: сразу ударил заклятием, сбивающим с ног.

Шкатулка выпала из его рук и прокатилась по полу, в процессе чего ее крышка открылась. Но только Вайс обратил на это внимание и тихо выругался. Остальные пока еще хватали Экхарта и гадали по поводу причастности короля к заказу.

Когда темные обратили внимание на выползшее из шкатулки темное облако, оно уже разрослось, закрыло собой выход из гостиной и двинулось на магов.

Кто-то не успел даже среагировать, когда облако окутало его, кто-то попытался атаковать, но заклятия проходили сквозь облако и только рикошетили от стен. Не помогли ни щиты, ни попытки прорваться сквозь облако к выходу.

Серджио Карлос спокойно отряхнулся и вздохнул, глядя на темных. Облако разбилось на несколько частей, окутало каждого и теперь проникало внутрь. Темные кричали, но уже ничего не могли сделать. На их крики сбежались другие, но лишь попали в ту же ловушку.

Карлоса облако не тронуло. Он спокойно дошел до шкатулки, стянул с рук перчатки, взял ее и закрыл. Тьма перестала разливаться по гостиной.

Вскоре крики стихли. Темные поднимались на ноги, выпрямлялись и поворачивались не то к Карлосу, не то к шкатулке в его руках. Их глаза были пусты, руки безвольно свисали вдоль тела. Вайс и Экхарт спокойно стояли рядом, словно никогда между ними не было никаких трений.

Карлос улыбнулся, глядя на них.

– Что ж, не так плохо. Идемте, господа, нас ждут великие дела.

Он шагнул к выходу и все четыре десятка членов Нового Ковена, включая Экхарта, Вайса и Ле Съена, послушно шагнули следом.

– Знаешь, что тебе нужно, Норд? – мягко улыбаясь, произнес советник Фаррел, осторожно беря со столика между их креслами чашку горячего чая на тонком блюде.

Лакей, подавший им вечерний чай, только что вышел из комнаты, в которую король позвал своего самого надежного советника для короткой беседы.

– Нет. Что? – устало спросил Сорроу, стоявший у окна со скрещенными на груди руками.

Во время серьезных разговоров он часто стоял так: спиной к своему собеседнику, Фаррел давно к этому привык, а потому его это не задевало. Он точно знал, что для Норда Сорроу это не знак пренебрежения, а скорее, свидетельство бескрайнего доверия. Это означало, что он может позволить себе говорить с тобой, не следя каждую секунду за реакцией, которую так или иначе выдает выражение лица, движение глаз и изменения позы.

– Тебе нужен серьезный враг, которого все будут бояться.

– В смысле?

– Чтобы проще было управлять людьми, их надо держать в постоянном страхе. Перед внешним врагом или внутренним. У Кролла были монархисты и темные. Маги так боялись терактов одних и разрушительного воздействия магии других, что были готовы терпеть бессменного канцлера, только бы он держал тех и других в узде. А что сделал ты? Обезглавил монархистов, объявил, что темная магия никак не влияет на мироздание и при этом не придумал новых врагов. Не относишься серьезно к республиканским радикалам, вступаешь в диалог с официальной оппозицией. Вот и получается, что тебя кусают все, кому не лень. Потому что никто ничего не боится. А если бы боялись, то и поперек говорили бы реже. Лишь бы не стало хуже.

– Сомнительная политика.

– Для Кролла она работала, – усмехнулся Фаррел. И когда король обернулся к нему через плечо, удивленно приподнимая бровь, поспешил его успокоить: – Это все, конечно, шутка, но в каждой шутке, как известно, есть доля правды.

– Очень надеюсь, что для тебя эта доля так же мала, как и для меня, – фыркнул Сорроу, снова отворачиваясь. – И ты не станешь рекомендовать это Тане в случае моей преждевременной кончины, когда она будет править самостоятельно, а ты станешь при ней патроном.

Фаррел, едва успевший поднять чашку, чтобы сделать первый осторожный глоток, поставил ее обратно на блюде и пытливо посмотрел на затылок короля.

– Патроном? – переспросил он.

– Я решил назвать это так, – кивнул Сорроу. – Заступник, защитник, покровитель... Это, конечно, не полноценное правление, как у регента, но и королева – не ребенок. Ты станешь ее опорой и твой голос будет весить не меньше, чем ее. И ее нового супруга, если таковой будет. Думаю, это достаточно укрепит ее позиции.

– Если я правильно понимаю, ты наконец принял решение, которое от тебя требовал Касич?

– Не только принял, но уже и задокументировал. Объявлю о нем на завтрашнем заседании Совета. Решил предупредить тебя заранее, чтобы ты был готов. Подозреваю, что Касичу мое решение не понравится, а потом... Со мной что угодно может случиться.

– Думаешь, они действительно попытаются? – поинтересовался Фаррел тревожно, отставляя чашку обратно на столик.

– Почти уверен. Но это, конечно, не значит, что я собираюсь им позволить. С завтрашнего дня все меры безопасности будут усилены. СКБ скомпрометирована, придется полностью заменить ее стражами и боевиками Легиона.

– Неужели ты больше не доверяешь Чоу?

– Просто Мору я доверяю больше. Это раз. И я не знаю точно, кого из подчиненных Чоу завербовали, поэтому надо менять всех. Это два. Быстро найти другого агента среди новых людей будет непросто, это даст мне фору, а мне нужно немного времени. Мор близок к вычислению заговорщиков. Я говорю тебе это все еще и потому, что твоя жизнь тоже может оказаться под ударом, но это произойдет не раньше, чем они избавятся от меня, так что не волнуйся.

– О, я уже не в том возрасте, чтобы волноваться за свою жизнь, – отмахнулся Фаррел.

– И все же... Побережься стоит.

– Хорошо, – согласился Фаррел спокойно, снова беря в руки чашку. – Но это все будет завтра, Норд. А сегодня пока еще можно наслаждаться жизнью. Например, вечерним чаем. Так ведь?

– Да, – подтвердил Сорроу с улыбкой, все же поворачиваясь к другу и садясь в свое кресло. – Сегодня можно ничего не бояться.

Он взял со столика чашку на блюдце, осторожно попробовал чай, но тот оказался уже не очень горячим, поэтому Сорроу сделал большой глоток и удовлетворенно хмыкнул.

– Каждый раз им удается удивить меня вкусом.

– Да, я тоже заметил, что сегодня появились новые нотки. Кажется, что-то фруктовое?

– Я бы сказал, ягодное, – снова улыбнулся Сорроу.

– Черная смородина?

– Кажется, да.

Они переглянулись и одновременно рассмеялись. И оба совершенно неискренне.

Таня весь день оставалась в семейной части дома с детьми, не желая появляться на людях. После вечера у Фарлагов она почувствовала в муже перемену: тот явно приободрился. Но когда он поделился с ней своим планом, Таня не оценила.

– Это слишком опасно. Для тебя – слишком опасно!

Но он не стал слушать. Только едва заметно улыбнулся, поцеловал ее в кончик носа и прошептал:

– Доверься мне.

Мужу Таня доверяла, но всем остальным – недостаточно, а потому план не стал нравиться ей больше. Но спорить она не стала, признавая, что у Яна есть право решать. И понимая, что ее протесты не приведут ни к чему, кроме ссоры. В определенных ситуациях он не менял своих решений. В такие моменты его можно было только поддержать или просто не мешать. Таня выбрала последнее.

Маленькую Кэти она уже уложила спать, а мальчишки, наконец уладившие разногласия, пока еще в кровати не торопились, развлекаясь в игровой комнате. Таня пыталась читать, но

мысли не желали концентрироваться вокруг событий в книге, все время убегали к мужу. Поэтому, когда дверь их общей гостиной отворилась и в нее вошел Ян, она с готовностью захлопнула книгу и отложила на маленький столик.

– Как все прошло? – напряженно поинтересовалась она.

– *Сегодня* все прошло по плану, – улыбнулся муж в ответ, пересекая комнату и останавливаясь рядом со столиком для напитков. – Посмотрим, как все пойдет дальше.

Таня молча наблюдала, как он взял бокал и налил в него что-то темно-коричневое. Это было не самое типичное для него поведение: Ян никогда не расслаблялся напитками, устав от трудов праведных, поэтому оставалось только порадоваться, что никто, кроме нее, этого не видел. Иначе это могло вызвать вопросы.

Вместе с бокалом Ян сел в соседнее с ней кресло и только тогда пригубил напиток. Таня почувствовала, как напряжение переполнило ее, подкинуло, заставило встать и пройтись по комнате.

– Как дети? – спокойно поинтересовался Ян.

Таня не смотрела на него, но чувствовала, как он наблюдает за ней, слышала по голосу, как слегка улыбается, задавая этот вопрос. Муж хотел ее немного расслабить, но у него ничего не вышло: она только нервно дернула плечами.

– Нормально. Кэти уже спит, мальчишки еще играют. Знаешь, больше всего в этой ситуации я боюсь за них. Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг ты чего-то не учел? А если удар будет нанесен не с той стороны, с какой ты ожидаешь? Ведь что угодно может случиться. С тобой, со мной, с ними... Это все очень плохая идея, Ян. По мне, так уж лучше было просто отречься от этого дурацкого престола – и пусть дальше сами разбираются...

Он ничего не ответил. И от этого гробового молчания у Тани холодок побежал по спине. Она вдруг поняла, что в комнате очень тихо. Слишком тихо, как будто она тут одна.

Заставить себя обернуться и посмотреть на мужа было непросто. Он все так же сидел в кресле, только глаза его теперь были закрыты, а голова откинулась на спинку. На ручке кресла стоял пустой бокал из-под напитка, и пальцы его все еще держали, но уже не сжимали.

– Ян? – позвала Таня дрогнувшим голосом.

Муж не ответил. Его рот был слегка приоткрыт: подбородок отвис, как у глубоко задремавшего человека.

Она подошла к мужу и потрясла за плечо. Сначала легонько, потом сильнее, так что голова безвольно мотнулась из стороны в сторону. Таня испуганно отдернула руку и резко втянула в себя воздух.

Его Величество Норд Сорроу не спал. Он не дышал и сердце его не билось.

Король был мертв.

В Легионе о том, что случилось с королем, пока ничего не знали. Эрик Варт вернулся в свой рабочий кабинет после целого дня беготни как раз тогда, когда еще и в королевском дворце не успела подняться паника. Он сел за свой стол, окинул взглядом стопки документов. С тех пор, как во главе Легиона встал Дилан Мор, многое изменилось, но утомляющая бюрократия пока цвела и пахла.

Вероятно, идти домой не имело смысла, проще было уронить голову на сложенные на столе руки и проспать так до утра. Или сколько дадут, потому что чутье подсказывало Варту, что до утра спать не получится. И без трагедии во дворце проблем хватало.

Услышав тихий стук в дверь и не дождавшись ее открытия, Варт привычным жестом потянул дверь на себя, приглашая скромного посетителя войти. К его удивлению этим посетителем оказалась Индира, что само по себе было странно: обычно на его территории она вела себе более свободно. Впрочем, Варт понимал причины такой перемены.

– Какие-нибудь новости? – отстраненно поинтересовался он, бросив на нее лишь мимолетный взгляд и снова уткнувшись в стопку документов, которую взялся перебирать перед ее приходом.

– Увы, – вздохнула Индира, приближаясь и останавливаясь у его стола. – Мы потеряли связь с агентом Вайсом и не можем его найти. Видимо, на собрании отколовшегося Ковена что-то пошло не так. Но ритуалы говорят, что он жив.

– Как и все пропавшие темные, – задумчиво кивнул Варт. – По крайней мере, те, о чьем исчезновении нам известно и кого мы проверяли.

– Думаешь, с ним случилось то же самое? – Индира с сомнением нахмурилась. – Но мы ведь задержали носителя Скверны.

Варт снова посмотрел на нее, да так, что Индира заметно побледнела, несмотря на природную смуглость своей кожи. Конечно, он прекрасно понимал, кто донес в Легион на Рейна Братта. И даже понимал, почему Индира это сделала, хотя она и попыталась оправдаться опасениями за его карьеру.

– *Предполагаемого* носителя, – поправил он. – И если подтвердится, что с Вайсом случилось то же самое, это станет для Братта оправданием.

– Эрик, послушай... – по ее изменившемуся тону сразу стало очевидно, что она хочет вернуться к теме ее похода к заместителю старшего легионера столицы.

– Индира, не надо. Ты сделала то, что считала правильным. Ты имела на это право. Я же в свою очередь права покрывать Братта не имел. То, что ты не донесла на меня, уже большое одолжение с твоей стороны. Я благодарен за это, но больше не хочу возвращаться к этому разговору. Хорошо?

Она едва заметно кивнула, принимая сказанное им. И не сказанное тоже. Оба понимали, что ее поступок навсегда встанет между ними и прежних дружеских отношений теперь не будет. Не говоря уже о большем.

Следовало уйти, но Индира все медлила, а Варт усиленно делал вид, что занят документами, хотя в действительности только бестолково перекладывал их с места на место. Неизвестно, сколько еще длился бы этот неловкий момент, если бы в кабинет не вошел еще один легионер.

– Господин Варт, там задержанный очень просит встречи с вами. Буквально требует. Говорит, что это вопрос жизни и смерти.

– Который задержанный? – на всякий случай уточнил Варт.

– Рейн Братт.

Даже если бы это был кто-то другой, Варт все равно откликнулся бы на просьбу. Хотя бы для того, чтобы прервать разговор с Индирой, но услышав это имя, он особенно заторопился. С Браттом он хотел переговорить с того момента, как узнал о его задержании, но тот ненормально долго оставался без сознания, как будто беспмятство плавно перетекло в здоровый сон.

Для разговора Варт отправился прямо к Братту в камеру, где тот уже нетерпеливо нарезал круги.

– Вы ошибаетесь, считая меня источником Скверны, – сказал он сразу, как только дверь камеры распахнулась. Варт даже не успел войти.

– Но кто же тогда источник?

– Не кто, а что. Это шкатулка, за которой вы гоняетесь. Скверна заточена там.

– Что? Но... откуда она там?

– Много веков назад Скверна действительно пришла с нижнего уровня темных, прицепившись к экспериментировавшему со снохождением магу. Потом он заразил многих братьев. Способа очистить их тогда не нашли, поэтому вывезли на пустынный континент и сожгли. Подозреваю, что Скверну это не уничтожило, она просто высвободилась. И чтобы она больше никуда не пошла, ее спрятали в шкатулку, воспользовавшись ее свойством поглощать магию. Шкатулка веками хранилась в тайниках правителей, всеми забытая. Пока кто-то не вспомнил о ней или не нашел соответствующие записи. Теперь этот человек намеренно выпускает Скверну и заражает темных, чтобы контролировать их.

– Откуда ты все это знаешь? – усомнился Варт, хмурясь.

– Я много месяцев провел на темном уровне, – слабо улыбнулся Братт. – И после возвращения сохранил связь с ним. Я не понимал, что со мной происходит, почему я иногда иду куда-то и не помню потом, где был, почему и что со мной там происходило. Лана сейчас помогла мне найти эти воспоминания.

Он выразительно постучал указательным пальцем по своему виску.

– И теперь я понимаю, что меня влекло к Скверне. Я оказывался там, где этот человек заражал темных, видел, как он это делал. Я его знаю.

– А зачем он это делает? Ты знаешь?

– Подозреваю, – кивнул Братт. – И боюсь, что скоро вы узнаете наверняка.

Он едва успел произнести эти слова, как во всех помещениях Легиона взвыла тревожная сирена, возвещающая о нападении.

Первым из советников, кто узнал о случившемся с королем, оказался советник Фаррел. После разговора с Сорроу он еще на несколько часов задержался во дворце по каким-то делам, поэтому и оказался рядом с королевой в такой страшный момент.

Лично убедившись в том, что Сорроу мертв и скончался, скорее всего, мгновенно, Фаррел выпрямился, качая головой и смаргивая непрошенные слезы.

– Как же так? – пробормотал советник. – Он ведь не ждал удара сегодня, только завтра. Неужели кто-то узнал о его решении?

Он вопросительно посмотрел на Таню, но та сидела в соседнем с мужем – с телом мужа – кресле, обхватив себя руками и пялясь в пространство перед собой невидящим взглядом. Она не плакала, глаза ее были абсолютно сухи, и только легкое покачивание, которым она как будто убаюкивала себя, выдавало глубокий шок и страдание.

За дверью комнаты послышались голоса и какая-то возня: служба безопасности кого-то не хотела пропускать в королевские покои, но посетитель прорвался. Это был крайне взволнованный, даже немного взвинченный глава Легиона.

– Мне нужен Сорроу, срочно! – крикнул он в очередной раз, пытающимся удержать его охранникам. – Темные напали на Легион! Нужно что-то...

Мор осекся, когда разглядел странную картину: сидящего в кресле короля, чьи глаза были закрыты, а голова безвольно повисла, впавшую в ступор королеву и пожилого советника, едва сдерживающего слезы.

– Что случилось? – спросил Мор, но по его глазам было видно, что он уже и сам все понял.

– Его величество мертв, предположительно, был отравлен, – хрипло ответил Фаррел. – Мы обезглавлены.

– Значит, это переворот, – пробормотал Мор растерянно и беспомощно посмотрел на Таню. – Но все должно было начаться только завтра. Не сегодня... Мы не готовы...

– Ваше величество, – обратился Фаррел к Тане, – нужно созвать Совет, нужно что-то делать. Понимаю, что вам тяжело, но вы королева... Вы должны...

Он осекся, когда Таня вдруг посмотрела на него. Советника прожгло ее взглядом, черной тоской и убийственным горем, которые полыхали в нем.

– Убирайтесь, – едва слышно потребовала она. И даже муж сейчас не узнал бы ее голос, если бы все еще мог его слышать.

– Но ваше величество... – попытался возразить Фаррел.

Она не дала.

– Вон отсюда! Убирайтесь! Оба! К демонам ваше королевство и ваш Легион! Вон!

Мор среагировал первым: взял Фаррела за локоть и потащил к выходу из комнаты. Прежде, чем за ними закрылась дверь, оба успели увидеть, как Таня опустилась на колени рядом с креслом мужа, взяла его за руку и прижала к щеке тыльную сторону ладони.

– Совет придется созывать вам, Фаррел, – мрачно заявил Мор. – Нужно признать, что мы полностью обезглавлены. Таня слишком сильно любила мужа, чтобы сейчас соображать. Насколько я знаю, Сорроу на такой случай успел дать вам необходимые полномочия. Нужно созвать Совет и посмотреть, кто попытается взять власть в свои руки. Тот и подготовил покушение и нападение на Легион.

Обычно Совет собирался за круглым столом, но сегодня никто не мог усадить себя на свое место. Советники просто толпились в комнате, тревожно переговариваясь между собой. МакКензи и Штерн поглядывали друг на друга с неприкрытой ненавистью, Касич стоял чуть в стороне от остальных, молча скрестив руки на груди, и хмурился.

На сбор ушло не больше десяти минут: всех членов Совета удалось найти дома, никто не успел лечь спать, каждый с готовностью шагнул в портал вслед за сотрудником СКБ, принесшим дурную весть. Никто еще толком не знал, что произошло, но все уже понимали: случилось что-то страшное.

Последним в зал Совета вошел Алек Прайм, после чего двери закрылись. Секретаря в этот раз на собрание не допустили, зато присутствовал Мор, а по периметру зала рассредоточились сотрудники СКБ во главе с мрачным более, чем когда-либо, Чоу.

– Фаррел, в чем дело? – первым поинтересовался Касич, когда стало понятно, что на собрание больше никого не ждут. – Где Сорроу? Почему не он собрал нас?

– С прискорбием вынужден сообщить, что его величество мертв, – выдохнул Фаррел, ни на кого не глядя. Вместо него за реакцией собравшихся следил Мор.

Повисшая в зале тишина через несколько мгновений сменилась громким ропотом и общей растерянностью, в которой заметно выделялась реакция двух людей. Вечно несогласные друг с другом Штерн и МакКензи одинаково удовлетворенно улыбнулись, что не укрылось от внимания главы Легиона.

– Это еще не все, – добавил он, перекрывая и прерывая растерянные причитания. – Несколько минут назад в здание Легиона ворвались темные. Охрана на первом этаже была убита практически мгновенно, темные рассредоточились по зданию. Все входы и выходы перекрыты, но до сих пор идут бои. Боюсь, Легион на какое-то время выведен из строя.

– Неужели ваши боевики не могут решить проблему? – гневно поинтересовался Касич, делая шаг в сторону Мора.

Но тут же наткнулся на его жесткий ответный взгляд.

– Темных несколько десятков. И судя по поведению, они смертники. Одурманены чем-то. У нас есть предположения, но пока я не хотел бы распространяться. Суть в том, что они будут биться до конца, а противник, который не планирует выжить, всегда самый опасный. Не знаю, сколько человек мы потеряем, пока справимся с ними. И пока непонятно, справимся ли и чего ждать дальше. Мы уже вызвали всех столичных легионеров, которых не было в здании на момент нападения, но пока не рискуем вызывать подмогу из регионов. Не исключено, что это отвлекающий маневр. Может полыхнуть где-то еще. Предположительно, мы имеем дело с попыткой государственного переворота.

– Инициированного темными? – уточнил МакКензи. С надеждой, как показалось Морю.

– Мы пока не знаем, кто инициатор.

– Я одного не понимаю, – снова вмешался Касич, – если король мертв, то почему здесь нет королевы? Ведь она должна принять управление страной. Сорроу был так уверен, что она справится. Так где же она?

– Королева с телом супруга, – холодно заявил Фаррел. – Я здесь за нее...

– Постоите! – перебил его Штерн. – При чем здесь королева? После смерти монарха власть наследует его старший сын и назначенный регент.

– Нет, король не делал распоряжений насчет сына и регента, – возразил Касич.

– Он сделал его буквально сегодня утром, – с довольным видом заявил МакКензи. – Он документально закрепил, что в случае его смерти власть переходит к его сыну Дарену и регенту при нем. Коим он назначил меня.

– Ты что-то пугаешь, старый рыжий придурок, – отгрызнулся Штерн. – Его величество оставил наследником *старшего* сына – Тима, а регентом назначил меня.

– Боюсь, вы оба ошибаетесь, – вмешался Фаррел, выглядя немного растерянно. – Власть переходит к королеве и ее патрону...

Касич вдруг громко расхохотался, первым сообразив, в чем дело.

– Вот же хитрый жук! – воскликнул он, закрывая лицо рукой. – Каждому сказал что-то свое. Мне, например, что править будет королева – и точка. Самостоятельно, без всяких там *патронов*.

Его смех резко оборвался, он сокрушенно покачал головой.

– Хороший был план, вот только прыти одного из вас король, судя по всему, не учел. Не ждал удара так быстро. Интересно, кому же на самом деле оставлен престол? Кто-нибудь видел этот документ?

МакКензи, Штерн, Фаррел и еще несколько советников растерянно переглянулись: очевидно, каждый знал о решении короля с его слов.

– Что ж, если это была провокация его величества, – первым опомнился Фаррел, – то полагаю, документа нет, а это значит, что вы, Касич, ближе всех к истине: власть переходит к королеве. Но пока она не способна нести это бремя, мы, как собранный Сорроу Совет, должны ей помочь...

– Боюсь, вы ошибаетесь, господин Фаррел, – возразил Алек Прайм, делая шаг вперед и вытаскивая из внутреннего кармана пиджака сложенный втрое лист бумаги. – Его величество Норд Сорроу этим утром все же сделал одно важное дело. Он отрекся от престола. В мою пользу.

Прайм разложил лист и показал всем присутствующим начертанные на нем надписи, подписи и поставленные печати, которые полностью подтверждали его слова.

– Но... – растерянно выдохнул МакКензи и с тоской посмотрел на такого же удрученного Штерна.

– После этого король действительно встретился с теми членами Совета, которых подозревал в готовящемся заговоре, – продолжил Алек хладнокровно, убирая бумагу, делающую его королем обратно во внутренний карман. – И каждому сказал то, что тот ожидал от него услышать: сообщил, что сделал выбор в пользу того или иного наследника с назначением регента или патрона. Кроме вас, господин Касич.

– Неужели я недостоин даже подозрения в заговоре? – хмыкнул тот, как многим показалось, обиженно.

– Нет, просто вам он сказал, что править будет только королева. Видимо, полагал, что вам этого окажется достаточно и дальше вы решите взять власть самостоятельно, обольстив ее.

– Тогда приму это как комплимент, – на этот раз Касич вымученно улыбнулся.

– Но это еще не все. Пообещав каждому из вас власть в случае своей смерти, он также дал вам понять, что теперь будет ждать удара заговорщиков. Усиление мер безопасности,

полная смена охраны, – Алек выразительно посмотрел на Чоу, но тот никак не прореагировал. – Он оставил вам одно маленькое временное окно для действий: сегодня. Он понимал, что тот, кто решил его убрать, попытается это сделать. И постарается быть во дворце, когда это произойдет, чтобы контролировать ситуацию и передачу власти.

С этими словами его взгляд остановился на лице советника Фаррела, рядом с которым так и стоял Мор.

– Так мы и должны были узнать, кто готовит заговор.

– Господин Фаррел, – обратился Мор к советнику, – вы арестованы за покушение на короля и попытку государственного переворота. Господин Чоу, пока Легион занят отражением удара, будьте добры, возьмите под стражу этого человека.

Чоу не шелохнулся, и никто из СКБ не сделал даже попытки подойти к Фаррелу. Советник, до того момента выглядевший удивленным и растерянным, резко переменялся в лице: его губы искривились в презрительной усмешке, в глазах загорелся огонек торжества.

– Жаль вас огорчать, господин Мор, но ничего не выйдет. Господин Чоу и вся служба королевской безопасности давно подчиняется только мне.

На лице Мора отразилась досада, он метнул на Прайма озабоченный взгляд, но молодой советник не выглядел испуганным, несмотря на такой поворот событий.

– Что ж, не так я это себе представлял, но уж как сложилось, – продолжил Фаррел, хищно глядя на присутствующих. – Неважно, кого там Сорроу оставил вместо себя. Он мертв и уже ничего никому не скажет, а из этого зала выйдут живыми только те, кто примут мой вариант ситуации. Боюсь, остальных придется уничтожить как заговорщиков.

Советники тревожно переглянулись, с опаской посмотрели на окружающих их сотрудников СКБ и с надеждой – на Мора.

– Нет, не смотрите на него, – насмешливо велел им Фаррел, – старший легионер столицы вам ничем не поможет. Я отправил в Легион сотню темных магов с приказом погибнуть, но забрать с собой как можно больше жизней, так что боевики еще долго будут заняты, а те, кто выживут, вам уже не помогут. Единственный, кто решает во дворце, – это господин Чоу, а он, как я уже сказал, подчиняется мне. Так что, мальчик, – обратился Фаррел к Прайму, – подставил тебя его величество Сорроу. Тебя придется убить в первую очередь. Господин Мор, вас в живых тоже оставлять нельзя. Остальные еще могут сделать выбор...

– Вы же понимаете, Фаррел, что так просто я не дамся, – перебил его Мор.

– Но что ты сможешь сделать один против шестнадцати хорошо обученных стражей? – хмыкнул Фаррел, с улыбкой посмотрев на Чоу, чьи губы тоже едва заметно дрогнули.

Однако Мора это не смутило, напротив, он заметно расслабился и даже тоже изобразил улыбку.

– А кто вам сказал, советник, что я пришел один?

Фаррел выразительно повертел головой по сторонам и издевательски пожал плечами.

– Что-то я не вижу вашу группу поддержки.

– Это потому, что боевики Легиона в настоящий момент еще только начали штурмовать дворец, – тем же спокойным тоном пояснил Мор. – И как бы ни были хороши ваши стражи, Чоу, они никогда не смогут сравниться с элитой Легиона.

Начальник службы королевской безопасности едва заметно нахмурился и прищурился, а Фаррел оскалился.

– Ты блефуешь! Боевики Легиона заняты отражением нападения...

– Нет никакого нападения, – отмахнулся Мор. – Оно было, но мы с ним справились очень быстро, благодаря неожиданной поддержке господина Аранта и Темного Ковена, а также показаниям господина Братта, который с помощью Ланы Лерой вспомнил, кто владеет шкатулкой со Скверной и управляет с ее помощью зараженными темными. Пока Арант со своими сторонниками сдерживал нападение, мои люди вытрясли из господина Карлоса шкатулку, после чего успокоить зараженных было делом двух секунд. В Легионе не то что никто не погиб, но даже не был серьезно ранен.

– Он лжет и тянет время, – огрызнулся Фаррел и повернулся к Чоу. – Убейте его! И Прайма тоже. Убейте их всех!

Чоу сделал едва заметное движение головой, заставившее стражей прийти в движение и принять боевые позы.

Мор шагнул к Прайму и накрыл их обоих куполообразным щитом, остальные советники с криками бросились врассыпную, но ни одного проклятия так и не успело сорваться с кончиков чьих-либо пальцев, когда двери зала распахнулись, впуская в помещение Совета боевиков Легиона. И это красноречиво подтвердило: Мор не блефовал.

Битва была слабой и короткой: большинство сотрудников СКБ предпочли не усугублять свое положение сопротивлением. А когда они сдались, их примеру последовали и остальные. В считанные минуты все были обездвижены, на запястьях застегнулись браслеты, запирающие магический поток внутри, а Фаррел и Чоу были арестованы.

Только тогда Мор убрал щит и вопросительно посмотрел на Прайма, желая убедиться, что с ним все в порядке. Тот спокойно кивнул и подошел к Фаррелу, которого контролировали сразу два боевика.

– Зачем? – спросил он, глядя на пожилого советника. – Чего ради? Он считал вас другом, уважал ваше мнение, прислушивался.

– Но последнее слово всегда оставалось за ним, – процедил Фаррел сквозь зубы. – Но не в этот раз. Может быть, Сорроу и обвел меня вокруг пальца, да только он все равно мертв!

Прайм усмехнулся, глядя на Фаррела с жалостью и качая головой.

– А вы так ничего и не поняли, да? Все, что произошло сегодня, было спланировано его величеством Сорроу. Начиная его отречением и заканчивая вашим арестом. Неужели вы правда думали, что сможете его отравить? Да он специально дал вам такую возможность и, конечно, принял противоядие. Благо, его близкий друг – лучший Мастер Снадобий современности. Мой зять, кстати. Он же дал ему яд, убивающий только на время. Ровно настолько, чтобы вы успели лично убедиться в смерти короля. А когда он начал приходить в себя, королева с помощью господина Мора выпроводила вас из комнаты. Я ничего не упустил, ваше величество?

Последний вопрос был адресован как раз вошедшему в распахнутые двери Норду Сорроу, который хоть и выглядел бледнее обычного, но определенно был живее всех живых.

– Только одно, Алек, – улыбнулся он грустно, глядя на уже бывшего друга и соратника. – Величество у нас теперь ты.

Лана не ожидала, что их пригласят на коронацию нового монарха, но возможности вновь блеснуть на столь высоком мероприятии обрадовалась. Чего нельзя было сказать о Марте, которой предстояло впервые появиться в свете в качестве спутницы Аранта. Она даже попыталась увильнуть от этой почетной обязанности, но глава Темного Ковена умел уговаривать. Он предложил ей пойти не в качестве спутницы, а в качестве официальной невесты, и тут уж Марта не устояла. Впрочем, Лана ее прекрасно понимала: перед таким кольцом она тоже не устояла бы. Возможно, даже если бы его вручил Марк Арант. Впрочем, свое кольцо, куда более скромное, она приняла с не меньшим энтузиазмом. И уговорила отца и сына, что их свадьбы обязательно должны произойти в один день. Поскольку они все-таки помирились, никто не был против.

Отречение Сорроу и коронация Прайма стали для всех большой неожиданностью. Пресса вынюхивала подробности и причины, желтая пресса не уставала придумывать теории заговора, в результате которого подобная передача власти могла произойти, но реальной ситуации никто за пределами королевского дворца и Легиона не знал, а посвященные не торопились ее раскрывать.

Зараженных Скверной темных удалось «очистить». И на этот раз обошлось без огня и жертв. Найту Фарлагу, конечно, пришлось попотеть, рассчитывая почти сотню дозировок яда с учетом комплекции, роста и возраста, но в итоге все прошло удачно, и Скверна оказалась снова полностью поглощена шкатулкой. Однако пока никто так и не смог придумать, что с ней делать дальше.

Зато раскол в Ковене ликвидировался сам собой: вернувшие контроль над своими телами темные с повинной пришли к Аранту, а тот не стал устраивать репрессий. Разве что Ле Съена сместил с должности своего заместителя. И, конечно, ряды Ковена пришлось покинуть агенту Легиона Адаму Вайсу, но тот был только рад: он устал от работы под прикрытием.

Многие думали, что место третьего заместителя займет Рейн, под власть которого Ковен со временем и перейдет, но тот по-прежнему предпочитал держаться от дел отца подальше. В Легионе смогли восстановить печать, отсекающую его темный поток, поэтому формально он снова перестал быть темным.

Рейн попытался уговорить Лану оставить работу в Легионе, снова мотивируя это тем, что она никогда не станет там своей, но ее это заявление только еще больше раззадорило. К тому же, Индира ушла из следственной группы Варта, что обещало снизить количество конфликтных ситуаций. Оставалось надеяться, что Рейн сможет справиться со своей ревностью. На всякий случай Лана пригрозила ревновать его ко всем симпатичным студенткам, коих в Столичной Королевской Академии было немало.

Церемония коронации Алека Прайма получилась лаконичной и красивой. Лане показалось, что новоявленный монарх сам до конца не верил в происходящее. А Норд Сорроу, выступивший с небольшой, но трогательной речью, выглядел непривычно счастливым. И еще более счастливой казалась его жена.

За официальной частью церемонии последовала более приятная – праздничная, с напитками, легкими закусками и танцами. В тот момент, когда Марта и Лана переводили дыхание, немного устав кружиться в объятиях своих кавалеров, последняя заметила

поблизости бывшего короля и шагнула в его сторону быстрее, чем сестра успела ее остановить.

Сорроу в этот момент разговаривал с Касичем, которого Лана знала по газетным публикациям. И судя по долетевшим до ее уха обрывкам разговора, пророчил оппозиционеру скорое назначение на должность канцлера, чем весьма его шокировал.

Заметив Лану, Сорроу извинился перед своим собеседником и оставил его переваривать известие самостоятельно, а сам повернулся к ней и улыбнулся.

– Рад видеть тебя, Лана.

– И я вас, – искренне отозвалась она. – Захотелось вас поздравить. Кажется, вы безумно рады больше не быть королем?

– Да, пожалуй, с меня хватит. А тебя, как я слышал, тоже есть с чем поздравить. Вас обеих, на самом деле, – добавил он, поднимая взгляд на Марту, не решавшуюся подойти. Однако его обращение заставило ее это сделать.

– Если я пришлю вам приглашение, вы придете на нашу большую свадьбу?

– Лана!

– Что? Он же больше не король!

Марта потеряла дар речи от наглости сестры, а Сорроу только рассмеялся.

– Я в любом случае приду, потому что Марк меня уже пригласил. Марта, вам придется свыкнуться с мыслью, что теперь я для вас не бывший ректор и не бывший король, а друг семьи.

– Очень постараюсь это сделать, – немного несчастным тоном отозвалась та.

– А еще ты мой должник, – громко заметил приблизившийся Арант.

Следом за ним к компании подошел и Рейн, хотя было видно, что в обществе Сорроу он по-прежнему чувствует себя некомфортно. А когда к бывшему королю присоединилась жена, он напрягся еще сильнее. И только рука Ланы, сжавшая его руку, заставила его слабо улыбнуться.

– Я рад, что для вас все закончилось хорошо, – все-таки выдавил Рейн, глядя на Сорроу и избегая встречаться взглядом с Таней. – Выходит, Геллерт Ротт все-таки ошибся со своим пророчеством.

– Выходит, что так, – кивнул Сорроу. – Но с ним и раньше такое бывало: он выдавал желаемое за действительное.

– Так, я готова продолжить танцевать, – заявила Лана, решив, что с Рейна достаточно неловкой ситуации.

Тот не заставил просить себя дважды.

/

Когда обе пары присоединились к танцующим, Таня взяла мужа за руку и легонько сжала. Тот повернулся к ней и увидел, что она все еще следит взглядом за Ланой и Рейном. Впрочем, для нее тот наверняка оставался Мареком Кроллом – человеком, заставившим пережить одни из самых ужасных моментов года, проведенного на спецкурсе в Орте.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался Сорроу больше для того, чтобы отвлечь ее от этих мыслей.

Однако Таня решила ответить искренне:

– О том, что мир за Занавесью, открывшийся мне когда-то, очень похож на сказку. Здесь добро все-таки побеждает зло, хоть порой и не без потерь. Люди находят друг друга, хоть порой и не сразу. И даже злодеи со временем получают свой хэппи-энд...

– Хоть им для этого и приходится перестать быть злодеями, – серьезно закончил за нее Сорроу.

И только Таня могла увидеть на дне темных глаз бывшего короля истинное значение этих слов для него.

Она улыбнулась и погладила его по щеке.

– Вот только спокойной жизни у нас тут так и не получилось, – весело заметила она. – И подозреваю, что не получится даже теперь.

Сорроу подозрительно прищурился.

– К чему ты клонишь?

– Да так... – она изобразила на лице невинное выражение и пожала плечами. – Просто подумалось, не пора ли нам немного сменить обстановку. Ты ведь так ни разу и не был по другую сторону Занавеси. Может быть, стоит попробовать?